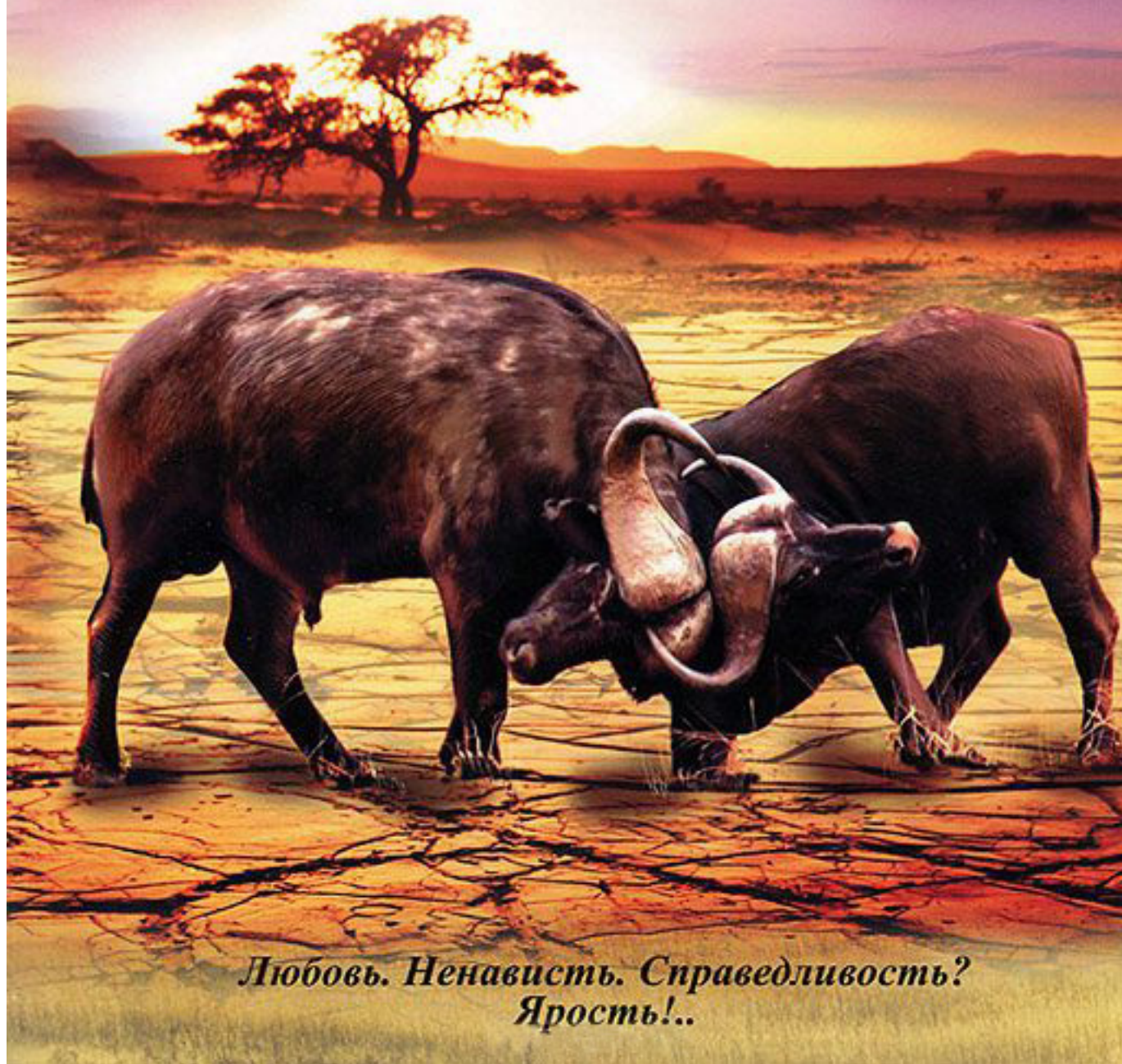

УИЛБУР СМИТ

ЯРОСТЬ

Уилбур Смит
Ярость
Серия «Кортни», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4561664

Уилбур Смит. Ярость: Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-42217-1

Оригинал: WilburSmith, "Rage"

Перевод:

Дмитрий Арсеньев

Аннотация

Вторая мировая закончена.

Но война, сделавшая двух братьев врагами не на жизнь, а на смерть, продолжается!

Грехи прошлого по-прежнему довлеют над кланом Кортни. Тайны отцов все еще грозят сломать жизнь их сыновьям, только вражда их перенеслась с поля боя в коридоры высшей власти.

Южная Африка не желает больше терпеть гнета Британской империи, – и Манфред Деларей оказывается одним из лидеров борцов за независимость.

Но во главе южноафриканских сторонников англичан стоит его брат, его заклятый враг – Шаса Кортни, не уступающий ему ни мужеством, ни жестокостью, ни силой характера...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	111
-----------------------------------	-----

Уилбур Смит

Ярость

Эту книгу я посвящаю своей жене Мохинисо. Прекрасная, любящая, верная и преданная, ты единственная в мире.

Тара Кортни со свадьбы не носила белого. Ее любимый цвет, зеленый, лучше всего шел к ее густым каштановым волосам. Возможно поэтому белое платье, надетое сегодня, заставило Тару снова почувствовать себя новобрачной – трепет, робость, опаска, но в то же время и радость, сознание серьезности происходящего. Манжеты и воротник платья украшали легкие кружева цвета слоновой кости, а волосы она расчесала так, что под ярким солнцем Кейпа в них сверкали рубиновые огоньки. От возбуждения щеки Тары пылали, и, хоть она выносила четверых детей, стан у нее был стройный, как у молодой девицы. От этого еще более неуместным казался широкий траурно-черный шарф, который она набросила на плечо: юность и красота в цветах скорби. Несмотря на смятение чувств, Тара стояла, сжав перед собой руки, склонив голову. Стояла молча и неподвижно.

Тару пребывала в компании с почти полсотней женщин, все в белом, с черными шарфами, все в скорбной позе; они стояли на равных расстояниях друг от друга вдоль тротуара перед главным входом в здание парламента Южно-Африканского Союза.

Почти все эти женщины были молоды и привычного для Тары круга: входящие в элиту, обеспеченные, скупающие. Многие присоединились к протесту в поисках острых ощущений, какие дает попытка бросить вызов власти и позлить окружающих. Некоторые пытались вернуть внимание мужей, которые на одиннадцатом году брака, ставшего привычным, больше занимались бизнесом, гольфом или другими чисто мужскими видами деятельности, не связанными с семьей. Однако было и активное ядро, из женщин постарше, но включавшее и несколько молодых, вроде Тары и Молли Бродхерст. Ими двигала неприязнь к несправедливости. Тара попыталась выразить эти чувства на утренней пресс-конференции, когда репортер «Кейпского Аргуса» спросил у нее: «Почему вы это делаете, миссис Кортни?» Она ответила: «Потому что не люблю насильников и обманщиков». И сейчас испытывала мстительное чувство.

– А вот и большой злой волк, – сказала женщина, стоявшая в пяти шагах от Тары. – Соберитесь, девочки!

Тара восхищалась Молли Бродхерст – одной из основательниц «Черного шарфа», маленькой решительной женщиной за тридцать, – и старалась ей подражать.

Из-за угла Парламентской площади выехал черный «шевроле» с правительственными номерами, и из него на тротуар вышли четыре человека. Один из них – полицейский фотограф – сразу принялся за работу: он со своей камерой «Хассельблад» шел вдоль ряда женщин и фотографировал каждую. За ним шли еще двое, вооруженные записными книжками. Хотя одеты они были в штатские, плохо скроенные костюмы, обувь выдавала в них полицейских, и держались они резко и деловито: шагая вдоль шеренги женщин, они записывали имена и адреса каждой протестующей. Тара, которая к этому времени уже стала специалисткой, определила, что это сержанты спецподразделений, а четвертого она, как и большинство остальных женщин, знала и по имени, и в лицо.

Легкий, летний серый пиджак, темно-бордовый галстук, коричневые брюки и широкополая серая шляпа. Среднего роста, с ничем не примечательным лицом, но с широким дружелюбным ртом; он улыбнулся и приподнял шляпу, обращаясь к Молли:

– Доброе утро, миссис Бродхерст. Вы сегодня рано. Процессия прибудет только через час.

– Вы нас арестуете, инспектор? – ядовито спросила Молли.

– Ни в коем случае. – Инспектор приподнял бровь. – Вы ведь знаете, это свободная страна.

– Вы меня обманываете.

– Ах, гадкая миссис Бродхерст. – Он покачал головой. – Пытаетесь меня спровоцировать.

По-английски он говорил превосходно, лишь с легким африкандерским акцентом.

– Нет, инспектор. Мы протестуем против грязных предвыборных махинаций преступного правительства, против отказа от главенства законов, против лишения большинства южноафриканцев гражданских прав только на основании цвета кожи.

– Похоже, миссис Бродхерст, вы повторяетесь. Все это вы уже говорили мне в нашу последнюю встречу. – Инспектор усмехнулся. – Далее вы потребуете, чтобы я снова вас арестовал. Давайте не будем омрачать сегодняшнее замечательное событие...

– Открытие парламента, оправдывающего несправедливость и угнетение, – повод для траура, а не для торжества.

Инспектор сдвинул шляпу набекрень, но за его агрессивным поведением чувствовалось искреннее уважение и даже некоторое восхищение.

– Продолжайте, миссис Бродхерст, – сказал он. – Я уверен, скоро мы снова встретимся.

Он пошел дальше и остановился напротив Тары.

– Доброе утро и вам, миссис Кортни. – Он помолчал, на этот раз не скрывая восхищения. – А что думает о вашем изменническом поведении ваш знаменитый супруг?

– Разве измена – противостоять крайностям Националистической партии и законодательству, ставящему во главу угла расу и цвет кожи, инспектор?

Его взгляд на мгновение упал на грудь Тары, большую, но красивую, укрытую белыми кружевами, потом вновь вернулся к лицу.

– Вы слишком хороши для этого вздора, – сказал он. – Оставьте его седовласым дурам. Ступайте домой, где ваше истинное место, и займитесь своими детьми.

– Ваше мужское высокомерие нестерпимо.

Она вспыхнула от гнева, не сознавая, что это только подчеркивает красоту, о которой он говорил.

– Хотел бы я, чтобы все изменницы так выглядели. Это сделало бы мою работу гораздо более приятной. Благодарю вас, миссис Кортни.

Он улыбнулся, чем привел ее в бешенство, и пошел дальше.

– Не позволяй ему сердить тебя, – негромко сказала Молли. – Он на это мастер. Наш протест мирный. Помни Махатму Ганди.

Тара с усилием подавила гнев и снова замерла в смиренной позе. За ней на тротуаре начала собираться толпа зрителей. Цепочка женщин в белом становилась предметом любопытства и потехи, иногда одобрения, но чаще вражды.

– Проклятые коммуняки, – сказал Таре мужчина средних лет. – Хотите отдать страну дикарям. Вас следует посадить под замок, всех.

Он был хорошо одет и говорил, как образованный человек. На лацкане даже красовалось маленькое изображение британской каски – свидетельство добровольного участия в войне с фашизмом. Его слова были напоминанием о том, какой молчаливой поддержкой пользуется Националистическая партия даже у англоговорящих белых граждан.

Тара, опустив голову, закусила губу и заставила себя промолчать, даже когда в собравшейся толпе прозвучали насмешки от кого-то из цветных.

Припекало, солнце было ярким, как на Средиземном море, и хотя над массивной плоской вершиной Столовой горы собирались плотные облака, предвестники юго-восточного ветра, сам ветер еще не достиг стоящего под горой города. Толпа стала большой и шумной;

Тару толкнули – она полагала, намеренно. Она постаралась сохранить спокойствие, сосредоточившись на здании через дорогу от места, где стояла.

Построенное сэром Гербертом Бейкером, этим образцовым представителем имперского архитектурного стиля, здание было массивным и внушительным, с красными кирпичными колоннами на белом, – далеким от современных вкусов Тары, предпочитавшей нестесненное пространство и линии, стекло и обстановку из светлой скандинавской сосны. Здание словно олицетворяло все косное, устаревшее, все то, что Тара хотела бы видеть сметенным и отброшенным.

Течение ее мыслей нарушил нараставший выжидательный шум толпы.

– Едут, – сказала Молли. Толпа дрогнула, качнулась и разразилась приветственными криками. Послышался стук копыт, и на улице показались конные полисмены, на их пиках весело развевались флажки; опытные всадники сидели на специально подобранных одинаковых лошадях, чья лоснящаяся шкура блестела на солнце, как надраенный металл.

За ними двигались открытые коляски. В первой восседали генерал-губернатор и премьер-министр. Вот он, Дэниэл Малан, защитник африкандеров, с грозным, некрасивым, почти лягушачьим лицом, человек, чьим единственным открыто провозглашенным намерением стало будущее тысячелетнее незыблемое господство его Volk'a в Африке. Никакая тому цена не кажется Малану слишком высокой.

Тара смотрела на него с неприязнью: этот человек воплощал все ненавистное ей в правительстве, распорядившемся землей и такими дорогими ей людьми. Когда коляска проезжала мимо, Тара и Малан на мгновение встретились глазами и Тара постаралась вложить в свой взгляд всю силу своих чувств, но Малан скользнул по ней мрачным взглядом без тени узнавания или раздражения. Он смотрел на Тару и не видел, и ее гнев превратился в отчаяние.

«Что нужно сделать, чтобы заставить этих людей просто слушать?» – подумала она, но в это время важные лица вышли из колясок и вытянулись во фронт: зазвучал национальный гимн. Хотя Тара этого пока не знала, на открытии парламента Южной Африки «Короля»¹ исполняли в последний раз.

Оркестр завершил гимн громом фанфар, и министры кабинета вслед за генерал-губернатором и премьером начали проходить через главный вход в здание. За министрами шли руководители оппозиции. Этого момента Тара страшилась – среди них шагали ее ближайшие родственники. Самой поразительной парой во всей длинной процессии были ее отец, высокий, полный достоинства, как лев-патриарх, и шедшая под руку с ним Сантэн де Тири Кортни-Малкомс, стройная и изящная в желтом шелковом платье, прекрасно подходившем к такому случаю, и в элегантной шляпке без полей на маленькой аккуратной голове; казалось, она не старше самой Тары, хотя все знали, что ее называли Сантэн², потому что она родилась в первый день двадцатого столетия.

Тара думала, что ее не заметили: она никого не предупреждала о своем участии в протесте. Но на вершине широкой лестницы процессия на мгновение задержалась, и, прежде чем войти в дверь, Сантэн нарочно обернулась. Со своего наблюдательного пункта она видела все поверх голов охраны и участников процессии; мачеха поймала взгляд Тары на противоположной стороне улицы и мгновение смотрела ей прямо в глаза.

Хотя выражение лица Сантэн не изменилось, ее неодобрение, замеченное даже издали, Тара ощутила как хлесткую пощечину. Сантэн ставила честь, достоинство и доброе имя семьи выше всего. Она неоднократно предупреждала Тару о том, что нельзя выставять себя на всеобщее обозрение, на посмешище, а противостоять Сантэн было опасно: она при-

¹ «Боже, храни короля/королеву» – гимн Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Столетие (*фр.*).

ходила Таре не только мачехой, но и свекровью, она была главой семейства Кортни и владелицей всего состояния семьи.

На середине лестницы Шаса Кортни заметил, куда направлен яростный взгляд матери, быстро обернулся и увидел среди протестующих в черных шарфах свою жену. Когда утром за завтраком она сказала ему, что не будет сопровождать его в процессии, Шаса лишь ненадолго оторвал взгляд от финансовых страниц утренней газеты.

– Как хочешь, дорогая. Будет ужасно скучно, – сказал он. – Нельзя ли получить еще чашку кофе, когда у тебя найдется время?

Теперь, узнав ее, он улыбнулся уголками губ, с деланным отчаянием едва заметно покачал головой, словно Тара была проказливым ребенком, и отвернулся: процессия продолжала движение.

Он был невозможно красив; черная повязка на глазу придавала ему лихой пиратский вид, что большинство женщин находили интригующим и вызывающим. Они с Тарой считались самой красивой молодой парой в высшем обществе Кейптауна. Странно, как считанные годы превратили пламя их любви в серую холодную золу. «Как хочешь, дорогая...» – теперь он часто так говорил.

Последние заднескамеечники исчезли в здании парламента, кавалерийский эскорт и пустые коляски двинулись дальше, и толпа начала расходиться. Демонстрация закончилась.

– Идем, Тара? – спросила Молли, но Тара покачала головой.

– Мне нужно встретиться с Шасой, – сказала она. – Увидимся днем в пятницу.

Тара сняла через голову черный шарф, сложила его, спрятала в сумочку, пробралась через толпу и пересекла улицу.

Она не усмотрела никакой иронии в том, что предъявила у входа для посетителей пропуск в парламент и вошла в учреждение, против политики которого так яростно протестовала. Поднялась по широкой лестнице и заглянула на галерею для посетителей. Там толпились жены политиков и важные гости; Тара посмотрела через их головы вниз: на обитых зеленой кожей сиденьях расположились депутаты в строгих костюмах, занятые ритуалом открытия парламента. Но она знала, что речи будут обычными, банальными и скучными до оскомины, а она с раннего утра простояла на улице, и теперь ей срочно требовалось в туалет.

Она улыбнулась служителю, незаметно вышла и заспешила по широкому, отделанному панелями коридору. Побывав в женском туалете, Тара направилась в кабинет отца: она часто пользовалась им как собственным.

Повернув за угол, она едва не столкнулась с человеком, который шел в противоположном направлении. Она едва успела остановиться и разглядела, что это высокий чернокожий мужчина в форме служителя из штата парламента. Она прошла бы мимо, кивнув и улыбнувшись, но тут ей пришло в голову, что сейчас, когда заседает парламент, прислуге нечего делать в этой части здания, поскольку в конце коридора располагались кабинеты премьер-министра и лидера оппозиции. К тому же, хотя служитель нес ведро и швабру, в нем было нечто не свойственное обслуживающему персоналу и вообще людям физического труда. Тара пристально взглянула ему в лицо.

И вздрогнула от шока узнавания. Прошло много лет, но она не забыла это лицо – лицо египетского фараона, благородное и яростное, живые темные глаза, искрящиеся умом. Он по-прежнему оставался одним из самых красивых мужчин, каких ей доводилось видеть, и она вспомнила его голос, глубокий и волнующий. Это воспоминание заставило ее вздрогнуть. «Есть род, у которого зубы – мечи, и челюсти – ножи, чтобы пожирать бедных на земле и нищих между людьми»³.

³ Книга притчей Соломоновых, 30:14.

Именно этот человек впервые дал ей понять, каково родиться черным в Южной Африке. И именно благодаря этой давней встрече она нашла свое истинное предназначение. Несколькими словами этот человек изменил ее жизнь.

Она остановилась, преградив ему дорогу, и попыталась передать ему свои чувства, но в горле у нее пересохло, и она обнаружила, что дрожит от потрясения. В миг, когда он понял, что его узнали, он мгновенно изменился, как леопард, почуявший охотников и насторожившийся. Тара поняла, что ей грозит опасность: от этого человека исходило ощущение африканской жестокости, но она не испугалась.

– Я друг, – негромко сказала она и отступила, давая ему возможность пройти. – У нас общее дело.

Он на миг замер, глядя на нее. Тара знала, что он больше никогда ее не забудет; его взгляд словно огнем опалил ее; потом этот человек кивнул.

– Я тебя знаю, – сказал он, и снова его голос, глубокий и мелодичный, пронизанный ритмами Африки, заставил ее задрожать. – Мы еще встретимся.

Он прошел мимо и, не оглядываясь, исчез за поворотом коридора. Тара стояла, глядя ему вслед, сердце ее колотилось, дыхание обжигало горло.

– Мозес Гама, – прошептала она его имя. – Мессия и воин Африки... – Тут она замолчала и оглянулась. – Что ты здесь делаешь?

Ее чрезвычайно заинтересовали возможные причины его присутствия здесь, потому что она поняла: начался крестовый поход, и ей отчаянно захотелось принять в нем участие. Ей хотелось не просто стоять на улице в черном шарфе. Она знала, что стоит только Мозесу Гаме поманить ее пальцем, и она пойдет за ним – она и еще десять миллионов.

«Мы еще встретимся», – обещал он, и Тара поверила.

Возбужденная и радостная, она зашагала по коридору. У нее был свой ключ от кабинета отца, и когда Тара сунула его в скважину, перед ее глазами оказалась медная табличка:

ПОЛКОВНИК БЛЭЙН МАЛКОМС,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЛИДЕРА ОППОЗИЦИИ

Тара с удивлением обнаружила, что замок отперт, толкнула дверь и вошла в кабинет. Сантэн Кортни-Малкомс, стоявшая за столом у окна, повернулась к ней.

– Я ждала вас, барышня.

Тару раздражал французский акцент свекрови. «За последние тридцать пять лет она лишь раз была во Франции», – подумала она и вызывающе подняла голову.

– Не вскидывай голову, Тара, cheri, – продолжала Сантэн. – Ведешь себя, как ребенок, так жди, что с тобой будут обращаться, как с ребенком.

– Нет, мама, вы ошибаетесь. Я не жду, что вы будете обращаться со мной, как с ребенком, – ни сейчас и никогда. Я замужняя женщина, мне тридцать три года, я мать четверых детей и хозяйка в своем доме.

Сантэн вздохнула.

– Хорошо, – кивнула она. – Прости за грубость, это от волнения. Не будем делать разговор еще более трудным.

– Я не знала, что нам нужно о чем-то говорить.

– Сядь, Тара, – приказала Сантэн. Тара невольно повиновалась и сразу рассердилась на себя за это. Сама Сантэн уселась в кресло Тариного отца за столом, что Таре тоже не понравилось: место папино, эта женщина не имеет на него права.

– Ты сама сейчас сказала, что ты замужняя женщина и что у тебя четверо детей, – спокойно заговорила Сантэн. – Ты же не будешь отрицать, что у тебя есть долг...

– О моих детях хорошо заботятся! – вспыхнула Тара. – Меня не в чем упрекнуть.

– А что же твой муж и ваш брак?

– При чем тут Шаса?

Тара мгновенно перешла к обороне.

– Скажи сама, – предложила Сантэн.

– Это не ваше дело.

– Нет, мое, – возразила Сантэн. – Я посвятила Шасе всю жизнь. Я хочу, чтобы он стал одним из вождей нации.

Она замолчала, и на мгновение в ее взгляде появилась мечтательность; Сантэн слегка прищурилась. Такое выражение Тара замечала у Сантэн и раньше, когда свекровь глубоко задумывалась, и ей захотелось как можно грубее прервать эти мысли.

– Это невозможно, вы же знаете.

Взгляд Сантэн снова прояснился; она пристально взглянула на Тару.

– Нет ничего невозможного – ни для меня, ни для нас.

– Конечно есть, – злорадно ответила Тара. – Вы не хуже меня знаете, что националисты обманом победили на выборах, они весь парламент наводнили своими ставленниками. Навсегда захватили власть. Главой государства никогда уже не станет тот, кто не из их числа – не африканер; не станет до самой революции, а когда революция произойдет, таким лидером станет чернокожий.

Тара умолкла, вспомнив Мозеса Гаму.

– Наивная, – выпалила Сантэн. – Ты ничего в этом не понимаешь. Что за детские и безответственные разговоры о революции!

– Не стану спорить, мама. В глубине души вы, однако, знаете, что я права. Ваш дорогой Шаса никогда не осуществит вашу мечту. Даже он начинает чувствовать тщетность деятельности оппозиции. Невозможное перестает его интересовать. Не удивлюсь, если он откажется участвовать в следующих выборах, откажется от политических амбиций, которые вы в нем насаждаете, и просто возьмется зарабатывать очередной миллион фунтов.

– Нет, – покачала головой Сантэн. – Шаса не сдастся. Он боец, в меня.

– Он никогда не станет членом правительства, тем более премьером, – решительно заявила Тара.

– Если ты в этом убеждена, ты не жена моему сыну, – сказала Сантэн.

– Это вы сказали, – тихо ответила Тара. – Вы. Не я.

– Тара, дорогая, прости. – Сантэн протянула руку, но стол был слишком широк, чтобы она могла коснуться руки Тары. – Прости, я сорвалась. Все это, с моей точки зрения, очень важно и глубоко меня затрагивает, но я не желаю настраивать тебя враждебно. Я хочу только помочь тебе – я беспокоюсь за вас с Шасой. Я хочу помочь. Тара, ты позволишь помочь?

– Не думаю, что мы нуждаемся в помощи, – спокойно солгала Тара. – Мы с Шасой совершенно счастливы. У нас четверо прекрасных детей...

Сантэн сделала нетерпеливый жест.

– Тара, мы с тобой редко говорим с глазу на глаз. Но я твой друг, искренний друг. Я хочу для вас с Шасой и для малышей самого лучшего. Ты позволишь мне помочь?

– Но как, мама? Дадите нам денег? Но вы и так дали десять или двадцать миллионов – или это были тридцать миллионов фунтов? Иногда я сбиваюсь со счета.

– Разрешешь поделиться опытом? Прислушаешься к моему совету?

– Да, мама, я слушаю. Не обещаю, что последую ему, но выслушаю.

– Во-первых, Тара, голубушка, откажись от таких безумных левацких поступков. Ты подрываешь репутацию всей семьи. Выставляя напоказ себя, когда так одеваешься и стоишь на улице, ты выставляешь напоказ всех нас. К тому же это чрезвычайно опасно. Закон о борьбе с коммунизмом не отменен⁴. Тебя могут объявить коммунисткой и выписать запрети-

⁴ The Suppression of Communism Act, закон, принятый правительством Южно-Африканского Союза в 1950 году. Закон

тельный ордер⁵. Подумай об этом. Ты перестанешь быть личностью, лишишься всех человеческих прав, утратишь достоинство. А политическая карьера Шасы? Как это скажется на нем?

– Мама, я обещала выслушать, – упрямо сказала Тара. – Но теперь отказываюсь от своего обещания. Я знаю, что делаю. – Она встала и пошла к выходу, у дверей остановилась и оглянулась. – Вам когда-нибудь приходило в голову, Сантэн Кортни-Малкомс, что моя мать умерла с разбитым сердцем и что сердце ей разбил ваш откровенный блуд с моим отцом? И вы смеете сидеть здесь и самодовольно учить меня, как жить, чтобы не опозорить вас и вашего драгоценного сына?

Она вышла и беззвучно закрыла за собой тяжелую тиковую дверь.

* * *

Шаса Кортни сидел на скамьях оппозиции, сунув руки в карманы и вытянув вперед скрещенные в лодыжках ноги, и внимательно слушал выступление министра внутренних дел, который рассказывал, какие законопроекты собирается представить в следующем году.

Министр внутренних дел – самый молодой член кабинета, примерно Шасин ровесник, что само по себе необычно. Африкандеры уважают годы и не доверяют опыту и порывистости молодых. Средний возраст остальных членов националистического кабинета не ниже шестидесяти пяти лет, подумал Шаса, и тем не менее вот перед ним стоит Манфред Деларей, по сравнению с ними юнец, которому нет и сорока, и излагает содержание поправки к Закону о преступности, которую намерен провести через различные законодательные процедуры.

– Он просит права объявлять чрезвычайное положение без решения суда, а это поставит полицию выше закона, – прошептал рядом с ним Блэйн Малкомс, и Шаса кивнул, не оглядываясь на тестя. Он продолжал наблюдать за выступающим.

Манфред Деларей, как обычно, говорил на африкаансе. По-английски он изъяснялся с трудом, с сильным акцентом, и делал это неохотно, лишь из уважения к двуязычию парламента. С другой стороны, на родном языке он красноречив и убедителен, он так искусно владеет ораторскими приемами, словно впитал их с молоком матери, и не раз вызывал гул одобрения на скамьях оппозиции и выкрики «Hoog, hoor!»⁶ от своей партии.

– Этот парень наглец, – покачал головой Блэйн Малкомс. – Он просит о полномочиях отменять закон и устанавливать полицейское государство по капризу правящей партии. Придется дать решительный бой.

– Точно, – согласился Шаса, но про себя подумал, что завидует этому человеку, к которому его в то же время загадочно влечет. Странно, как неразрывно связанными кажутся их судьбы.

Впервые он встретил Манфреда Деларея двадцать лет назад. Без всякой видимой причины они стали наскакивать друг на друга, как бойцовые петухи, и началась жестокая драка. Шаса поморщился, вспомнив, чем она кончилась: столько лет спустя он все так же тяжело переживал тогдашнее поражение. С тех пор их пути не раз пересекались.

В 1936 году они оба в составе национальной команды отправились в Берлин, на Олимпийские игры Адольфа Гитлера, но именно Манфреду Деларею досталась единственная золотая медаль, завоеванная командой, в то время как Шаса вернулся с пустыми руками. Они ожесточенно соперничали за одно место на выборах 1948 года, с которых началось усиление Националистической партии, и опять Манфред Деларей победил и занял место в пар-

запрещал коммунистическую партию и любую деятельность, которую правительство считало коммунистической.

⁵ Во время системы апартеида в ЮАР – судебный запрет свободно перемещаться и встречаться с другими людьми.

⁶ Слушайте, слушайте!

ламенте, в то время как Шаса пришлось дожидаться добавочных выборов в благоволящем к Объединенной партии округе, чтобы получить место на скамьях оппозиции, с которых он сейчас наблюдал за соперником. Теперь Манфред министр – этого поста Шаса жаждал всем сердцем; учитывая политическую проницательность Манфреда Деларея и его основательное влияние в партии, его перспективы кажутся безграничными.

Зависть, восхищение и яростное неприятие – вот что испытывал Шаса, слушая человека на противоположном конце зала и внимательно изучая его.

У Манфреда Деларея по-прежнему была фигура боксера, широкие плечи и сильная шея, но он расплылся в талии, и линия подбородка начала заплывать плотью. Он не поддерживает форму, и его жесткие мышцы размягчаются. Шаса самодовольно окинул взглядом свои стройные бедра и плоский живот и снова сосредоточился на сопернике.

У Манфреда Деларея кривой нос, а поперек черной брови белый шрам – эти повреждения он получил на боксерском ринге. Но глаза у него необычно светлые, как желтый топаз, непроницаемые кошачьи глаза, в глубине которых, однако, горит огонь интеллекта. Как и все министры националистического кабинета, за исключением только премьер-министра, он высокообразованный и умный человек, набожный и преданный, абсолютно убежденный в божественном праве своей партии и своего Volk'a.

«Они искренне считают себя орудием Господа на земле. Именно это делает их такими опасными».

Шаса мрачно улыбнулся, когда Манфред умолк и сел под одобрителный рев своей стороны зала. Депутаты размахивали листками с повесткой дня, премьер-министр наклонился и потрепал Манфреда по плечу; с задних скамей ему передавали десяток поздравительных записок.

Шаса воспользовался этой возможностью, чтобы извиниться перед тестем.

– Сегодня я вам больше не понадобится, но если буду нужен, вы знаете, где меня найти.

Он встал, поклонился спикеру и как можно незаметнее направился к выходу. Однако Шаса – шесть футов один дюйм роста, черная повязка через глаз, темные выющиеся волосы, красивое лицо – привлек множество задумчивых взглядов молодых женщин на галерее и враждебных – с правительственных скамей.

Когда Шаса проходил мимо, Манфред Деларей оторвался от записки, которую читал, и мужчины обменялись напряженным загадочным взглядом. Затем Шаса вышел из зала, снял пиджак, набросил его на плечо и, улыбнувшись дежурному, вышел на солнце.

У Шасы не было кабинета в парламенте, потому что до «Сантэн-хауса» – семиэтажной штаб-квартиры «Горно-финансовой компании» – было всего две минуты ходьбы через парк. Проходя под дубами, Шаса мысленно сменил цилиндр политика на фетровую шляпу предпринимателя. Жизнь его делилась на две части, и он научился сосредоточиваться на каждой по очереди, не позволяя себе разбрасываться.

К тому времени как он пересек улицу перед собором Святого Георгия и вошел во вражьи двери «Сантэн-хауса», он уже думал о финансах и добыче ископаемых, перебирал цифры и возможности, взвешивал отчеты и факты, сопоставляя их с подсказками собственного чутья, и наслаждался игрой в деньги точно так же, как парламентскими ритуалами и конфронтациями.

В вестибюле с мраморными столами и колоннами две хорошенькие девушки за стойкой дежурных расплылись в радостных улыбках.

– Добрый день, мистер Кортни, – хором сказали они, и, проходя к лифту, он одарил их испепеляющей улыбкой. Его реакция была подсознательной: он любил, когда его окружали красивые женщины, хотя никогда не касался тех, кто на него работал. Это было бы кровосмешение, это было бы неспортивно, все равно что подстрелить сидящую птицу: ведь они

были не в состоянии сопротивляться ему. Тем не менее, когда двери лифта за ним закрылись, девушки за столом дружно вздохнули и закатили глаза.

Джанет, его секретарша, услышала лифт и, когда дверь раскрылась, уже ждала. Она больше соответствовала вкусу Шасы – зрелая, уравновешенная, ухоженная, деловитая, однако, хотя она не пыталась скрывать свое восхищение, правила, которые Шаса сам себе установил, действовали и в этом случае.

– Что у нас, Джанет? – спросил он, и, следуя за ним из прихожей в его кабинет, она зачитала список его встреч на вторую половину дня.

Шаса вначале подошел к телетайпу в углу и пропустил сквозь пальцы ленту с ценами. Англичане упали на два шиллинга, пожалуй, пора покупать снова.

– Позвоните Аллену и отложите встречу. Я пока не готов, – сказал он Джанет и прошел за свой стол. – Дайте мне пятнадцать минут, потом соедините по телефону с Дэвидом Абрахамсом.

Она вышла, а Шаса принялся просматривать грудку телексов и срочных сообщений, которые секретарь оставила на его столе. Он работал быстро, не отвлекаясь на великолепный вид Столовой горы за окном на противоположной стене, и, когда пятнадцать минут спустя зазвонил телефон, был готов к разговору.

– Привет, Дэвид, что происходит в Йохбурге?

Вопрос был риторический: Шаса и так знал, что происходит и что он собирается предпринять. Среди документов на его столе лежали ежедневные отчеты и оценки; тем не менее он внимательно выслушал Дэвида.

Дэвида, управляющего директора финансовой группы, Шаса знал с университетских дней. Дэвид был самым близким ему человеком – за исключением Сантэн, конечно.

Хотя шахта Х’ани к северу от Виндхука по-прежнему оставалась основой процветания компании, чем была все тридцать два года с тех пор, как ее открыла Сантэн Кортни, компания под руководством Шасы расширилась и всесторонне развилась, так что ему пришлось перенести головную контору из Виндхука в Йоханнесбург. Перемещение в Йоханнесбург, коммерческий центр страны, было неизбежно, но это при всем при том был мрачный, бессердечный, непривлекательный город. Сантэн Кортни-Малкомс отказалась переезжать туда с прекрасного мыса Доброй Надежды, поэтому финансовый и административный центр компании оставался в Кейптауне. Получалось неудобное и дорогостоящее дублирование, но Сантэн всегда поступала по-своему. Более того, Шасе так было удобнее оставаться вблизи парламента; он любил Кейптаун не меньше матери и не пытался переубедить ее.

Шаса минут десять говорил с Дэвидом, потом сказал:

– Хорошо, по телефону этого не решить. Я прилечу.

– Когда?

– Завтра во второй половине дня. У Шона в десять утра регби, матч. Не могу пропустить. Я ему обещал.

Дэвид несколько мгновений молчал, сравнивая относительное значение спортивных достижений школьника с возможным вложением десяти с лишним миллионов фунтов в развитие новых золотоносных территорий компании в Свободной Оранжевой республике.

– Позвони перед вылетом, – покорно согласился он. – Я сам тебя встречу на взлетном поле.

Шаса повесил трубку и посмотрел на часы. Он хотел пораньше вернуться в Вельтеврден, чтобы побыть с детьми час до их ужина и купания. Работу можно было закончить после собственного ужина. Он начал укладывать оставшиеся бумаги в свой дипломат «Hermes» из черной крокодиловой кожи, когда в дверь постучали и вошла Джанет.

– Простите, сэр. Вот, доставили только что. Парламентский курьер, и он сказал, что это очень срочно.

Шаса взял у нее плотный конверт. На его столе стоял дорогой письменный набор, предназначенный для членов кабинета, с гербом Союза – разделенным на четыре части щитом с поддерживающими его стоящими антилопами, и под ним на ленте девиз «Ex Unitate Vires» – «Сила в единстве».

– Спасибо, Джанет.

Он пальцем вскрыл конверт и достал один-единственный листок с грифом «Министр внутренних дел». Записка была на африкаансе:

«Дорогой мистер Кортни,

Зная Ваш интерес к охоте, одна чрезвычайно значительная особа просила меня пригласить Вас в ближайший уик-энд поохотиться на антилоп-прыгунов на ранчо этой особы. На ранчо есть посадочная полоса, ее координаты – 28°32'ю. ш. 26°16'в. д.

Могу заверить вас, что охота будет хорошей, а общество интересным. Пожалуйста, дайте знать, сможете ли вы присутствовать.

Искренне,

Манфред Деларей».

Шаса улыбнулся и, негромко присвистнув сквозь зубы, подошел к крупномасштабной карте на стене и отыскивал координаты. Записка означала вызов, и он догадывался, кто эта значительная особа. Ранчо расположено в Свободной Оранжевой республике, сразу к югу от золотоносных полей Уэлкома, и потребуется сделать лишь небольшой крюк, чтобы добраться туда на обратном пути из Йоханнесбурга.

«Интересно, что они задумали». Он похолодел от предчувствия. Именно такие загадки ему особенно нравились, и на листке со своим личным грифом он торопливо написал:

«Спасибо за любезное предложение поохотиться в эти выходные. Пожалуйста, передайте нашему хозяину, что я принимаю его приглашение и с нетерпением жду охоты».

Запечатывая ответ, он прошептал:

– Вам пришлось бы прибить мне ноги к земле, чтобы удержать.

* * *

В своем зеленом спортивном «ягуаре-СС» Шаса проехал в массивные белые ворота Вельтевредена. Фронтон ворот был создан в 1790 году Антоном Анрейтом, архитектором и скульптором Голландской Ост-Индской компании. Это замечательное произведение искусства служило достойным входом в поместье.

С тех пор как Сантэн передала поместье сыну, а сама поселилась с Блэйном Малкомсом по другую сторону гор Констанция-Берг, Шаса относился к Вельтевредену с такой же заботой и любовью, как она. Название означало по-голландски «всем довольный», и именно так чувствовал себя Шаса, когда заставил «ягуар» почти ползти, чтобы не запылить виноградные лозы по обеим сторонам дороги.

Сбор урожая был в полном разгаре, и яркие пятна – головы женщин, работающих на виноградниках, – соперничали с красно-золотой листвой. Когда Шаса проезжал мимо, женщины распрямлялись, улыбались и махали руками. Мужчины, согнувшиеся под тяжестью переполненных гроздьями корзин, тоже улыбались.

Юный Шон посреди поля вел один из фургонов; он заставлял тянувших повозку лошадей идти медленно, не опережая сборщиц. Фургон был завален спелыми гроздьями, сверкавшими, как рубины, в тех местах, где с ягод стерлась цветочная пыльца.

Увидев отца, Шон бросил повод возчику, который ненавязчиво присматривал за ним, спрыгнул с фургона и побежал между рядами лоз наперерез зеленому «ягуару». Ему было

всего одиннадцать, но он был очень рослым для своих лет. От матери он унаследовал чистую, блестящую кожу, а от отца красивые черты, а также крепкие ноги, и бежал он, как антилопа, пружинисто и быстро. Глядя на сына, Шаса чувствовал, что его сердце вот-вот разорвется от гордости.

Шон распахнул пассажирскую дверцу «ягуара», плюхнулся на сиденье и неожиданно вновь обрел достоинство.

– Добрый вечер, папа, – сказал он. Шаса обнял его за плечи и прижал к себе.

– Привет, парень. Как сегодня дела?

Они миновали виноградник и конюшни, и Шаса поставил машину в бывшем амбаре, где держал коллекцию из дюжины классических автомобилей старых марок. «Ягуар» ему подарила Сантэн, и он ценил его даже выше «роллс-ройса» модели «Фантом-I» 1928 года, с хуперовским⁷ кузовом, рядом с которым сейчас остановился.

Остальные дети увидели отца через окна детской и бросились к нему по лужайке. Впереди мчался младший сын Майкл, за ним, в пяти футах, средний – Гаррик. Их разделяло меньше года. Майкл, мечтательный, спокойный девятилетний мальчик, мог на долгие часы погрузиться в «Остров сокровищ» или целый день провести за акварелями, забыв обо всем. Шаса обнял его так же страстно, как старшего, и тут подбежал Гаррик, дыша сипло из-за астмы, бледный, худой, с торчащими вихрами.

– Добрый день, папа.

«Экий недотепа, – подумал Шаса, – и откуда у него эта астма и заикание?»

– Привет, Гаррик.

Шаса никогда не называл его «сын», или «мой мальчик», или «парень», как двоих других сыновей. Мальчик оставался для него всегда просто «Гарриком». Он легко потрепал сына по голове. Ему никогда и в голову не приходило обнять этого ребенка: мальчишке уже десять, а он все еще мочится в постель.

И Шаса с облегчением повернулся к дочери.

– Иди сюда, мой ангел, иди к папе!

Она бросилась к нему в объятия, завизжала от восторга, когда Шаса высоко подбросил ее, потом обхватила руками его шею и осыпала лицо влажными, теплыми поцелуями.

– Чего хочет сейчас мой ангел? – спросил Шаса, не опуская ее на землю.

– Хочу вейхом! – объявила Изабелла; она уже была в новых брюках для верховой езды.

– Значит, поедem вейхом, – согласился Шаса. Когда Тара обвиняла его в том, что он поощряет ее детскую речь, Шаса возражал: «Она еще совсем ребенок».

– Эта расчетливая маленькая лиса знает, как обвести тебя вокруг пальца, а ты и рад.

Он посадил дочь на плечо, и та уселась ему на шею, вцепилась для надежности ему в волосы и принялась подпрыгивать и распевать:

– Я люблю папочку!

– Пошли все, – приказал Шаса. – Перед ужином поедem вейхом.

Шон, уже слишком крупный и взрослый, чтобы идти за руку, тем не менее ревниво шагнул справа от Шасы; Майкл беззастенчиво вцепился в левую руку Шасы, а Гаррик шел в пяти шагах позади, восторженно глядя на отца.

– Я сегодня первый по арифметике, папа, – сказал он, но в шуме и смехе Шаса его не услышал.

Конюхи уже оседлали лошадей: вечерняя прогулка верхом стала семейной традицией. В помещении для упряжи Шаса сбросил городские туфли и поменял их на старые начищенные сапоги для верховой езды, потом посадил Изабеллу на спину толстой, маленькой пегой шотландки. Сел на своего жеребца и взял у конюха повод Изабеллиной лошади.

⁷ Известная компания, основанная в 1913 году.

– Отряд, вперед быстрым шагом марш! – отдал он кавалерийскую команду и поднял руку над головой, от чего Изабелла всегда начинала смеяться, и они поскакали со двора.

Сделали привычный круг по поместью, останавливаясь поговорить с черными десятниками и обмениваясь приветствиями с рабочими, которые возвращались домой с виноградников. Шон, сидя в седле прямо, с важным видом, по-взрослому обсуждал с отцом урожай винограда; потом Изабелла, чувствуя, что о ней забыли, вмешалась, и Шаса сразу наклонился и стал почтительно слушать, что она ему говорит.

Мальчики, как всегда, закончили прогулку бешеной скачкой через поле для поло до самых конюшен. Шон, который ездил, как кентавр, намного опередил остальных, Майкл был слишком мягок, чтобы пользоваться хлыстом, а Гаррик неловко подпрыгивал в седле. Несмотря на уроки Шасы, посадка у него оставалась ужасной, ступни и локти торчали под необычными углами.

«Сидит, как куль с картошкой», – раздраженно думал Шаса, спокойно двигаясь за мальчиками и ведя в поводу пони Изабеллы. Шаса, игрок международного класса в поло, воспринимал плохую посадку среднего сына как личное оскорбление.

Когда они вернулись, Тара на кухне присматривала за последними приготовлениями к ужину. Подняв голову, она небрежно поздоровалась с Шасой.

– Хорошо прошел день?

На ней были отвратительные, застиранные хлопчатобумажные брюки, которые Шаса терпеть не мог. Он любил женственных женщин.

– Неплохо, – ответил он, пытаясь высвободиться от Изабеллы, которая крепко держалась за его шею. Освободился и передал няньке.

– У нас к ужину будет двенадцать человек.

Тара снова повернулась к малайскому повару, который почтительно ждал рядом.

– Двенадцать? – резко спросил Шаса.

– В последний момент я пригласила Бродхерстов.

– О Боже, – простонал Шаса.

– Хочу, чтобы в виде исключения за столом был интересный, острый разговор, не только о лошадях, охоте и делах.

– В прошлый раз острый разговор с Молли Бродхерст привел к тому, что ужин закончился еще до девяти. – Шаса взглянул на часы. – Думаю, пора переодеться.

– Папа, а покорми меня! – крикнула Изабелла из детской за кухней.

– Ты уже большая девочка, мой ангел, – ответил он. – Надо научиться есть самой.

– Я могу сама, просто мне больше нравится, когда ты меня кормишь. Ну пожалуйста, папа, прошу триллион раз!

– Триллион? – переспросил Шаса. – Меня просят триллион раз? А ты знаешь, сколько это?

Но все равно пошел на ее призыв.

– Ты ее избалуешь, – сказала Тара. – Она становится невозможной.

– Знаю, – ответил Шаса. – Ты все время это говоришь.

Пока цветной лакей выкладывал смокинг и вставлял в манжеты рубашки платиновые с серебром запонки, Шаса быстро побрился. Несмотря на яростные протесты Тары, он всегда переодевался к ужину.

– Это так старомодно и консервативно.

– Зато цивилизованно, – возражал он.

Одевшись, он прошел по широкому коридору, устланному восточными коврами и увешанному акварелями Томаса Бейнса⁸, постучал в дверь Тары, услышал «Войдите!» и вошел.

⁸ Томас Бейнс (1820 – 1865) – английский художник и исследователь Южной Африки и Австралии.

Когда Тара носила Изабеллу, она переселилась сюда, да здесь и осталась. В прошлом году она сменила обстановку комнаты – убрала бархатные занавеси и мебель в стиле Георга Второго и Людовика Четырнадцатого, кумские шелковые ковры и великолепные картины маслом кисти Де Йонга и Ноде⁹, соскребла тканые обои со стен и золотую патины с желтых половиц, так что они теперь выглядели совсем незатейливо.

Стены теперь были совершенно белые, с единственной огромной картиной напротив кровати; это было чудовищное нагромождение геометрических фигур и цветных пятен в духе Миро, исполненное неизвестным студентом школы искусств Кейптаунского университета и не имеющее никакой ценности. По мнению Шасы, картинам надлежало служить приятным украшением и одновременно быть хорошим вложением денег. Картина Тары не отвечала ни одному из этих требований.

Мебель для своего будуара Тара выбрала прямоугольных форм из стекла и нержавеющей стали, и ее было очень мало. Край кровати проходил почти вровень с голым полом.

– Это шведский стиль, – объяснила Тара.

– Отправь ее назад в Швецию, – посоветовал Шаса.

Теперь он сел на стальной стул и закурил сигарету. Тара нахмурилась, глядя в зеркало.

– Прости. – Шаса встал и выбросил сигарету в окно. – После ужина я буду долго работать, – он снова повернулся к жене, – и хочу предупредить тебя, что завтра днем лечу в Йохбург и буду отсутствовать несколько дней. Возможно, пять или шесть.

– Отлично.

Она выпятила губы, чтобы покраситься светло-лиловой помадой, которую Шаса ненавидел.

– Еще одно, Тара. Банк лорда Литтлтона готов предоставить нам кредит на развитие золотоносных полей в Свободной Оранжевой республике. Я сочту личным одолжением, если вы с Молли не станете размахивать перед ним своими черными шарфами и развлекать толпу веселыми рассказами о несправедливости белых и о кровавой черной революции.

– Я не могу поручиться за Молли, но сама обещаю быть паинькой.

– Почему бы тебе сегодня не надеть бриллианты? – сменил он тему. – Ты в них так хороша.

С тех пор как Тара присоединилась к движению «Черный шарф», она ни разу не надевала бриллианты с шахты Х'ани. В них она чувствовала себя Марией-Антуанеттой.

– Не сегодня, – ответила она. – Они слишком кричащие, а у нас всего-навсего скромный семейный ужин.

Она пуховкой напудрила нос и посмотрела на Шасу в зеркало.

– Почему бы тебе не спуститься, дорогой? Твой драгоценный лорд Литтлтон прибывает с минуты на минуту.

– Сначала хочу укрыть Беллу.

Он подошел и встал за ней.

Они серьезно смотрели друг на друга в зеркале.

– Что с нами случилось, Тара? – тихо спросил он.

– Не понимаю, о чем ты, дорогой, – ответила она, но опустила глаза и принялась старательно поправлять платье.

– Увидимся внизу, – сказал Шаса. – Не задерживайся и поухаживай за Литтлтоном. Он важен для меня и любит красивых женщин.

После того как он закрыл за собой дверь, Тара несколько мгновений смотрела на нее, потом вслух повторила его вопрос:

⁹ Мартинус (Тинус) Йоханнес де Йонг (1885 – 1942) – один из самых известных южно-африканских художников. Питер Хьюго Ноде (1869 – 1941) – южно-африканский пейзажист и портретист.

– Что с нами случилось, Шаса? Очень просто. Я выросла и больше не могу терпеть ту пошлость, которой ты заполняешь свою жизнь.

По дороге вниз она заглянула к детям. Изабелла спала, закрыв лицо плюшевым мишкой. Тара спасла дочь от удушения и прошла к мальчикам. Не спал только Майкл. Он читал.

– Гаси свет! – приказала она.

– Мама, только до конца главы!

– Туши!

– Только одну страницу!

– Давай, давай!

И она ласково поцеловала его.

Наверху, у лестницы, она набрала в грудь побольше воздуха, как ныряльщик на высоком трамплине, солнечно улыбнулась и спустилась в голубую гостиную, где первые гости уже пили херес.

Лорд Литтлтон оказался гораздо лучше, чем она ожидала, – высокий, седовласый, добродушный.

– Вы охотитесь? – спросила она при первой возможности.

– Не выношу вида крови, дорогая.

– А верхом ездите?

– Лошади? – фыркнул он. – Глупые твари, чтоб их!

– Думаю, мы станем добрыми друзьями, – сказала она.

В Вельтевреде Таре не нравились многие комнаты; но особенно она ненавидела столовую, где со стен смотрели стеклянными глазами головы давно мертвых, убитых Шасой зверей. Сегодня она воспользовалась возможностью и усадила Молли напротив лорда Литтлтона; через несколько минут он уже радостно смеялся.

Когда они оставили мужчин с портвейном и сигарами и пошли в дамскую комнату, Молли отвела Тару в сторону, едва сдерживая возбуждение.

– Я весь вечер не могла дождаться, когда мы с тобой останемся наедине, – прошептала она. – Ни за что не догадаешься, кто сейчас в Кейпе.

– Так скажи.

– Секретарь Африканского национального конгресса, вот кто. Мозес Гама!

Тара застыла, побледнела и уставилась на нее.

– Он придет к нам в дом, чтобы поговорить с небольшой группой, Тара. Я его пригласила, и он специально просил, чтобы ты присутствовала. Я не знала, что вы знакомы.

– Встречались всего раз... – Она тут же поправилась: – Два раза.

– Придешь? – настаивала Молли. – Шасе лучше не знать об этом, понимаешь?

– Когда?

– В субботу, в восемь вечера.

– Шаса улетает, а я буду, – сказала Тара. – Ни за что на свете не пропустила бы.

* * *

Шон Кортни был основным игроком команды младших школьников Западной провинции – «Мокрых щенят», как их прозвали. Рослый и сильный, он смог создать в игре с юниорами Рондбоша четыре сложные ситуации и сам их реализовал, а отец и младшие братья стояли в это время на боковой линии и одобрительно кричали.

После финального свистка Шаса задержался лишь для того, чтобы поздравить сына, и с трудом подавлял желание обнять потного, улыбающегося подростка с травяными пятнами на белых шортах и содранном коленом. Нечто подобное на глазах у сверстников смертельно обидело бы Шона. Вместо этого они обменялись рукопожатием.

– Отличная игра, парень. Я тобой горжусь, – сказал Шаса. – Прости за уик-энд. Буду должен.

И хотя его сожаление было искренним, Шаса подъезжал к взлетному полю в Йонг-филде в состоянии душевного подъема. Дики, его механик, уже вывел самолет из ангара и поставил на предстартовую стоянку.

Шаса выбрался из «ягуара» и постоял с сигаретой в углу рта, с восторгом оглядывал стройную машину.

Это был бомбардировщик «Москит DH-98». Шаса купил его на одной из распродаж техники Королевских военно-воздушных сил в Биггин-Хилл¹⁰, и специалисты из «Де Хэвиленд»¹¹ разобрали самолет и полностью собрали заново. Шаса даже попросил переклеить деревянные конструкции новым удивительным клеем «аралдайт»¹². Клей «родакс», использовавшийся в оригинальной конструкции машины, в тропических условиях оказался ненадежным. Когда сняли вооружение и военное оборудование, летные качества «москита», и без того превосходные, еще улучшились. Даже «Горно-финансовая компания Кортни» не могла позволить себе содержать новейший пассажирский реактивный самолет, так что «москит» был лучшим из возможных вариантов.

Прекрасная машина стояла в ожидании, как готовый взлететь сокол, два мощных двигателя «роллс-ройс» готовы были ожить и унести самолет в голубизну неба. Голубой – вот ее цвет, голубой и серебряный. Машина сверкала на ярком капском солнце, на ее фюзеляже на месте опознавательного знака Королевских военно-воздушных сил теперь красовался герб «Компании Кортни» – стилизованный серебристый алмаз с инициалами компании на гранях.

– Как второе правое магнето? – спросил Шаса у Дики, подошедшего в промасленном комбинезоне. Маленький механик ошетинился.

– Работает, как часы, – ответил Дики.

Механик любил самолет даже больше, чем Шаса, и любое несовершенство, каким бы незначительным оно ни было, глубоко ранило его. Когда Шаса сообщал о чем-нибудь таком, Дики очень расстраивался. Он помог Шасе погрузить в бомбовый отсек, переоборудованный в багажный, дипломат, спальный мешок и ящик с оружием.

– Баки полные, – сказал он, отошел и стал глядеть, как Шаса осматривает баки, а потом обходит самолет.

– Годится, – сказал наконец Шаса и не удержался – погладил крыло, как руку красивой женщины.

На высоте одиннадцать тысяч футов Шаса включил подачу кислорода и выровнял машину на «ангельской двадцатке», улыбаясь под кислородной маской использованию старого летного жаргона. Лег на курс, старательно проверил температуру выхлопных газов и обороты двигателей и приготовился к наслаждению полетом.

Наслаждение – слишком мягко сказано. Полет – это подъем духа и лихорадка в крови. Под Шасой медленно проплывал огромный материк цвета львиной шкуры, миллионы раз опаленный солнцем и обожженный ветрами Карру¹³, горячими, пахнущими травами; его древняя поверхность была сморщена и изрезана донгами, каньонами и сухими руслами рек. Только здесь, высоко над поверхностью, Шаса сознавал, насколько он часть этой земли и как ее любит. Но это суровая и жестокая земля, и она рождает суровых людей, белых и черных, и Шаса знал, что он один из них. Здесь нет места слюнтяям, думал он, здесь процветают только сильные.

¹⁰ Один из лондонских аэропортов.

¹¹ Английская авиастроительная компания.

¹² Торговая марка известной швейцарской компании, специализирующейся на производстве синтетических материалов.

¹³ Засушливый район на юго-западе Африки.

Возможно, действовали кислород, которым он дышал, и экстаз полета, но Шасе казалось, что здесь его мозг работает четче. Непонятное становилось понятным, нерешенное решалось, и часы проносились так же стремительно, как неслась по небу прекрасная машина; садясь в Йоханнесбурге, Шаса уже точно знал, что нужно сделать. Его ждал Дэвид Абрахамс, все такой же долговязый и тощий, но постепенно лысевший и носивший теперь очки в золотой оправе, которые придавали его лицу выражение постоянного удивления. Шаса прыгнул с крыла «москита», и они радостно обнялись. Они были друг другу ближе братьев. Дэвид похлопал самолет по крылу.

– Когда же я смогу полететь? – печально спросил он.

Дэвид получил в западной пустыне орден «Крест за летные заслуги», а в Италии в дополнение к нему нашивку. Он сбил девять вражеских самолетов и закончил войну командиром авиакрыла, в то время как Шаса потерял в Абиссинии глаз, был отправлен домой и дослужился только до командира эскадрильи.

– Он для тебя слишком хорош, – сказал Шаса и бросил свой багаж в заднее отделение кадиллака Дэвида.

Пока Дэвид ехал к воротам аэродрома, они обменивались семейными новостями. Дэвид был женат на Матильде Джанин, младшей сестре Тары, так что они с Шасой были свояками. Шаса похвастал Шоном и Изабеллой, не упоминая двух других сыновей, потом они перешли к истинным причинам встречи.

В порядке значимости это были, во-первых, вопрос, братья ли за осуществление нового проекта строительства шахт в районе реки Серебряной в Свободной Оранжевой республике, и, во-вторых, неприятности с химическим заводом компании на побережье Наталя. Здесь образовалась группа активистов, которая подняла шум из-за отравления морского дна и рифов на побережье: компания сливала отходы прямо в море. И, наконец, бзик Дэвида, бороться с которым Шасе было трудно: Дэвид считал, что они должны истратить около четверти миллиона фунтов на покупку новых гигантских электронных счетных устройств.

– На такой счетной машине янки сделали все расчеты для атомной бомбы, – доказывал Дэвид. – И они называют их компьютерами, а не счетными машинами, – поправил он Шасу.

– Послушай, Дэви, а что мы собираемся взрывать? – возражал Шаса. – Я не разрабатываю атомную бомбу.

– Англо-американцы ее уже создали. Это тенденция будущего, Шаса. Нам лучше обзавестись такой.

– Тенденция стоимостью в четверть миллиона фунтов, старина, – заметил Шаса. – А нам сейчас нужен каждый пенни для Серебряной реки.

– Если бы один из таких компьютеров анализировал данные геологической разведки на Серебряной реке, мы окупили бы почти всю стоимость этого месторождения и были бы гораздо больше уверены в своем окончательном решении, чем сейчас.

– Но как машина может быть лучше человеческого мозга?

– Сам посмотри, – умолял Дэвид. – Университет установил IBM-701. Я договорился на сегодня о демонстрации для тебя.

– Ну хорошо, Дэви, – капитулировал Шаса. – Посмотреть схожу, но это не значит, что куплю.

Женщина у клавиатуры IBM в подвале университетского здания была не старше двадцати шести лет.

– Да тут работают дети! – воскликнул Шаса. – Это наука молодежи.

Программистка пожала Шасе руку и сняла очки в роговой оправе. И Шаса вдруг чрезвычайно заинтересовался электронно-вычислительными машинами. У девушки были яркие зеленые глаза и волосы цвета дикого меда из цветов мимозы. Облегающий зеленый свитер из ангорской шерсти, юбка в клетку, не закрывавшая стройных загорелых икр. Сразу стало

ясно, что перед ним специалист. С мучительным для слуха южным акцентом, но без запинки она ответила на все вопросы Шасы.

– У Мэрилин диплом инженера-системотехника Массачусетского технологического института, – прошептал Дэвид, и к первоначальному интересу Шасы добавилось уважение.

– Но он такой большой, – возразил Шаса. – Занимает весь подвал. Эта красная штука – размером с четырехкомнатный дом.

– Это все охлаждение, – пояснила Мэрилин. – Машина нагревается. Основная часть этого объема – охлаждающие масляные батареи.

– А что вы обрабатываете сейчас?

– Археологический материал из Стеркфонтейнских пещер для профессора Дарт. Сопоставляем двести тысяч наблюдений с более чем миллионом из других раскопов в Восточной Африке.

– И сколько это у вас займет?

– Начали двадцать минут назад и закончим еще до того, как закроемся в пять.

– То есть через четверть часа, – усмехнулся Шаса. – Вы меня заинтриговали!

– Нисколько не возражаю, – задумчиво ответила она и улыбнулась. Рот у нее был широкий, влажный, готовый к поцелуям.

– Говорите, закрываете в пять? – спросил Шаса. – А когда снова начинаете?

– Завтра в восемь утра.

– И машина всю ночь бездельничает?

Мэрилин окинула взглядом подвал. Дэвид на другом конце рассматривал печатающее устройство, а гул компьютера заглушал их голоса.

– Совершенно верно. Она всю ночь бездельничает. Точь-в-точь как я.

Эта женщина явно знала, чего хочет и как это получить. Она прямо и вызывающе посмотрела на него.

– Этого нельзя допустить. – Шаса серьезно покачал головой. – Мама учила меня: «Не транжирь и не возжелай». Я знаю заведение под названием «Звездная пыль». Оркестр там невероятный. Ставлю один фунт против уикэнда в Париже, что затанцую вас так, что вы будете умолять о пощаде.

– Согласна, – серьезно ответила она. – Не обманете?

– Конечно, обману, – ответил он. Возвращался Дэвид, и Шаса гладко и умело сменил тему: – А во что обходится обслуживание?

– В целом, со страховкой и проверкой опротестованных результатов, чуть меньше четырех тысяч фунтов в месяц, – с таким же деловым выражением ответила Мэрилин. Когда попрощались и обменивались рукопожатиями, она сунула в руку Шасе карточку.

– Мой адрес.

– В восемь часов? – спросил он.

– Буду на месте, – согласилась она.

В «кадиллаке» Шаса закурил сигарету и выпустил аккуратное кольцо дыма, которое разбилось о ветровое стекло.

– Ладно, Дэвид, завтра утром прежде всего свяжись с деканом инженерного факультета. Предложи ему контракт на использование этого чудовища в нерабочее время с пяти вечера до восьми утра, а также на все уикэнды. Предложи четыре тысячи в месяц и добавь, что дополнительных расходов у него не будет: мы оплатим все расходы за это время.

Дэвид удивленно повернулся к нему и едва не наехал на тротуар, исправив ошибку резким поворотом руля.

– Почему я сам об этом не подумал? – удивился он, справившись с кадиллаком.

– Надо раньше вставать, – улыбнулся Шаса и продолжил: – Разобравшись, сколько времени нужно нам самим, мы станем лишнее время сдавать в субаренду другим фирмам

без компьютеров, которые тоже подумывают о покупке такой машины. Так компьютер будет работать на нас бесплатно, а когда IBM усовершенствует дизайн и сделает эту проклятую штуку поменьше, мы купим собственный.

– Сукин сын! – Дэвид восхищенно покачал головой. – Сукин сын... – И с внезапным воодушевлением добавил: – Привлеку к ночной работе молодую Мэрилин...

– Нет, – резко сказал Шаса. – Найди кого-нибудь другого.

Дэвид снова посмотрел на него, и все его возбуждение схлынуло. Он хорошо знал своего.

– Ты ведь сегодня не примешь приглашение Мэтти на ужин? – мрачно спросил он.

– Не сегодня, – подтвердил Шаса. – Передай ей привет и извинения.

– Только будь осторожен. Это маленький город, а ты человек заметный, – предупредил Дэвид, высаживая Шасу у отеля «Карлтон», где компания снимала постоянный номер. – Сможешь завтра работать?

– В восемь утра, – ответил Шаса. – Как штык!

По взаимному соглашению танцевальное соревнование в «Звездной пыли» закончилось ничьей, и Шаса и Мэрилин вернулись в отель «Карлтон» чуть за полночь.

У нее было молодое, гладкое, упругое тело. Перед тем как уснуть, разметав по его голой груди густые волосы цвета меда, она сонно прошептала:

– Наверно, это единственное, чего мне не может дать моя IBM-701.

На следующее утро Шаса пришел в «Горно-финансовую компанию Кортни» на четверть часа раньше Дэвида. Он любил держать всех в напряжении. Их компания целиком занимала третий этаж здания банка «Стандарт» на Комиссионер-стрит. Хотя Шасе принадлежал участок земли на углу Дайагонал-стрит, напротив биржи и рядом с головной конторой «Англо-Американской корпорации», он так и не собрался построить там здание: все свободные деньги сразу уходили на добычу полезных ископаемых или на расширение других приносящих доход предприятий.

Молодую кровь в совете директоров компании Кортни благоразумно разбавляли несколько седых голов. Здесь по-прежнему работал доктор Твентимен-Джонс в старомодном черном костюме с галстуком-шнурком; свое восхищение Шасой он прятал за скорбной миной. В начале двадцатых именно он, один из самых опытных и одаренных консультантов в Южной Африке, а значит, во всем мире, начал разрабатывать для Сантэн шахту Х'ани.

Отец Дэвида Эйб Абрахамс по-прежнему возглавлял юридический отдел; он сидел рядом с сыном, бодрый и жизнерадостный, как маленькая серебряная ласточка. Перед ним на столе высились груды папок, но ему редко приходилось к ним обращаться. Вместе с полудюжиной новичков, отобранных лично Сантэн и Шасой, получилась уравновешенная и успешно действующая команда.

– Вначале поговорим о химическом заводе в заливе Чаки, – открыл заседание Шаса. – Насколько обвинения против нас справедливы, Эйб?

– Мы сбрасываем в море горячие сернистые кислотные воды от одиннадцати до шестнадцати тонн ежедневно в концентрации один к десяти тысячам, – сухо ответил Эйб Абрахамс. – Я попросил независимого морского биолога подготовить для нас отчет. – Он похлопал по документу. – Дело плохо. Мы изменили значение pH на протяжении пяти миль вдоль побережья.

– Вы не распространили этот отчет? – резко спросил Шаса.

– А как ты думаешь? – покачал головой Эйб.

– Хорошо. Дэвид. Во сколько нам обойдется модификация производства удобрений, если мы решим избавляться от отходов каким-нибудь другим способом?

– Есть два возможных выхода, – ответил Дэвид. – Простой и самый дешевый – вывозить отходы в танкерах, но тогда понадобится отыскать другое место для сброса. Идеальное решение – рециклирование кислоты.

– Цена?

– Сто тысяч фунтов в год за танкеры – и единичная затрата, зато вдвое большая, при другом способе.

– Годовой доход в канализацию, – сказал Шаса. – Это неприемлемо. А кто эта женщина Пирсон, которая возглавляет движение протеста? С ней можно договориться?

Эйб покачал головой.

– Мы пытались. На ней держится весь комитет. Без нее они разбегутся.

– Каково ее положение?

– Ее муж – владелец местной пекарни.

– Купите его пекарню, – сказал Шаса. – Если он не продаст, сообщите ему – неофициально, – что мы откроем другую пекарню и разорим его своими ценами. Я хочу, чтобы эта Пирсон уехала далеко и надолго. Вопросы? – Он оглядел сидящих за столом. Все делали заметки, никто на него не смотрел, и Шасе захотелось спросить: «Неужели, джентльмены, вы готовы потратить триста тысяч фунтов, чтобы предоставить уютный дом устрицам и морским ежам в заливе Чаки?»

Но вместо этого он кивнул:

– Вопросов нет. Хорошо, переходим к главной проблеме. Серебряная река.

Все заерзали и разом нервно перевели дух.

– Джентльмены, мы все внимательно читали геологический отчет доктора Твенти-мен-Джонса, основанный на проведенных им пробных бурениях на этой территории. Превосходная работа, и мне нет надобности вам говорить, что более обоснованное мнение вы не получите и на Харли-стрит¹⁴. Я хочу услышать мнение всех руководителей подразделения. Начнем с вас, Руперт?

Руперт Хорн, самый молодой член совета, казначей и главный бухгалтер, вел всю финансовую документацию.

– Если не воспользоваться этой возможностью, значит, за последние полтора года мы напрасно истратили на разведку два миллиона триста тысяч. Если начнем разработку, потребуются немедленно заплатить четыре миллиона.

– Можно покрыть из отложенного на черный день, – вмешался Шаса.

– У нас есть четыре миллиона триста тысяч во временном фонде, – согласился Руперт Хорн. – В настоящее время эти деньги вложены в семь процентов акций «Эскома»¹⁵, но используя этот резерв, мы окажемся в очень рискованном положении.

Один за другим, в порядке возрастания старшинства, управленцы Шасы высказывали мнение от лица своих отделов, а итоги подвел Дэвид.

– Итак, до срока предъявления заявки остается двадцать шесть дней, и необходимо заплатить четыре миллиона, если мы беремся за дело. Это оставляет нас без штанов и перед обязательной уплатой еще трех миллионов за главную шахту и еще пяти – за фабрику, проценты и издержки, чтобы начать производство в 1956 году, через четыре года.

Он умолк. Все напряженно смотрели на Шасу, который тем временем выбрал в своем золотом портсигаре сигарету и теперь постукивал ею о стол.

У Шасы было абсолютно серьезное лицо. Он лучше любого из них знал, что решение может погубить компанию или вознести ее на новую высоту и никто не может принять это решение за него. Он одинок на командных высотах.

¹⁴ Район в Лондоне, где сосредоточены больницы и кабинеты врачей.

¹⁵ Немецкая компания, один из известных производителей компьютеров.

– Мы знаем, что золото там есть, – наконец заговорил он. – Богатая золотая жила. Если мы доберемся до нее, она еще пятьдесят лет не истощится. Однако золото сейчас стоит тридцать пять долларов за унцию. Американцы определяют эту цену и грозят поддерживать ее такой постоянно. Тридцать пять долларов за унцию – а наши затраты на то, чтобы добраться до золота и поднять его на поверхность, выльются в двадцать – двадцать пять долларов за унцию. Разница очень мала, слишком мала, джентльмены.

Он закурил сигарету, и все вздохнули и расслабились, испытав разочарование, смешанное с облегчением. Великолепно было бы принять вызов, но опасно потерпеть поражение. Ну, теперь уж не узнаешь. Однако Шаса еще не закончил. Выдохнув кольцо дыма, поплывшее вдоль стола, он продолжил:

– Однако не думаю, что американцы смогут долго ограничивать цену золота. Их ненависть к золоту основана на эмоциях, а не на экономической реальности. В глубине души я чувствую, что недалек день, когда мы будем продавать золото по шестьдесят долларов за унцию, а потом, в другой прекрасный день – и он наступит раньше, чем многие из нас думают, – цена унции золота дойдет до ста пятидесяти, а может, и до двухсот долларов!

Все недоверчиво зашевелились, а Твентимен-Джонс, казалось, вот-вот расплатится от такого оптимизма, но Шаса не обратил на него внимания и повернулся к Эйбу Абрахамсу.

– Эйб, восемнадцатого числа следующего месяца, в полдень, за двенадцать часов до истечения срока, вы отдадите владельцам фермы «Серебряная река» чек на четыре миллиона долларов и оформите от лица компании документы на владение собственностью. – Он повернулся к Дэвиду. – Одновременно мы откроем на Йоханнесбургской и Лондонской биржах ценных бумаг подписные листы на десять миллионов однофунтовых акций золотодобывающей компании на Серебряной реке. Вы с доктором Твентимен-Джонсом сегодня же начнете готовить рекламные проспекты. Компания Кортни оставит за собой пять миллионов акций новой компании. Мы также будем целиком отвечать за управление и развитие новой компании.

Шаса быстро и сжато изложил основы организации новой компании, ее финансирования и управления ею, и эти закаленные бойцы не раз, откровенно восхищенные, отрывались от своих записей, видя какой-то необычный и искусный штрих, добавленный к общей схеме.

– Я что-нибудь упустил? – спросил в конце Шаса и, когда все отрицательно покачали головами, улыбнулся. Дэвид вспомнил кинофильм, на который они с Мэтти водили детей в прошлую субботу, «Морской ястреб»¹⁶: с повязкой через глаз Шаса походил на пирата больше, чем Эррол Флинн в заглавной роли.

– Основатель нашей компании мадам Сантэн де Тири Кортни-Малкомс никогда не одобряла спиртное в зале заседаний совета. Однако... – Шаса, продолжая улыбаться, кивнул Дэвиду. Тот распахнул дверь, ведущую в зал, и секретарша вкатила столик с рядом звенящих бокалов и бутылками «Дом Периньон» в серебряных ведерках со льдом. – Старые обычаи уступают новым, – сказал Шаса и с хлопком открыл первую бутылку.

* * *

Шаса уменьшил обороты двигателей «роллс-ройс», «москит» пошел на снижение сквозь разбросанные кучевые облака, и ему навстречу ринулись бесконечные золотые равнины африканского высокогорья. На западе Шаса различал скопление зданий шахтерского города Уэлком, центра золотодобывающей промышленности Свободной Оранжевой республики. Основанный всего несколько десятилетий назад, когда огромная «Англо-Амери-

¹⁶ Кинофильм режиссера Майкла Кертиса, 1940 г.; Эррол Флинн прославился исполнением ролей пиратов, Робин Гуда и т. п.

канская корпорация» начала разрабатывать здесь золотоносные поля, он уже превратился в образцовый город с населением более ста тысяч жителей.

Шаса снял кислородную маску, повисшую на груди, и, натягивая плечевые ремни, наклонился вперед и через ветровое стекло всмотрелся вперед, за голубой нос «москита».

Он разглядел крошечную стальную башню бурильной установки, почти затерявшуюся в бесконечности пыльных равнин, и, используя ее как ориентир, скользнул взглядом вдоль паутины изгороди, окружавшей ферму «Серебряная река», – одиннадцать тысяч акров, преимущественно голых и необработанных. Поразительно, как геологи крупных горнодобывающих компаний просмотрели этот небольшой карман, но ведь никто не ожидал появления здесь золотой жилы – никто, кроме Твентимен-Джонса и Шасы Кортни.

Однако жила залегает под землей, над которой сейчас кружит «москит». Казалось невероятным, что человек в силах так глубоко уйти под землю, и все же Шаса мысленно уже видел высокий копер шахты «Серебряная река», поднимающийся на двести футов над унылой равниной, и ствол шахты, спускающийся на милю и глубже в подземную реку драгоценного металла.

«Янки не смогут удерживать цену на золото – им придется ее отпустить», – сказал себе Шаса.

Он положил «москит» на крыло, и на приборном щитке стал ровно поворачиваться указатель гирокомпаса. Шаса поднял крыло, и самолет лег точно на новый курс 125°.

– Пятнадцать минут при таком ветре, – пробормотал Шаса, отмечая курс на лежащей на коленях крупномасштабной карте, и волнение не оставляло его весь остаток полета, пока он не увидел прямо впереди в неподвижном воздухе черный карандаш дыма. Для него зажгли дымный бакен.

В конце полосы перед одиноким ангаром из оцинкованного железа стояла «дакота», большой самолет со знаками военно-воздушных сил. Дорожка была из желтой глины, твердой и гладкой, и «москит» опустился на нее без малейшего толчка. Потребовались бесконечные упражнения, чтобы, потеряв глаз, научиться так точно определять расстояния.

Шаса откинул капот и подрулил к ангару. У мачты с ветровым конусом стоял «форд»-пикап, а рядом с ямой, из которой шел дым, виднелась одинокая фигура в брюках защитного цвета и рубашке. Человек, подбоченясь, смотрел, как Шаса подъезжает и глушит двигатель. Когда Шаса спрыгнул на землю, человек подошел и протянул руку, но его лицо оставалось серьезным, выражение – сдержанным, что противоречило приветственному жесту.

– Добрый день, господин министр, – сказал Шаса, тоже без улыбки. Рукопожатие было крепким, но коротким. Когда Шаса глубоко заглянул в светлые глаза Манфреда Деларей, его охватило странное ощущение дежавю, будто он в каких-то отчаянных обстоятельствах уже смотрел в эти глаза. Ему пришлось трянуть головой, чтобы избавиться от этого ощущения.

– Я рад за нас обоих, что вы смогли прилететь. Помочь с багажом? – спросил Манфред Деларей.

– Не беспокойтесь, я справлюсь.

Шаса закрепил «москит» и достал из бомболюка багаж, а Манфред тем временем гасил огонь в яме.

– Прихватили ружье? – заметил Манфред. – Какое у вас?

– «Ремингтон магнум», семимиллиметровка. – Шаса сложил багаж в кузов грузовика и раскрыл пассажирскую дверцу «форда».

– Очень подходит для такой стрельбы, – одобрил Манфред, трогая пикап с места. – На дальнее расстояние на плоской поверхности.

Он развернул грузовик, и несколько минут они ехали в молчании.

– Премьер-министр не смог быть, – сказал наконец Манфред. – Собирался, но прислал вам письмо. Оно подтверждает, что у меня есть полномочия.

– Принимается, – ответил Шаса с бесстрастным лицом.

– Но здесь министр финансов, а наш хозяин – министр сельского хозяйства, это его ферма. Одна из самых крупных в Свободной республике.

– На меня это произвело впечатление.

– Да, – кивнул Манфред. – Наверняка. – Он прямо посмотрел на Шасу. – Не кажется ли вам странным, что мы постоянно стоим друг другу?

– Мне приходило это в голову, – признался Шаса.

– Не кажется ли вам, что тому должна быть причина... что-то такое, о чем мы не подозреваем? – настаивал Манфред, и Шаса пожал плечами.

– Не думаю – это всего лишь совпадение.

Ответ, казалось, разочаровал Манфреда.

– Ваша мать никогда не говорила обо мне?

Шаса удивился.

– Моя мать? Господи Боже, не думаю. Возможно, упоминала – а почему вы спрашиваете?

Манфред, казалось, не слышал; он смотрел вперед.

– А вот и поместье, – сказал он, решительно закрывая тему.

Грузовик выехал на край неглубокой долины, и прямо под ними открылось поместье. Должно быть, вода здесь залегала неглубоко под поверхностью, потому что растительность была буйная и зеленая. По всей долине были разбросаны стальные башни десятка ветряков. Дом стоял на плантации эвкалиптов, многочисленные пристройки за домом были недавно выбелены и выглядели превосходно. Перед одним из длинных гаражей выстроились в ряд двадцать или больше новеньких тракторов, а на пастбищах виднелись стада овец. Равнина за домом, уходившая почти к горизонту, была целиком распахана; тысячи акров шоколадного суглинка готовы к посеву кукурузы. Это сердце народа африкандеров, здесь националистическая партия всегда пользуется безусловной и неизменной поддержкой, и именно поэтому в период правления националистов границы избирательных округов были изменены, чтобы удалить центры власти от скоплений городского населения, в избирательные участки в сельской местности. Поэтому теперь националисты могли вечно оставаться у власти. Шаса поморщился. Манфред сразу посмотрел на него, но Шаса ничего не стал объяснять. Они подъехали к дому и остановились на переднем дворе.

За длинным кухонным столом желтого дерева сидело больше десятка мужчин, они курили, пили кофе и беседовали. Женщины им прислуживали. Мужчины встали, здороваясь с Шасой, и он обошел стол, пожимая руки и обмениваясь вежливыми, хотя и сдержанными приветствиями.

Шаса всех их знал. Он много раз смотрел им в лицо через зал заседаний парламента, и почти каждый хоть раз да пал жертвой его злого языка, а они в свою очередь нападали на него с едкой критикой, но сейчас они подвинулись, давая Шасе место за столом, и хозяйка налила ему крепкого черного кофе и поставила перед ним блюдо с сухарями и сладкими булочками. Все обращались с ним с теми врожденными вежливостью и радушием, которые составляют неотъемлемые черты африкандеров. Хотя все были одеты в простые охотничьи костюмы и старались казаться простыми неотесанными фермерами, на самом деле это были проницательные и искусные политики, входившие в число самых богатых и влиятельных людей этой земли.

Шаса превосходно говорил на их языке, понимал самые завуалированные намеки и смеялся шуткам, но не был одним из них. Он был *rooinek*’ом (красношеим), традиционным врагом, и они незаметно сомкнули ряды против него.

Когда Шаса допил кофе, хозяин, министр сельского хозяйства, сказал:

– Покажу вам вашу комнату. Переоденьтесь и распакуйте ружье. Как только станет прохладней, начнем охоту.

В самом начале пятого караван грузовиков-пикапов отправился в путь. Более пожилые и важные охотники ехали в кабинах, остальные стояли в открытых кузовах. Караван выбрался из долины, обогнул возделанные поля и направился к равнинам за грядой невысоких холмов на горизонте.

Наконец они увидели дичь – небольшие стада антилоп-прыгунов далеко на равнине, словно светлую землю присыпали тонко смолотой корицей, но машины продолжали движение и задержались только у подножия каменистых холмов. Передовой грузовик на мгновение остановился, из него выпрыгнули двое охотников и тут же углубились в заросшую донгу.

– Удачи! Стреляйте метко! – напутствовали их остальные, проезжая. Через несколько сотен ярдов процессия снова остановилась и высадила новую пару охотников.

Через полчаса все охотники заняли свои места на неровной линии, вытянутой вдоль подножия холмов. Манфреду Деларею и Шасе досталась груда серых камней, и они присели в ожидании, положив ружья на колени и глядя на равнину, усеянную более темными кустами.

Грузовики, которые вели подростки, сыновья хозяина, удалились по широкой дуге и превратились в точки на светлой полоске горизонта; каждый обозначало страусовое перо пыли, поднятой машиной. Потом грузовики повернули назад к холмам, медленно, не быстрее пешехода, и погнали перед собой рассеянные по равнине стада антилоп.

Шасе и Манфреду почти час предстояло ждать, пока дичь окажется на расстоянии выстрела, и они болтали, с виду бесцельно и небрежно, почти не касаясь политики, но обсуждая хозяина, министра сельского хозяйства, и остальных гостей. Затем Манфред совершенно неожиданно сменил тему разговора и заметил, как мало отличается политика и стремления правящей Националистической партии и оппозиционной Объединенной партии Шасы.

– Если внимательно присмотреться, разница между нами только в методах и степени. Мы оба хотим, чтобы Южная Африка оставалась безопасной для белого человека и европейской цивилизации. Мы оба знаем, что для всех нас *апартеид* – вопрос жизни и смерти. Без него мы утонем в черном море. После смерти Сматса ваша партия сделала значительные шаги в нашу сторону, а левые и либералы начали уходить от вас.

Шаса старался отвечать уклончиво, но довод был уместный и очень неприятный. В партии, к которой он, Шаса, принадлежал, возник глубокий раскол, и с каждым днем становилось все очевиднее, что им никогда не удастся сформировать правительство страны. Однако Шасу интересовало, к чему клонит Манфред Деларей. Он научился всегда оценивать противника по достоинству и чувствовал, что его старательно подводят к тому, чтобы объявить об истинной цели приглашения. Было очевидно, что хозяин нарочно поставил их в пару и что все остальные участники приема посвящены в суть происходящего. Шаса говорил мало, ничего не признавал и с возрастающим волнением ждал, когда затаившийся зверь покажется во всей красе.

– Вы знаете, что мы укрепили положение языка и культуры англоговорящих южноафриканцев. Попытка умалить их права впредь исключена – мы полагаем своими братьями всех англоговорящих граждан доброй воли, которые считают себя южноафриканцами. Наши судьбы связаны стальной цепью... – Манфред замолчал и поднес к глазам бинокль. – Они уже близко, – сказал он. – Стоит приготовиться. – Он опустил бинокль и улыбнулся Шасе. – Я слышал, вы меткий стрелок. С нетерпением жду демонстрации.

Шаса был разочарован. Ему хотелось узнать, к чему вся эта тщательная подготовка, но он скрыл нетерпение за любезной улыбкой и раскрыл затвор своего ружья.

– В одном вы правы, господин министр, – сказал он. – Мы связаны стальной цепью. Будем надеяться, что ее вес не потянет нас вниз.

Он увидел вспышку в этих необычных желтых топазовых глазах – вспышку гнева или торжества. Он не знал точно: это длилось всего мгновение.

– Я буду стрелять только от центральной линии вперед и направо, – сказал Манфред. – А вы только влево. Договорились?

– Договорились, – кивнул Шаса и почувствовал раздражение от того, что им так легко и быстро начали командовать. Манфред занял такое место, что должен был стрелять в правую сторону, это естественно для всякого стрелка-правши.

«Тебе нужно преимущество», – мрачно подумал Шаса, а вслух сказал:

– Я слышал, вы тоже хорошо стреляете. Как насчет ставки на добычу?

– Я не бьюсь об заклад, – легко ответил Манфред, – это изобретение дьявола. Но я с интересом сравню наши мешки с добычей.

Шаса сразу вспомнил, что Манфред Деларей кальвинист-ортодокс, то есть страшный пуританин.

Шаса аккуратно зарядил ружье. Он сам готовил патроны, не доверяя массовому производству боеприпасов. Блестящие медные гильзы были заполнены порохом «норма», который придаст пуле «нослер партишн» скорость больше трех тысяч футов в секунду. Пуля особой конструкции и при ударе расплющивается.

Он закрыл затвор, поднес оружие к плечу и в оптический прицел стал осматривать равнину. Грузовики находились меньше чем в миле, они разъезжали взад и вперед, мешая стадам прорваться назад, медленно тесня животных в сторону холмов и прятавшихся у их подножий охотников. Шаса быстро поморгал, чтобы лучше видеть, и разглядел отдельных животных в стаде, теснимом грузовиками.

Легкие, как дым, они двигались по равнине, словно тень облака. Грациозные, невероятно красивые, они бежали изящно, высоко подняв головы, увенчанные рогами в форме совершенной маленькой лиры.

Потеряв возможность видеть двумя глазами, Шаса с трудом оценивал расстояния, но он научился принимать во внимание относительные размеры и добавил к этому своего рода шестое чувство, которое позволяло ему водить самолет, уверенно бить по мячу, играя в поло, и стрелять несколько не хуже, чем человек с обоими глазами.

Ближние из бегущих антилоп были уже почти на границе зоны обстрела, когда вдалеке на линии послышались выстрелы, и стадо почти мгновенно обратилось в молчаливое бегство, словно по воздуху. Каждая маленькая антилопа танцевала и прыгала на длинных ногах не толще большого пальца человека. Казалось, антилопы перестали подчиняться закону тяготения: каждый гибкий прыжок расплывался на фоне выжженной земли, животные взвивались над ней в том великолепном акробатическом танце, за который им дали название «прыгуны», белоснежная, яркая шерсть на их спинах встала дыбом от тревоги.

Легче сбить взлетающего тетерева: прыгунов невозможно поймать в перекрестье оптического прицела, а стрелять прямо в быструю антилопу бесполезно – необходимо прицелиться в пустоту, где она будет микросекунду спустя и где ее настигнет летящая быстрее звука пуля.

Некоторые выучиваются стрелять за годы практики и благодаря умению сосредоточиваться. У Шасы это был врожденный талант. Когда он поворачивался корпусом, длинный ствол нацеливался точно в то место, куда Шаса смотрел, и перекрестье оптического прицела останавливалось по центру поля зрения, на бегущем животном, которое в это мгновение высоко взвивалось в воздух. Шаса не сознавал, как жмет на курок: ружье словно действовало по собственной воле, и отдача ударяла в плечо точно в рассчитанное мгновение.

Самец умер в воздухе, развернутый пулей так, что белоснежное брюхо сверкнуло на солнце; от удара крошечной металлической капсулы, пробившей сердце, антилопа проделала сальто, упала, перекувырнулась через голову и застыла.

Шаса передернул затвор, выбрал следующее бегущее животное, выстрелил, и острый запах горелого пороха заполнил ноздри. Он стрелял, пока ствол не раскалился так, что стал обжигать, а барабанные перепонки не заболели от грохота выстрелов.

Наконец стадо пробежало мимо и скрылось в холмах у охотников в тылу, и ружейный огонь утих. Шаса достал из ружья оставшиеся патроны и посмотрел на Манфреда Деларея.

– Восемь, – сказал Манфред, – и две раненых.

Поразительно, как эти изящные животные способны были бежать, раненные неточно попавшей пулей. Придется идти за ними. Нельзя позволять подранку страдать попусту.

– Восемь – хороший результат, – сказал Шаса. – Просто отличная стрельба!

– А у вас? – спросил Манфред. – Сколько?

– Двенадцать, – бесстрастно ответил Шаса.

– И сколько раненых?

Манфред умело скрыл досаду.

– О. – Шаса наконец улыбнулся. – Я не раню животных – я их сразу убиваю.

Достаточно. Незачем сыпать соль на рану.

Шаса оставил Манфреда и направился к ближайшей туше. Прыгун лежал на боку, смерть раскрыла глубокую складку вдоль его спины, и оттуда показалась грива белоснежной шерсти. Шаса опустился на одно колено и погладил этот прекрасный гребень. Из желез в складках шкуры выделился красновато-коричневый мускус. Шаса раздвинул длинную шерсть, потер выделения подушечкой указательного пальца, поднес палец к лицу и вдохнул аромат меда. Запах скорее цветка, а не животного. Тут им овладела охотничья грусть: он печалился об убитом им прекрасном животном.

– Спасибо, что умер для меня, – прошептал он древнюю бушменскую молитву, которой давным-давно его научила Сантэн, но печаль – это наслаждение, и атаквистической голод охотника в глубине его существа на мгновение был утолен.

* * *

В вечерней прохладе мужчины собрались перед домом у ям с пылающими углями. Braaiivleis, запекание мяса, – ритуал, следующий за охотой: мясо пекут мужчины, а женщины в это время готовят на длинных складных столах на веранде салаты и пудинги. Прежде чем уложить на уголья в ямы, дичину маринуют или шпигуют, из нее делают острые сосиски, а печень, почки и требуху готовят по тщательно собираемым старинным рецептам. Тем временем самоназначенные повара с помощью щедрых доз *tatproer* – ароматного персикового бренди – не дают огню чересчур разгораться.

Сборный оркестр цветных работников с фермы играл на банджо и концертино традиционные сельские мелодии, часть гостей танцевала на широкой веранде перед домом. Немногие молодые женщины были явно не прочь пофлиртовать, и Шаса задумчиво поглядывал на них. От всех от них, загорелых, пышущих здоровьем, веяло безыскусной чувственностью, которая из-за строгого кальвинистского воспитания делала их еще более привлекательными. Но больше всего Шасу привлекали их недоступность и очевидная девственность: он наслаждался не только добычей, но и ее преследованием.

Однако здесь на кону оказалось слишком многое, чтобы рискнуть хоть чем-то оскорбить хозяев. Шаса избегал застенчивых, но цепких взглядов, которые бросали в его сторону молодые женщины, избегал так же старательно, как крепкого персикового бренди, и наполнял свой стакан имбирным элем. Он знал, что еще до завершения вечера ему потребуется вся его сообразительность.

Когда голод, обостренный охотой, был утолен благодаря грудам курящегося парком жареного мяса на тарелках и остатки, к радости слуг, унесли, Шаса обнаружил, что сидит

в конце длинной веранды, дальше всех от оркестра. Напротив сидел Манфред Деларей, а еще два министра правительства удобно раскинулись в креслах с боков от Шасы. Несмотря на кажущуюся расслабленность отдыхающих, краем глаза все трое внимательно наблюдали за ним.

«Сейчас начнется главное», – подумал Шаса, и почти сразу Манфред заговорил.

– Я сказал минхееру Кортни, что во многих отношениях мы похожи, – негромко начал он, и оба его коллеги закивали с умным видом. – Мы все хотим защитить свою землю и сохранить в ней то, что хорошо и достойно сохранения. «Бог избрал нас хранителями – наш долг защищать всех его чад и добиться, чтобы самобытность каждой группы и каждой отдельной культуры сохранялись нетронутыми и обособленными».

Последняя фраза была взята из партийной программы, утверждавшей право на божественный отбор, и Шаса сотни раз слышал ее раньше; поэтому, хотя он кивал и уклончиво хмыкал, в нем проснулось беспокойство.

– Нам предстоит очень много сделать, – продолжал между тем Манфред. – После очередных выборов нас ждет трудная работа: мы каменщики, возводящие здание, которое простоят тысячи лет. Образцовое общество, где каждой группе отводится свое место, так чтобы она не вторгалась в чужое пространство, широкую и устойчивую пирамиду, образующую уникальное общество.

Некоторое время все молчали, обдумывая эту прекрасную картину, и хотя лицо Шасы ничего не выражало, в глубине души он улыбнулся удачной метафоре. Нет никакого сомнения, какая группа, по их мнению, должна занимать вершину этой божественно предопределенной пирамиды.

– И, однако, у нас есть враги? – подсказал Манфреду министр сельского хозяйства.

– Да, враги – внутренние, и внешние. По мере продвижения работы враги заявляют о себе все более громко, становятся все более опасными. Чем мы ближе к успеху, тем активней они стараются помешать нам.

– Они собираются с силами.

– Да, – согласился Манфред. – Даже от наших старых, традиционных друзей начинают поступать предупреждения и угрозы. Америку, которой следовало бы лучше других понимать нас, раздирают собственные проблемы – неестественные притязания негров, рабами привезенных из Африки. Даже Британия – с началом движения мау-мау¹⁷ в Кении и с распадом Индийской империи – стремится диктовать нам политику и отвести от пути, который мы считаем верным.

– Они считают нас слабыми и уязвимыми.

– Они уже заговорили намеками об эмбарго на поставку оружия и отказывают нам в вооружении, необходимом для самозащиты от черного врага, который собирается во мраке.

– Они правы, – резко вмешался Манфред. – Мы слабы и дезорганизованы в военном отношении. Мы во власти их угроз...

– Это надо изменить, – решительно заговорил министр финансов. – Мы должны сделаться сильными.

– В следующем бюджете ассигнования на оборону составят пятьдесят миллионов фунтов, а к концу десятилетия будет уже миллиард.

– Мы должны быть выше их угроз, будь то обещания санкций, бойкота или эмбарго.

– Сила в единстве, *ex unitate vires*, – сказал Манфред Деларей. – И, однако, традиционно и по склонностям африкандеры всегда были земледельцами, сельскими жителями. Из-за дискриминации, которой мы подвергались сотни лет, мы были исключены из торговли и

¹⁷ Восстание в британской колонии Кения в 1952 – 1960 годах, направленное против отъема земли у африканского населения.

промышленного производства и не владеем умениями, обычными для наших англоговорящих соотечественников. – Манфред помолчал, взглянул в поисках одобрения на двух других министров и продолжил: – Страна отчаянно нуждается в богатстве, без которого наша мечта не может осуществиться. Но у нас не хватает мастерства и умений для этого грандиозного начинания. Нужен особый человек. – Теперь все пристально смотрели на Шасу. – Человек с энергией юности, но зрелым опытом, человек, доказавший, что он гений в области финансов и организации. В рядах своей партии мы не можем найти такого человека.

Шаса устался на них. То, что они предлагали, было нелепо до крайности. Он вырос в тени Яна Кристиана Сматса и был естественно и непоколебимо привязан к партии Сматса, которую основал этот великий и славный человек. Он раскрыл рот, собираясь дать гневную отповедь, но Манфред поднял руку, останавливая его.

– Вначале выслушайте меня, – сказал он. – Человек, избранный для этой патриотической работы, получит крайне важное назначение в правительстве; премьер-министр специально для него создаст эту должность. Он станет министром горной промышленности.

Шаса медленно закрыл рот. Как, должно быть, старательно они изучали его, как точно проанализировали и назначили цену! Основы его политических верований и принципов были потрясены, стены треснули. Его возвели на вершину и показали награду, которую он может получить.

* * *

На высоте двадцать тысяч футов Шаса выровнял «москит» и лег на курс. Он усилил приток кислорода в маску, чтобы обострить способность соображать. До Янгфилда оставалось четыре часа лета – четыре часа на то, чтобы все тщательно обдумать, и он попытался отгородиться от страстей и эмоций, которые могли помешать принять взвешенное решение, но размышлениям мешало возбуждение. Перспектива получить огромную власть, создать арсенал, который сделает его страну сильнейшим государством Африки и заставит считаться с ней весь мир, внушала благоговение и некоторый страх. Власть! От этой мысли у Шасы начинала слегка кружиться голова: наконец перед ним то, о чем он всегда мечтал. Нужно только воспользоваться моментом и протянуть руку. Но это будет стоить ему чести и гордости – как он объяснит свой поступок тем, кто в него верит?

Неожиданно он вспомнил о Блэйне Малкомсе, своем учителе и советчике, человеке, все эти годы заменявшем ему отца. Что тот подумает об ужасном предательстве, которое готов совершить Шаса?

– Примкнув к ним, я сделаю много добра, Блэйн, – сказал он в маску. – Помогу изменить их и переделать лучше, чем оставаясь в оппозиции, ведь у меня будет власть...

Но он знал, что лишь оттягивает принятие решения и никакие соображения не важны.

Все в конечном счете сводится к одному – к власти, и хотя Блэйн Малкомс никогда не сможет простить того, что сочтет предательством, Шаса знал: есть человек, который его поймет, поддержит и подбодрит. Именно Сантэн Кортни-Малкомс тщательно готовила сына к получению и использованию богатства и власти.

– Все может осуществиться, мама. Не совсем так, как мы планировали, однако все это возможно.

Но тут ему в голову пришла новая мысль, и яркий свет охватившего его торжества омрачила тень.

Он взглянул на красную папку, которую министр внутренних дел Манфред Деларей дал ему в аэропорту, перед тем как Шаса поднялся в кабину «москита», и которая лежала теперь на сиденье рядом.

– Есть только одна проблема, которую вам придется решить, если вы примете наше предложение, – сказал Манфред, передавая ему папку, – серьезная проблема. Вот она.

В папке лежали рапорты особого отдела тайной полиции, а на самой папке значилось:

«ТАРА ИЗABELЛА КОРТНИ, урожденная МАЛКОМС»

Тара Кортни обошла детские, заходя по очереди в каждую. Няня укрывала Изабеллу розовым атласным одеялом. Увидев Тару, девочка радостно закричала:

– Мамочка, мамочка, плюшевый медвежонок плохо себя вел! Я оставила его спать на полке с другими куклами.

Тара села на кровать к дочери, обняла Беллу, и они поговорили о скверном поведении медвежонка. Изабелла была розовая, теплая, от нее пахло мылом. Ее шелковые волосы касались щеки Тары, и той понадобилось сделать усилие, чтобы поцеловать дочь и встать.

– Пора спать, малышка Белла.

Едва погасили свет, Изабелла издала такой пронзительный крик, что Тара встревожилась.

– Что случилось, девочка?

Она снова зажгла свет и бросилась к кровати.

– Я простила медвежонка. Он может спать со мной.

Медвежонку торжественно был возвращен статус любимца Изабеллы, она ласково обхватила его за шею и сунула в рот большой палец.

– Когда придет папа? – сонно спросила она, не вынимая палец изо рта, но глаза ее закрылись и она уснула раньше, чем Тара дошла до двери.

Шон сидел на полу верхом на Гаррике и с садистским наслаждением тянул брата за волосы на висках. Тара разняла их.

– Шон, немедленно возвращайся к себе, слышишь? Я тысячи раз предупреждала тебя: не обижай братьев. Отец все узнает об этом, когда вернется.

Гаррик подавил слезы и, тяжело, астматически дыша, бросился на защиту брата.

– Мы только играли, мама. Он меня не обижал.

Но она слышала, что он на грани нового приступа. И дрогнула. Не следует уходить в предверии этого приступа, но сегодня такой важный вечер...

Майкл читал и едва поднял голову, принимая поцелуй.

– Выключишь свет в девять. Обещай, дорогой.

Она старалась этого не показывать, но он всегда был ее любимцем.

Спускаясь по лестнице, она взглянула на свои часы. Без пяти восемь. Опаздывает. Подавив чувство материнской вины, она побежала к своему старому «паккарду».

Шаса терпеть не мог ее «паккард»; его помятый, поблекший на солнце корпус и грязную, потертую кожу сидений он расценивал как унижение достоинства семьи. На последний день рождения он подарил Таре новый «астон-мартин», но она оставила его в гараже. «Паккард» соответствовал ее спартанскому представлению о себе как о либералке, заботящейся о народе; когда она увеличила скорость на подъездной дороге, автомобиль выпустил облако черного дыма и Тара с извращенным удовольствием посмотрела, как пыль оседает на тщательно охраняемые виноградники Шасы. Странно, что даже столько лет спустя она чувствует себя чужой в Вельтевреде со всеми его сокровищами и старомодной мебелью. Если она проживет здесь еще полвека, Вельтеврден все равно не станет ей домом. Это дом Сантэн Кортни-Малкомс, и след другой женщины, память о ней хранит каждая комната, которую Шаса не разрешает переоборудовать.

Через большие, показушные ворота работы Анрейта Тара убегала в реальный мир страданий и несправедливости, где угнетенные массы стонали, и боролись, и просили о пощаде

и где она чувствовала себя полезной и нужной, где в обществе других первопроходцев могла идти вперед, в будущее, полное дерзаний и перемен.

Дом Бродхерстов стоял в Пайнленде, пригороде, где жили представители среднего класса; это было современное сооружение типа ранчо, с плоской крышей и широкими окнами, из которых открывался красивый вид; мебель была удобная, массового производства, а ковры, закрывавшие пол от стены до стены, – нейлоновые. К стульям прилипла собачья шерсть, зачитанные «умные» книги грудami были свалены в углах или лежали открытые на обеденном столе, в коридорах валялись детские игрушки, а на стенах с отпечатками грязных пальцев висели покосившиеся дешевые репродукции Пикассо и Модильяни. Здесь, вдали от чопорного великолепия Вельтевреде, Тара чувствовала себя уютно.

Тара остановила «паккард», и Молли Бродхерст сразу бросилась ей навстречу. Она была в великолепном ярком кафтане.

– Ты опоздала!

Она поцеловала Тару и через неубранные комнаты потащила в глубину дома, в музыкальную комнату.

Музыкальная комната была пристроена к дому без учета каких бы то ни было соображений эстетики. Сейчас ее заполняли гости, приглашенные Молли послушать Мозеса Гаму. Оглядевшись, Тара оживилась: столько творческих людей, высокодуховных и образованных, с обостренным чувством справедливости, гневных, мятежных.

В Вельтевреде никогда не бывало таких сборищ. Во-первых, сюда пришли чернокожие – студенты из черного университета Форт-Хар и его филиала, университета Западного Кейпа, преподаватели, юристы, даже черный врач – политические активисты, лишенные своего представительства в белом парламенте, но начинавшие выражать протест, который должен быть услышан. Был здесь издатель черного журнала «Драм» и местный корреспондент «Соуэтца» – газеты, названной по огромному черному пригороду.

От одной такой встречи с черными Тара уже чувствовала себя бесконечно смелой и дерзкой.

Белые в комнате были не менее примечательны: и бывшие члены Южно-Африканской коммунистической партии – бывшие, потому что несколько лет назад партию запретили, и человек по имени Харрис, которого Тара уже встречала в этом доме. В составе «Игрун»¹⁸ он сражался в Израиле с англичанами и арабами. Этот свирепый рослый мужчина вызывал у Тары восхитительное ощущение страха. Молли намекала, что он специалист по партизанской войне и саботажу и всегда передвигается по стране тайно или по каким-то таинственным делам переходит границы соседних государств.

С мужем Молли серьезно разговаривал о чем-то другой юрист из Йоханнесбурга по имени Брэм Фишер, который специализировался на защите черных клиентов от обвинений по одному из бесчисленных законов, призванных обезоружить их и ограничить свободу передвижения. Молли говорила, что Брэм Фишер реорганизует прежнюю коммунистическую партию во множество подпольных ячеек, и Тара мечтала, как однажды получит приглашение вступить в одну из них.

В той же группе она увидела Маркуса Арчера, еще одного бывшего коммуниста, индустриального психолога из Витватерсранда. Он отвечал за обучение тысяч черных рабочих на золотых шахтах, и Молли говорила, что это он помог организовать профсоюз черных шахтеров. Молли также тайком рассказала, что он гомосексуалист, и использовала слово, которое Тара раньше никогда не слышала: «Он голубой, голубой, как незабудка». И поскольку это было абсолютно неприемлемо для приличного общества, Тара нашла это восхитительным.

¹⁸ Сионистская группа, которая вела в Израиле террористическую борьбу с англичанами.

– О Боже, Молли, – прошептала Тара. – Я так волнуюсь. Вот настоящие люди, я с ними чувствую, что и сама наконец живу.

– А вот и он, – улыбнулась Молли этому взрыву и потянула Тару за собой, протискиваясь в тесноте.

Мозес Гама стоял, прислонившись к дальней стене, окруженный кольцом поклонников; он на голову возвышался над ними. Молли с Тарой протолкались в первый ряд.

Тара смотрела на Мозеса Гаму, и ей казалось, что даже в этом замечательном обществе он выделяется, как черная пантера среди бродячих уличных котов. Хотя его голова казалась высеченной из глыбы черного оникса, а красивые нилотские черты оставались бесстрастными, в них чувствовалась сила, которая словно заполняла всю комнату. Это было все равно как стоять на высоких склонах темного Везувия, зная, что в любую минуту может начаться катастрофическое извержение.

Мозес Гама повернул голову и посмотрел на Тару. Он не улыбнулся, но в глубине его темного взгляда промелькнула какая-то тень.

– Миссис Кортни, я попросил Молли пригласить вас.

– Пожалуйста, не называйте меня так. Меня зовут Тара.

– Мы потом должны поговорить, Тара. Вы останетесь?

Она ничего не могла сказать, слишком взволнованная тем, что он выделил ее из всех, и только молча кивнула.

– Если вы готовы, Мозес, можно начать, – предложила Молли, взяла его за руку и отвела к возвышению, на котором стояло пианино.

– Друзья! Друзья! Прошу внимания! – Молли хлопнула в ладоши, и оживленный гул стих. Все повернулись к возвышению. – Мозес Гама – один из наиболее одаренных и уважаемых представителей нового поколения молодых черных африканских лидеров. Еще до войны он стал членом Африканского национального конгресса и был истинным вдохновителем создания Профсоюза африканских шахтеров. Хотя правительство и по сей день не признает черные профсоюзы, это тайное объединение шахтеров является самым представительным и влиятельным среди них; в нем состоит свыше ста тысяч платящих взносы членов. В 1950 году Мозес Гама был избран секретарем АНК и неустанно, самоотверженно и деятельно работал, чтобы отчаянный крик наших черных граждан был наконец услышан, хотя им и отказывают в праве решать собственную судьбу. Короткое время Мозес Гама входил в назначенный правительством Туземный представительный совет, эту позорную попытку удовлетворить политические амбиции черных, но вышел из его состава со знаменитыми словами: «Я говорил по игрушечному телефону, и на том конце никто меня не слушал».

Последовал взрыв смеха и аплодисментов, и Молли повернулась к Мозесу Гаме.

– Я знаю, вам нечего сказать нам такого, что успокоило бы и утешило нас, но, Мозес Гама, в этой комнате много сердец, которые бьются в лад с вашим и готовы вместе с вами проливать кровь.

Тара аплодировала, пока не отбила ладони, а потом наклонилась вперед, готовая слушать. Мозес Гама тем временем вышел к краю возвышения.

В аккуратном синем костюме и белой рубашке с темно-синим галстуком, он, как ни странно, оказался наиболее строго одетым человеком в комнате, полной людей в мешковатых шерстяных свитерах и старых твидовых спортивных пиджаках с кожаными нашивками на локтях и жирными пятнами на лацканах. Пиджак классического покроя элегантно облегал широкие, спортивные плечи Мозеса Гамы. Но казалось, что на нем плащ из шкуры леопарда – символ достоинства вождя, а в коротко подстриженных густых волосах – перо цапли. Голос у него был глубокий и волнующий.

– Друзья мои, есть единственный идеал, к которому я стремлюсь всем сердцем и который готов защищать ценой жизни: каждый африканец обладает прямым наследственным и

неотъемлемым правом на Африку, наш родной континент, – начал Мозес Гама. Тара зачарованно слушала его рассказ о том, что это наследственное право отнимают у черного человека уже больше трех веков, а за последние несколько лет, с тех пор как к власти пришло националистическое правительство, эти факты постепенно закрепляет – официально – монументальное здание законов, распоряжений и установок, которые и представляют собой на практике политику апартеида.

– Мы все слышали утверждение, что концепция апартеида ввиду своей крайней нелепости, очевидного безумия неосуществима. Но предупреждаю вас, друзья: люди, придумавшие этот безумный план, столь фанатичны, столь упрямы, столь свято убеждены, будто действуют под божественным руководством, что это заставляет апартеид работать. Они уже создали огромную армию мелких гражданских чиновников, насаждающих это безумие, и за ними стоят все ресурсы земли, богатой золотом и полезными ископаемыми. Предупреждаю вас, они не задумываясь истратят все это богатство ради создания своего идеологического чудовища Франкенштейна. Нет платы, выраженной в материальных богатствах и в человеческих страданиях, которая показалась бы им слишком высокой.

Мозес Гама замолчал и сверху вниз посмотрел на них: Таре показалось, что он чувствует боль каждого человека, испытывает страдания, каких не вынести простому смертному.

– Если им не противостоять, друзья мои, они опустошат эту прекрасную страну, водворят здесь разор и мерзость запустения – создадут край, чуждый сочувствия, справедливости, землю, материально и духовно обанкротившуюся.

Мозес Гама раскинул руки.

– Эти люди называют тех, кто противостоит им, предателями. Что ж, друзья мои, а я назову предателем всякого, кто не сопротивляется им, – предателем Африки!

Он замолчал, обвиняюще глядя на них, и они на время онемели, прежде чем разразиться приветственными криками. Только Тара в этом реве замерев глядела на него; она лишилась дара речи и дрожала словно в лихорадке.

Мозес опустил голову, так что подбородок уперся в грудь, и все решили, что он закончил. Но он снова поднял величественную голову и простер руки.

– Сопротивляться? Как мы можем сопротивляться им? Я отвечу – мы противостояим им всей своей силой, всей решимостью, всем сердцем. Если для них нет слишком высокой цены, ее нет и для нас. Скажу вам, друзья, нет ничего... – Он помолчал и подчеркнул: – Нет ничего, что я не сделал бы ради этой борьбы. Я готов ради нее и умереть, и убивать.

Все молчали перед лицом такой страшной решимости. Для тех, кто привык к изящной социалистической диалектике, для изнеженных декадентствующих интеллектуалов такое утверждение прозвучало грозно и тревожно, в нем слышался треск ломающихся костей и запах только что пролитой крови.

– Мы готовы начать, друзья, наши планы успешно осуществляются. Через несколько месяцев мы начнем общегражданскую кампанию неповиновения чудовищным законам апартеида. Мы сожжем пропуска, которые по решению парламента должны постоянно носить с собой, эти ненавистные *домпы*, равносильные шестиконечным звездам, которые во время войны предписывалось носить евреям как знак их расовой неполноценности. Мы устроим из них костер, и дым этого костра достигнет ноздрей всего цивилизованного мира. Мы пойдем в рестораны и кинотеатры только для белых, будем ездить в железнодорожных вагонах только для белых и купаться на пляжах только для белых. Мы будем кричать фашистской полиции: «Ну! Арестуйте меня!» Мы тысячами заполним тюрьмы белых и толпами запрудим их суды, и наконец весь гигантский аппарат апартеида рухнет от напряжения.

Тара задержалась, как ее попросили. Проводив большинство гостей, Молли подошла и взяла Тару за руку.

– Рискнешь попробовать спагетти болоньезе в моем исполнении, Тара, дорогая? Ты же знаешь, я худшая повариха Африки... но ты храбрая девочка!

Лишь шестерых гостей пригласили на поздний ужин. Они сидели во дворике. Над их головами жужжали москиты, и время от времени порыв ветра доносил серное зловоние от очистных сооружений на противоположном берегу Черной реки. Это не портило аппетит, и гости поедали знаменитые спагетти болоньезе Молли и запивали их дешевым красным вином. Тара испытывала облегчение – после сложных обедов Вельтевредена, сопровождавшихся полурелигиозной церемонией дегустации вин, бутылка каждого из которых стоила больше месячной зарплаты рабочего. Здесь же еда и вино были только горячим для мозга и языка, а не предметом наслаждения.

Тара сидела рядом с Мозесом Гамой. Ел он с аппетитом, но к вину почти не притрагивался. За столом он вел себя как истинное дитя Африки: ел шумно, чавкая. Но, как ни странно, это нисколько не отталкивало Тару. Непонятным образом это подчеркивало, что он – иной, делало его сыном своего народа.

Вначале Мозес почти все внимание уделял другим гостям, отвечал на вопросы и замечания, которые поступали от всех сидевших за столом. Но постепенно он сосредоточился на Таре: вначале вовлек ее в общий разговор, а потом, покончив с едой, повернулся к женщине и понизил голос, чтобы не слышали остальные.

– Я знаю вашу семью, – сказал он Таре. – Хорошо знаю миссис Сантэн Кортни и особенно вашего супруга Шасу Кортни.

Тара удивилась:

– Никогда не слышала, чтобы они говорили о вас.

– Зачем им обо мне говорить? В их глазах я никогда не имел никакого значения. Они давно обо мне забыли.

– Но где вы с ними познакомились и когда?

– Двадцать лет назад. Ваш супруг был тогда еще ребенком. Я работал десятником на алмазной шахте Х'ани в Юго-Западной Африке.

– Х'ани, – кивнула Тара. – Основа состояния Кортни.

– Мать послала Шасу Кортни познакомиться с работой шахты. Мы с ним несколько недель работали бок о бок... – Мозес замолчал и улыбнулся. – Мы хорошо поладили – ну, конечно, как может ладить черный с маленьким белым *баасом*. Мы много разговаривали, и он подарил мне книгу. Она все еще у меня. Это «История Англии» Маколей¹⁹. Помню, что некоторые мои слова удивляли и тревожили его. Однажды он мне сказал: «Мозес, это политика. Черные не занимаются политикой. Это дело белых».

Мозес усмехнулся этому воспоминанию, но Тара нахмурилась.

– Я просто слышу, как он говорит это, – согласилась она. – Он не слишком изменился за двадцать лет.

Мозес перестал смеяться.

– Ваш муж стал большим человеком. Чрезвычайно богатым и влиятельным.

Тара пожала плечами.

– Что хорошего в богатстве и влиянии, если не использовать их мудро и милосердно?

– У вас доброе сердце, Тара, – негромко сказал он. – Даже если бы я не знал, что вы делаете для моего народа, я бы почувствовал это.

Тара потупилась под его горящим взглядом.

– Мудрость. – Он заговорил еще тише. – Думаю, она у вас есть. Вы умно поступили, не упомянув при остальных о нашей последней встрече.

¹⁹ Томас Бабингтон Маколей (1800 – 1859) – английский государственный деятель, историк, поэт и прозаик; автор пятитомной истории Англии.

Тара подняла голову и посмотрела на него. За тревожными вечера она почти забыла их встречу в запретном коридоре парламента.

– Зачем? – прошептала она. – Зачем вы там были?

– Когда-нибудь я вам скажу, – ответил он. – Когда мы станем друзьями.

– Мы друзья, – сказала она, и он кивнул.

– Да, думаю, мы друзья, но дружбу нужно доказать и проверить. Расскажите мне о своей работе, Тара.

– Я так мало могу сделать, – ответила она и рассказала о клинике и о программе питания детей и стариков, не сознавая своего энтузиазма и оживления, пока он снова не улыбнулся.

– Я был прав, вы умеете сопереживать, Тара, умеете глубоко сочувствовать. Я хотел бы увидеть вашу работу. Это возможно?

– Приходите – замечательно!

На следующий день Молли привезла Гаму в клинику.

Клиника располагалась на южной окраине черного пригорода Ньянга – на языке коса это слово означает «рассвет», но вряд ли оно было выбрано удачно. Как большинство черных пригородов, Ньянга состоял из множества одноэтажных кирпичных домиков с асбестовыми крышами, разделенных узкими пыльными улицами; дома, угнетающе уродливые, тем не менее были достаточно удобными: сюда подавали очищенную водопроводную воду и электричество, – и подвели канализацию. Однако за границами этого пригорода, среди поросших кустами дюн Кейп-Флэтса, раскинулся город лачуг, в котором обитало нищее черное население, переселившееся из голодных сельских районов. Большинство пациентов клиники Тары были как раз из числа этих несчастных.

Тара гордо провела Мозеса и Молли по маленькому зданию.

– Сегодня выходной, поэтому нет наших добровольцев-врачей, – объяснила она. Мозес поговорил с черными медсестрами и с матерями, которые с детьми терпеливо ждали во дворе.

Потом в своем крошечном кабинете Тара приготовила им троим кофе, и, когда Мозес спросил, как финансируется клиника, ответила уклончиво:

– У нас грант от правительства провинции...

Но тут вмешалась Молли Бродхерст:

– Не позволяйте ей дурачить вас – большую часть расходов она оплачивает из своего кармана.

– Я обманываю мужа – жульничаю со счетами за домашнее хозяйство, – рассмеялась Тара, легко отмахиваясь от темы.

– Нельзя ли проехать по району трущоб? Мне хочется на них посмотреть.

Мозес посмотрел на Молли, но та закусил губу и взглянула на часы.

– Проклятие, мне пора.

Тара вмешалась:

– Не волнуйся, Молли. Я могу повозить Мозеса. Поезжай домой, а я сегодня к вечеру подвезу его к твоему дому.

В старом «паккарде» они ездили по песчаным дорогам между заросшими дюнами, где ивовидные акации вырубали, чтобы расчистить место для лачуг из ржавого железа, картона и изорванной пластиковой упаковки. Время от времени они останавливались и пешком обходили трущобы. Воющий юго-восточный ветер с залива поднимал в воздух тучи пыли. Идти приходилось наклонившись.

Люди узнавали Тару, с ней здоровались, ей улыбались, дети бежали ей навстречу и плясали вокруг, выпрашивая дешевые лакомства, которые она держала в карманах.

– Где они берут воду? – спросил Мозес, и Тара показала ему, как старшие дети ставят старые нефтяные бочки на брошенные автомобильные шины. Бочки заполняют водой из общей колонки на краю официального поселка и везут за милую к своим лачугам.

– Акации они рубят на дрова, – объясняла Тара, – но зимой дети болеют простудами, насморками и воспалением легких. О канализации даже не спрашивайте...

Она принялась к густому зловонию мелких выгребных ям, закрытых ветошью.

Было уже почти темно, когда Тара остановила «паккард» у черного входа клиники и выключила двигатель. Несколько минут они сидели молча.

– То, что мы видели, не хуже сотни других районов трущоб, в которых я прожил большую часть жизни, – сказал Мозес.

– Простите.

– За что? – спросил Мозес.

– Не знаю. Просто чувствую себя виноватой.

Она знала, как неубедительно это звучит, и открыла дверцу «паккарда».

– Я должна взять из кабинета кое-какие документы. Я быстро, всего минуту. Потом я отвезу вас к дому Молли.

Клиника была пуста. Две медсестры закрыли ее и ушли домой еще час назад. У Тары был свой ключ, и она через единственную смотровую прошла к себе. Когда мыла руки, поглядела в зеркало над раковиной. Она покраснела, глаза блестели. Теперь она привыкла к нищете таких поселений, и они больше не приводили ее в уныние, как когда-то; напротив, она чувствовала себя полной жизни и необычно возбужденной.

Она положила в кожаную сумку через плечо папку с корреспонденцией и счетами, закрыла ящик письменного стола, убедилась, что вилка электрического чайника выдернута из розетки, а окна закрыты, выключила свет и вернулась в смотровую. И удивленно остановилась. Мозес Гама вслед за ней вошел в здание и сидел у дальней стены на белой кушетке для осмотра.

– Ох, – опомнилась Тара, – я слишком долго возилась...

Он отрицательно покачал головой, встал и прошел по кафельному полу. Остановился перед ней. Тара чувствовала себя неловко и скованно, пока он серьезно разглядывал ее лицо.

– Вы удивительная, – заговорил он низким глубоким голосом, какого она у него раньше не слышала. – Впервые вижу такую белую женщину.

Она не знала, что ответить, а он негромко продолжил:

– Вы богаты, у вас множество привилегий. У вас есть все, что может предложить жизнь, и, однако, вы приходите сюда. К этой бедности и несчастьям.

Он коснулся руки Тары. Его ладонь и внутренняя сторона пальцев были светло-розовыми, что составляло резкий контраст с тыльной стороной ладони и темными мускулистыми предплечьями. Кожа у него была прохладная. Она подумала: так ли это, или просто ее кожа слишком горяча? Ей стало жарко, где-то в глубине словно разожгли печь. Она посмотрела на его пальцы на своей гладкой светлой руке. К ней никогда не притрагивался черный мужчина – не притрагивался сознательно и надолго, как сейчас.

Ремень соскользнул с ее плеча и сумка глухо шлепнулась на пол. Тара держала руки перед грудью, невольно защищаясь, но теперь позволила им упасть вдоль тела и почти непреднамеренно прогнула спину и приблизила нижнюю часть тела к Мозесу. В то же время она подняла голову и посмотрела прямо ему в глаза. Губы ее разомкнулись, дыхание участилось. Она увидела свое отражение в его глазах и сказала:

– Да.

Мозес погладил ее руку от локтя до плеча, и Тара закрыла глаза. Он коснулся ее левой груди, и Тара не отшатнулась. Рука Мозеса сжала ее грудь, и, чувствуя силу его хватки, ее плоть затвердела, а сосок разбух и уткнулся ему в ладонь. Он сжал его. Ощущение было

острое и напряженное, почти болезненное; Тара ахнула, и по ее спине прошла волна, как расходятся круги после падения камня в тихую воду пруда.

Ее возбуждение было таким внезапным, что она растерялась. Тара никогда не считала себя чувственной. Шаса был единственным мужчиной, какого она знала, и ему потребовались все умение и терпение, чтобы заставить ее тело откликаться, но сейчас от одного прикосновения ее кости словно растаяли от желания, лоно размягчилось, как воск в огне, и она не могла дышать, так сильна была ее потребность в этом мужчине.

– Дверь, – прошептала она. – Закрой дверь.

И с благодарностью увидела, что он уже запер дверь на засов. Задержки Тара не вынесла бы. Мозес подхватил ее и отнес на кровать. Простыня на кровати была безупречно чистая и так накрахмалена, что слегка заскрипела под тяжестью Тары.

Он оказался таким огромным, что она пришла в ужас. Хотя Тара родила четверых детей, когда его чернота заполнила ее, она почувствовала, что ее словно раздирают надвое, но ужас сразу прошел и сменился своеобразным ощущением благоговения. Она была жертвенной овцой, и этим актом искупала все грехи своей расы, которые столетиями совершались против его народа; она стирала вину, которая была ее язвой, сколько она себя помнила.

Когда он наконец тяжело обмяк на ней и его дыхание ревом отдавалось в ее ушах, а его черную плоть сводили последние конвульсии, она с радостной благодарностью прижалась к нему. Ибо он навсегда освободил ее от вины – и одновременно навеки сделал своей рабыней.

* * *

Подавленная после всплеска любви печалью и сознанием того, что ее мир навсегда изменился, по дороге к дому Молли Тара молчала. Она остановилась в квартале от дома и, не выключая мотор, повернулась и в свете уличных фонарей стала рассматривать лицо Мозеса.

– Когда я снова тебя увижу? – задала она вопрос, который до нее задавало великое множество женщин.

– Ты хочешь снова меня увидеть?

– Больше всего на свете.

В этот миг она даже не вспомнила о детях. Теперь для нее существовал только он.

– Это будет опасно.

– Знаю.

– Если нас обнаружат, наказание – позор, отвержение, тюрьма. Твоя жизнь будет уничтожена.

– Моя жизнь пуста, – негромко ответила она. – Невелика потеря.

Он внимательно разглядывал ее лицо в поисках неискренности. Наконец он почувствовал, что удовлетворен.

– Когда будет безопасно, я пошлю за тобой.

– Я приду немедленно, когда бы ты ни позвал.

– Теперь я должен тебя оставить. Отвези меня назад.

Она остановилась сбоку от дома Молли, в тени, где их не было видно с дороги.

«Начинается время уловок и хитростей, – спокойно подумала Тара. – Я права. Жизнь больше никогда не будет прежней».

Он не пытался обнять ее – это не по-африкански. Только смотрел. В полутьме белки его глаз сверкали, как слоновою кость.

– Ты понимаешь, что, выбрав меня, ты выбрала борьбу? – спросил он.

– Да, знаю.

– Ты станешь воительницей, и ты, твои желания, даже сама твоя жизнь не будут иметь никакого значения. Если тебе придется погибнуть в борьбе, я пальцем не двину, чтобы спасти тебя.

Она кивнула.

– Да, и это я знаю.

От столь благородного подхода у Тары стеснило грудь, стало тяжело дышать, и она с трудом прошептала:

– Ни одного мужчину не любили больше – я принесу любую жертву, о какой ты меня попросишь.

* * *

Мозес прошел в комнату для гостей, отведенную ему Молли, и умывался над раковиной, когда без стука вошел Маркус Арчер, закрыл за собой дверь и прислонился к ней, глядя на отражение Мозеса в зеркале.

– Ну? – спросил он наконец неохотно, как будто не стремился услышать ответ.

– Все как мы планировали, – ответил Мозес, вытирая лицо чистым полотенцем.

– Ненавижу эту глупую сучку, – тихо сказал Маркус.

– Мы же решили, что это необходимо.

Мозес выбрал в саквояже на кровати свежую рубашку.

– Я знаю, что решили, – сказал Маркус. – Если помнишь, это было мое предложение. Но оно не обязано мне нравиться.

– Она – только орудие. Глупо примешивать личные чувства.

Маркус Арчер кивнул. Он надеялся, что сможет вести себя, как подлинный революционер, один из стальных людей, в которых нуждается их борьба, но его чувства к этому мужчине – Мозесу Гаме – были сильнее политических убеждений.

Он знал, что его чувство не взаимно. Все эти годы Мозес Гама использовал его так же цинично и расчетливо, как собирался использовать эту женщину, Кортни. Мощная сексуальная привлекательность – всего лишь еще одно оружие в арсенале Мозеса Гамы, еще одно средство манипулировать людьми. Он пускал его в ход с мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, какими бы привлекательными или уродливыми те ни были. Маркус восхищался этой его способностью, и в то же время она убивала его.

– Завтра уезжаем в Витватерсранд, – сказал он, отталкиваясь от двери и на мгновение справившись с ревностью. – Я все приготовил.

– Так скоро? – спросил Мозес.

– Я все приготовил. Едем на машине.

Это была одна из проблем, мешавших работе. Черному человеку сложно ездить по огромной части суши, если на каждом углу у него могут потребовать предъявить *домту*; когда полицейский увидит, что в паспорте указано далекое место жительства, а у черного нет никаких очевидных причин находиться здесь или если его паспорт не подписан работодателем, неминуемы допросы и расследования.

Связь Мозеса с Маркусом и его номинальное место работы в министерстве горнодобывающей промышленности давали ему ценное прикрытие при необходимости куда-нибудь поехать, но делу постоянно требовались курьеры. Вот эта роль, помимо прочих, и предназначалась Таре. Вдобавок благодаря рождению и браку Тара занимала очень высокое положение и должна была поставлять очень ценную для планирования информацию. А в будущем, когда Тара докажет свою преданность, ее ждала другая, гораздо более опасная работа.

* * *

В конце концов Шаса Кортни понял, что лишь совет матери позволит ему решить, принять или отвергнуть предложение, сделанное во время охоты на прыгунов на открытых равнинах Свободной Оранжевой республики.

Шаса первым готов был презирать мужчину своих лет, который все еще крепко держится за передник матери, но он никогда не думал, что нечто подобное можно сказать о нем. Тот факт, что Сантэн Кортни-Малкомс – его мать, в данном случае был чистой случайностью. Зато она обладала самым проницательным финансовым и политическим умом среди всех, к кому он мог обратиться; она также была его деловым партнером и единственным человеком, которому он полностью доверял. Ему и в голову не приходило, что можно принять такое важное решение, не посоветовавшись с ней.

Желая разобраться в своих чувствах, после возвращения в Кейптаун он ждал неделю; к тому же ему нужно было застать Сантэн одну, поскольку в том, что скажет отчим, он не сомневался. Блэйн Малкомс был представителем оппозиции в парламентском подкомитете, рассматривавшем проект извлечения нефти из угля как возможную часть правительственного плана уменьшения зависимости страны от импорта топлива. Комитет должен был побывать на месте работ, и на этот раз Сантэн не сопровождала мужа. Именно такой возможности дожидался Шаса.

От Вельтевредена было меньше получаса езды на машине через проход Констанция-Нек на другую сторону горы к атлантическому побережью, где Сантэн устроила для Блэйна дом; дом стоял на пяти акрах горного склона, поросшего дикими протезами, и склон этот круто обрывался к скалистому берегу и белым пляжам. Дом построил во времена королевы Виктории один из магнатов-горнопромышленников Ранда, но Сантэн полностью перестроила его и сменила внутренние убранство и обстановку.

Шаса остановил «ягуар». Мать уже ждала на веранде, и он взбежал по ступенькам и обнял ее.

– Ты слишком похудел, – ласково упрекнула она. По телефонному звонку она догадалась, что предстоит серьезный разговор, но у них были свои традиции. Сантэн надела хлопчатобумажную блузку с открытым воротом, брюки и удобные туфли для пеших прогулок; без всяких обсуждений она взяла сына за руку, и они пошли по тропе, которая огибала розарий и поднималась на необработанный горный склон.

Последняя часть подъема была очень крутой, тропа – неровной, но Сантэн преодолела подъем без остановок и первая поднялась на вершину. Она почти не запыхалась и спустя минуту вновь дышала ровно. «Она поддерживает превосходную форму; одному богу известно, сколько она тратит на снадобья и мази, а тренируется она как профессиональная спортсменка», – подумал Шаса и гордо улыбнулся, глядя на мать. Он обнял ее за узкую талию.

– Смотри, какая красота! – Сантэн легко прислонилась к нему, глядя на холодные зеленые воды Бенгуэльского течения, в белой пене огибающие пяту Африки, которая, как у средневекового рыцаря, была одета броней – броней темных скал. – Это мое любимое место.

– Кто бы мог подумать? – сказал Шаса и подвел мать к плоскому, поросшему мхом камню – ее обычному сиденью.

Она села на камень и поджала ноги, а он улегся внизу на ложе из мха. Несколько мгновений оба молчали. Шаса подумал: сколько раз мы сидели так в этом ее особенном месте, сколько серьезных обсуждений здесь прошло!

– Ты помнишь Манфреда Деларея? – неожиданно спросил он – и оказался совершенно не готов к ее реакции. Мать вздрогнула и посмотрела на него с выражением, которое он не мог разгадать; лицо ее побледнело.

– Что-то случилось, мама?

Он начал вставать, но она жестом попросила его остаться на месте.

– Почему ты о нем спрашиваешь? – спросила она, но он не стал отвечать прямо.

– Разве не странно, что дороги наших семей пересекаются? С тех самых пор, как его отец спас тебя, когда я был младенцем и мы жили с бушменами в песках Калахари?

– Нет необходимости возвращаться к этому, – резко остановила его Сантэн. Шаса понял, что проявил бестактность. Отец Манфреда ограбил шахту Х’ани почти на миллион фунтов в алмазах. Он мстил Сантэн, уверенный, что та сознательно вредила ему. За это преступление его приговорили к пожизненному заключению, и он отсидел почти пятнадцать лет. Освободился Деларей, когда в 1948 году к власти пришло националистическое правительство. Одновременно националисты помиловали много других африканцев, отбывавших сроки за измену, саботаж и вооруженные ограбления: их осудило правительство Сматса за попытку помешать военным усилиям страны в войне с нацистской Германией. Однако украденные алмазы так и не были найдены, и их потеря почти уничтожила состояние Сантэн Кортни, создававшееся ценой таких трудов, жертв и усилий.

– Почему ты упомянул Манфреда Деларея? – повторила она.

– Он пригласил меня на встречу. Тайную – «плащ и кинжал».

– Ты пошел?

Шаса медленно кивнул.

– Мы встретились на ферме в Свободной республике. Там присутствовали еще два министра правительства.

– Ты разговаривал с Манфредом наедине? – спросила она, и Шаса обратил внимание на тон вопроса и на то, что мать назвала Манфреда по имени. И тут он вспомнил неожиданный вопрос, заданный ему Манфредом Делареем.

«Ваша мать никогда не говорила обо мне?» – спросил Деларей, и с учетом реакции Сантэн на его имя этот вопрос приобрел неожиданное значение.

– Да, мама, я говорил с ним наедине.

– Он упоминал обо мне? – спросила Сантэн, и Шаса удивленно рассмеялся.

– Он задал тот же вопрос – говорила ли ты о нем. Почему вы так интересуетесь друг другом?

Лицо Сантэн стало бесстрастным, и он увидел, что дальнейшие расспросы бесполезны. Эту тайну он не разгадает впрямую. Придется выяснять окольными путями.

– Мне сделали предложение.

Он увидел, что она снова заинтересовалась.

– Манфред? Предложение? Рассказывай.

– Они хотят, чтобы я перешел к ним.

Она медленно кивнула, не удивляясь и не отвергая эту мысль сходу. Он знал, что, будь здесь Блэйн, все было бы иначе. Чувство чести Блэйна, его жесткие принципы не оставили бы места для маневра. Блэйн душой и сердцем человек Сматса, и хотя старый фельдмаршал не вынес душевных мук после того как националисты сместили его, отобрав бразды правления, Блэйн остается верен памяти старика.

– Могу догадаться, зачем ты им нужен, – медленно сказала Сантэн. – Им понадобился первоклассный финансист, организатор и делец. Это единственное, чего им недостает в их кабинете.

Шаса кивнул. Мать сразу все поняла, и его безграничное уважение к ней еще углубилось.

– Какую цену они готовы заплатить? – спросила она.

– Место в кабинете – министр горнодобывающей промышленности.

Он увидел, как взгляд Сантэн рассредоточился; она близоруко смотрела на море. Он знал, что означает это выражение. Сантэн, занявшись расчетами, рассматривала варианты будущего. Он терпеливо ждал, пока ее взгляд снова не сфокусировался.

– У тебя есть причины для отказа? – спросила она.

– А как же мои политические принципы?

– Они намного отличаются от их?

– Я не африкандер.

– Возможно, это твое преимущество. Ты станешь их английским символом. Тебе дадут особый статус. У тебя будут развязаны руки. Уволить тебя для них будет трудней, чем кого-нибудь из своих.

– Я не согласен с их политикой относительно туземцев, с *апартеидом*. В финансовом отношении она неразумна.

– Боже, Шаса! Ты ведь не веришь в равные политические права черных и белых? Даже Смас этого не хотел. Ты не хочешь, чтобы нами правил новый Чака, чтобы на черного диктатора работали черные судьи и черная полиция? – Она содрогнулась. – Нас тогда ждет быстрая расправа.

– Нет, мама, конечно нет. Но *апартеид* – это просто способ захватить весь пирог. Следует оставить кусок и им, нельзя жрать все в одиночку. Это верный рецепт неизбежной кровавой революции.

– Хорошо, cheri. Если ты будешь в правительстве, ты сможешь позаботиться о том, чтобы они получали удары кнутом справедливо.

Шаса с сомнением посмотрел на нее и принялся выбирать в золотом портсигаре сигарету, потом закурил.

– У тебя особый дар, Шаса, – убедительно заговорила Сантэн. – Твой долг употребить его на общую пользу.

Он по-прежнему колебался, желая, чтобы мать высказалась яснее. Ему надо было знать, что она хочет этого так же сильно, как он.

– Мы можем быть честны друг с другом, cheri. Именно к этому мы стремились с тех пор, как ты был еще ребенком. Берись за эту работу и делай ее хорошо, а потом – кто знает, что может последовать.

Оба молчали, понимая, что это значит. Они ничего не могут поделать: в их природе заложено стремление к самой высокой вершине.

– А как же Блэйн? – сказал наконец Шаса. – Как он это примет? Не хотел бы я признаться ему.

– Это сделаю я, – пообещала она. – Но тебе придется сказать Таре.

– Тара, – вздохнул он. – Вот это будет проблема.

Они снова помолчали, потом Сантэн спросила:

– Как ты это сделаешь? Если перейдешь на ту сторону, станешь мишенью для враждебной критики.

Итак, они договорились; оставалось только обсудить методы.

– На следующих общих выборах я буду выступать под флагом националистов. Мне дадут надежный избирательный участок, – сказал Шаса.

– В таком случае, у нас мало времени для проработки деталей.

Они говорили еще целый час, планируя предстоящие действия с той тщательностью и предусмотрительностью, которые много лет делали их команду такой успешной, пока Шаса не взглянул на мать.

– Спасибо, – просто сказал он. – Что бы я делал без тебя? Ты жестче и умней любого знакомого мне мужчины.

– Убирайся, – улыбнулась она. – Ты знаешь, что я терпеть не могу похвалы.

Оба рассмеялись.

– Я провожу тебя вниз, мама.

Но она покачала головой.

– Мне нужно еще подумать. Оставь меня здесь.

Она смотрела, как он спускается по склону, и почти задохнулась от любви и гордости.

«Он все, что я хотела видеть в сыне; он тысячекратно превзошел мои ожидания. Спасибо тебе, сын, спасибо за радость, которую ты всегда мне даешь».

Неожиданно слово «сын» заставило ее мысли устремиться к началу их разговора.

«Ты помнишь Манфреда Деларея?» – спросил у нее Шаса, но он не знал, какой ответ мог бы получить.

– Может ли женщина забыть сына, которого выносила? – вслух прошептала Сантэн, но ее слова заглушили ветер и гром зеленого прибоа на скалах под горой.

* * *

Все места в церкви были заняты. Шляпки женщин пестрели, как дикие весенние маргаритки на просторах Намакваленда²⁰, мужские костюмы были строгими и темными. Все лица были повернуты к монументальной резной кафедре черного дерева, на которой стоял преподобный Тромп Бирман, председатель верховного суда Голландской Реформированной церкви Южной Африки.

Манфред Деларей снова подумал: как сильно состарился дядя Тромп за послевоенные годы! Он так до конца и не оправился от пневмонии, которой заболел в концентрационном лагере в Коффифонтейне, куда поклонник англичан Янни Сматс заключил его вместе с сотнями других патриотически настроенных африканцев в годы войны Англии с Германией.

Теперь борода дяди Тромпа была белоснежной и казалась еще величественней, чем прежняя густая черная. Волосы, тоже седые, были коротко острижены, чтобы скрыть, как они поредели, и блестели на куполообразной лысине как стеклянный порошок, но когда он смотрел на паству, глаза его горели огнем, а голос, который принес ему прозвище «Труба Господня», не утратил силы и раскатывался под высокими сводами собора, как артиллерийская канонада.

Дядя Тромп по-прежнему собирал полную церковь, и Манфред серьезно, гордо кивал, слушая громовые раскаты над своей головой. К словам он даже не прислушивался, только наслаждался ощущением единства, которое наполняло его: когда дядя Тромп на кафедре, мир становится безопасным. Тогда человек может верить и в Бога, и в свой Volk, и в Божественное вмешательство, которое направляет его жизнь.

Манфред Деларей сидел в переднем ряду справа от прохода, с краю. В храме это место считается у паствы самым почетным, и Манфред занимает его по праву, поскольку он – самая влиятельная и сильная особа из всех присутствующих в церкви. Этот ряд оставляют для него и его близких, а их имена золотом напечатаны на псалтири, лежащей на каждом месте.

Хайди, его жена, – великолепная женщина, высокая и сильная, ее обнаженные предплечья под рукавами-буф гладкие и упругие, грудь большая, красивая, шея длинная, а золотые волосы заплетены в две косы и уложены венцом под широкополой черной шляпой. Манфред познакомился с ней в Берлине, когда в 1936 году завоевал на Олимпийских играх

²⁰ Намакваленд – пустыня в Южной Африке, по территории которой протекает река Оранжевая; знаменита весенним цветением.

золотую медаль в боксе. Сам Адольф Гитлер посетил его бракосочетание. На время войны они с Хайди были разлучены, но потом Манфред привез ее и их сына, маленького Лотара, в Африку.

Теперь Лотару почти двенадцать; это сильный красивый мальчик, белокурый, в мать, и прямой, как отец. Он очень прямо сидит на семейной скамье, его волосы тщательно набриолированы, крахмаленный белый воротничок врежется в шею. Он спортсмен, как отец, но выбрал регби и преуспевает в этой игре. За ним сидят три его младшие сестры, светловолосые, хорошенькие, со свежими здоровыми личиками, на девочках традиционные *воортреккерские* капоры, а длинные юбки доходят до лодыжек. Манфред любит, когда они по воскресеньям надевают национальные костюмы.

Дядя Тромп завершил проповедь залпом угроз, описывая адское пламя, и взволновал всю паству. Все встали, чтобы спеть заключительный гимн. Пользуясь одной книгой с Хайди, Манфред рассматривал красивое, типично немецкое лицо жены. Вот жена, которой можно гордиться, отличная хозяйка и мать, верный товарищ, достойный доверия, она бриллиант в его короне политика. Такая женщина может встать рядом с любым мужчиной, хотя бы и премьер-министром сильной и процветающей страны. Он позволил себе насладиться этой тайной мыслью. Да, все возможно, он еще молод, самый молодой в правительстве, и не допустил ни одной политической ошибки. Даже его деятельность в военное время обеспечивает ему влияние и престиж, хотя вне ближнего круга мало кто знает, какую роль он на самом деле играл в антибританской пронацистской тайной армии «Оссева брандваг».

Уже поговаривают, что он человек с будущим; это ясно и из того глубокого уважения, какое проявляли к нему, когда служба закончилась и паства покидала церковь. Манфред стоял рядом с Хайди на лужайке у церкви, а влиятельные и важные люди один за другим подходили к нему – приглашали к себе, просили об услуге, поздравляли с речью, в которой он представил в парламенте новую поправку к уголовному законодательству, или просто свидетельствовали свое уважение. Прошло почти двадцать минут, прежде чем он смог уйти из церкви.

Семья направилась домой. Нужно было пройти всего два квартала под зелеными дубами, которые окаймляют улицы Стелленбоса, маленького университетского городка, ставшего оплотом африкандерской мысли и культуры. Девочки шли впереди, Лотар следовал за ними, а Манфред под руку с Хайди замыкал процессию, через каждые несколько шагов останавливаясь, чтобы ответить на приветствие, перекинуться несколькими словами с соседом или с кем-нибудь из избирателей.

Этот дом Манфред купил, когда они после войны вернулись из Германии. Хотя сад был небольшой и окна выходили почти на самую улицу. Дом, большой, с просторными комнатами и высокими потолками, хорошо подходил для семьи. Манфред никогда не думал о том, чтобы сменить его, и чувствовал себя комфортно в сугубо немецкой обстановке, воссозданной Хайди. Теперь Хайди и девочки отправились на кухню помогать слугам, а Манфред обошел дом сбоку и направился к гаражу. В выходные он никогда не пользовался своим официальным правительственным лимузином с шофером; он вывел личный «шевроле-седан» и поехал за отцом, чтобы привезти его на воскресный обед.

Старик редко бывал в церкви, особенно когда службу проводил преподобный Тромп Бирман. Лотар Деларей одиноко жил в небольшом поместье, которое Манфред купил для него в пригороде у начала прохода Хелшогте. Сейчас он в своем персиковом саду возился с пчелами, и Манфред остановился у входа, глядя на отца со смесью жалости и глубокой любви.

Когда-то Лотар Деларей был высок и строен, как внук, который сейчас носил его имя, но артрит, который он нажил в Центральной тюрьме Претории, изуродовал и скрючил его, превратив единственную руку в гротескную лапу. Левую руку Лотару ампутировали выше

локтя, слишком высоко, чтобы носить протез. Он потерял ее в результате ограбления, за которое его и посадили в тюрьму. Одет он был в грязный синий рабочий комбинезон из саржи, на голове сидела коричневая шляпа в пятнах, с обвислыми полями. Один рукав комбинезона был подколлот.

Манфред раскрыл ворота и прошел в персиковый сад, где старик склонился над ульем.

– Доброе утро, папа, – сказал Манфред негромко. – Ты еще не готов?

Отец выпрямился, рассеянно посмотрел на него и удивленно вздрогнул.

– Мэнни! А что, нынче уж воскресенье?

– Пойдем, папа. Нужно помыться. Хайди жарит свинину – она знает, как ты ее любишь.

Он взял отца за руку и повел в дом. Тот не сопротивлялся.

– Какой беспорядок, папа. – Манфред с отвращением осмотрел маленькую спальню. На постели явно несколько раз спали, не застилая ее, несвежее постельное белье валялось на полу, а на столике у кровати стояли грязные тарелки и чашки. – А что с новой служанкой, которую тебе нашла Хайди?

– Она мне не понравилась, коричневая дьяволица, – сказал Лотар. – Крала сахар, пила мое бренди. Я ее выгнал.

Манфред прошел к комоду и нашел чистую белую рубашку. Он помог старику раздеться.

– Когда ты в последний раз мылся, папа? – мягко спросил он.

– Что? – уставился на него Лотар.

– Ну, неважно. – Манфред застегнул отцу пуговицы. – Хайди найдет тебе другую служанку. Постарайся продержаться ее дольше недели.

Старик не виноват, напомнил себе Манфред. На его рассудок повлияла тюрьма. Он был гордым, свободным человеком, солдатом и охотником, жителем дикой пустыни Калахари. Нельзя запирает в клетку дикого зверя. Хайди хотела, чтобы старик жил с ними, и Манфред чувствовал себя виноватым, что не согласился. Это означало бы необходимость купить большой дом, но она была самым последним препятствием. Манфред не мог допустить, чтобы его отец, одетый как цветной рабочий, без дела слонялся по дому, без приглашения заходил к нему в кабинет, когда у него важные посетители, неряшливо жевал и делал нелепые замечания, когда Манфред принимает гостей. Нет, для всех и особенно для самого старика, лучше, если он будет жить отдельно. Хайди найдет новую служанку присматривать за ним... но Манфред все равно чувствовал себя виноватым, когда взял старика за руку и отвел к своей машине.

Он ехал медленно, почти полз, собираясь с силами, чтобы сделать то, что не мог сделать за все эти годы после освобождения Лотара из тюрьмы по ходатайству сына.

– Ты помнишь, как было в старые дни, папа? Когда мы вместе рыбачили в Китовом заливе? – спросил он, и у старика заблестели глаза. Далекое прошлое для него было реальнее настоящего, и он с удовольствием принялся вспоминать, безошибочно называя имена и места, воскрешая давние происшествия.

– Расскажи мне о моей маме, папа, – попросил наконец Манфред; он ненавидел себя за то, что заманивает старика в тщательно приготовленную западню.

– Твоя мать была прекрасной женщиной, – счастливо кивнул Лотар, повторяя то, что много раз с самого детства рассказывал Манфреду. – У нее были волосы цвета песка пустыни, когда барханы освещает раннее солнце. Прекрасная женщина благородного немецкого рода.

– Папа, – тихо сказал Манфред, – ты ведь говоришь неправду? – Он словно разговаривал с непослушным ребенком. – Женщина, которую ты называешь моей матерью, женщина, которая была твоей женой, умерла за несколько лет до моего рождения. У меня есть копия

свидетельства о смерти, подписанная английским врачом в концентрационном лагере. Она умерла от дифтерии – белой язвы горла.

Говоря это, он не мог смотреть на отца и уставился вперед, за ветровое стекло. Наконец он услышал негромкий задыхающийся звук и с тревогой обернулся. Лотар плакал, по его морщинистым старым щекам текли слезы.

– Прости, папа. – Манфред подвел машину к обочине, остановил ее и заглушил мотор. – Мне не следовало это говорить.

Он достал из кармана белоснежный носовой платок и протянул отцу.

Лотар медленно вытер лицо, но рука его не дрожала; ослабевший мозг от потрясения словно пришел в себя.

– Давно ты знаешь, что она твоя настоящая мать? – спросил он, и его голос звучал твердо и уверенно.

В глубине души Манфред дрогнул: он надеялся, что отец будет это отрицать.

– Она пришла ко мне, когда я впервые избирался в парламент. И припугнула ради своего другого сына. Он был в моей власти. Она угрожала предать огласке тот факт, что я ее незаконнорожденный сын, и уничтожить мои надежды на депутатство, если я выступлю против другого ее сына. Она велела мне спросить тебя, но я не мог себя заставить.

– Это правда, – кивнул Лотар. – Прости, сын. Я лгал, только чтобы защитить тебя.

– Знаю.

Манфред дотянулся и пожал костлявую руку старика, а тот говорил:

– Когда я нашел ее в пустыне, она была очень молода, беспомощна – и прекрасна. А я был молод и одинок – мы с ней словно были одни в пустыне. И еще младенец. Мы влюбились друг в друга.

– Можешь не объяснять, – сказал Манфред, но Лотар словно не слышал.

– Однажды ночью в наш лагерь пришли два диких бушмена. Я решил, что они мародеры, пришли красть наших лошадей и быков. Я отправился за ними и догнал на рассвете. И застрелил раньше, чем оказался в пределах досягаемости их ядовитых стрел. В те дни мы так обращались с этими опасными маленькими желтыми животными.

– Да, папа, знаю.

Манфред читал об истории конфликта и истреблении бушменских племен.

– Тогда я не знал, что до того как я ее нашел, она жила вместе с этими двумя маленькими бушменами. Они помогли ей выжить в пустыне и были рядом, когда она рожала. Она полюбила их, даже называла «старый дедушка» и «старая бабушка». – Лотар удивленно покачал головой, по-прежнему не в силах понять отношений белой женщины с дикарями. – Я этого не знал и застрелил их, не подозревая, что они для нее значат. И ее любовь ко мне сменилась ненавистью. Теперь я понимаю, что ее любовь не могла быть очень глубока; может, это вообще была не любовь, а только одиночество и благодарность. Она возненавидела меня. Ненависть распространилась и на моего ребенка, которого она носила в чреве. На тебя, Мэнни. Она заставила меня забрать тебя сразу после рождения. Она так ненавидела нас обоих, что больше никогда не хотела видеть. С тех пор я один заботился о тебе.

– Ты был мне и отцом, и матерью. – Манфред склонил голову, стыдясь и сердясь на себя за то, что заставил старика вспомнить эти трагические, жестокие события. – То, что ты рассказал, объясняет многое, чего я никак не мог понять.

– *Ja*. – Лотар вытер новые слезы белым носовым платком. – Она меня ненавидела, но, понимаешь, я по-прежнему ее любил. Как бы жестоко она со мной ни обращалась, я был одержим ею. Потому и предпринял это дурацкое ограбление. Это безумие стоило мне руки. – Он приподнял пустой рукав. – И свободы. Она жестокая женщина. Женщина, не знающая милосердия. Без колебаний уничтожит всякого, кто станет у нее на пути. Она твоя мать, но берегись ее, Мэнни. Ее ненависть ужасна. – Старик схватил сына за руку и возбужденно

затряс ее. – Ты не должен якшаться с ней, Мэнни. Она уничтожит тебя, как уничтожила меня. Обещай никогда не якшаться с ней и ее семьей.

– Прости, папа, – покачал головой Манфред. – Я уже связан с ней через ее сына... – Он помешкал, прежде чем произнести следующие слова: – Через моего брата, сводного брата, Шасу Кортни. Похоже, папа, наша кровь и наша судьба так тесно переплетены, что нам никогда не освободиться друг от друга.

– Ах, сынок, сынок, – жалобно произнес Лотар, – будь осторожен.

Манфред протянул руку к ключу зажигания, чтобы завести мотор, но остановился, не коснувшись его.

– Скажи, папа, что ты чувствуешь сейчас к этой женщине – к моей матери?

Лотар долго молчал, прежде чем ответить.

– По-прежнему люблю и почти так же сильно ненавижу.

– Странно, что мы можем любить и ненавидеть в одно и то же время. – Манфред удивленно покачал головой. – Я ненавижу ее за то, что она с тобой сделала. Ненавижу все, что она олицетворяет, но ее кровь говорит во мне. В конце концов, если все отбросить, Сантэн Кортни моя мать, а Шаса Кортни – брат. Любовь или ненависть – что возобладает, папа?

– Хотел бы я тебе ответить, сын, – жалобно прошептал Лотар. – Могу только повторить то, что уже сказал. Будь осторожен с ними, Мэнни. Мать и сын – опасные противники.

* * *

Маркус Арчер владел старой фермой «Ривония» почти двадцать лет. Он купил участок в пять акров до того, как этот район стал фешенебельным. Теперь к самым границам участка Маркуса примыкали дорожки и лужайки йоханнесбургского «Кантри-клуба», самого дорогого частного клуба Витватерсранда. Совет директоров «Кантри-клуба» предлагал сто тысяч фунтов, в пятнадцать раз больше первоначальной стоимости участка, но Маркус упрямо отказывался его продавать.

На всех остальных участках бывшей фермы «Ривония» обосновались процветающие владельцы: предприниматели, брокеры, успешные врачи. Они выстроили большие претенциозные дома, по большей части в модном стиле «ранчо» или с розовыми глиняными крышами мексиканских гасиенд или средиземноморских вилл; главное здание на таких участках окружали загоны и конюшни, теннисные корты, плавательные бассейны и широкие лужайки, где трава, побитая морозами высокого вельда, стала бурой, как свернувшиеся табачные листья.

Маркус Арчер перекрыл крышу старого фермерского дома, побелил стены и посадил красный жасмин, бугенвиллею и другие цветущие кусты, но в остальном участок оставался заросшим и невозделанным, так что дом нельзя было увидеть даже от окружавшей его изгороди.

Хотя весь этот район превратился в бастион белой элиты, «Кантри-клуб» нанимал большой штат слуг, поварят, садовников и кадди, поэтому черные лица здесь не бросались в глаза, как на улицах других богатых белых пригородов. Друзья и политические союзники Маркуса Арчера могли приходить и уходить незаметно. Поэтому «Холм Пака», в который недавно переименовал свое владение Маркус, постепенно стал местом встречи наиболее активных членов Африканского национального движения, черных лидеров и их белых товарищей, остатков запрещенной коммунистической партии.

«Холм Пака» вполне естественно выбрали штаб-квартирой, где планировали и координировали кампанию неповиновения черных, которая вскоре должна была начаться. Однако под крышей Маркуса Арчера собралась не единая группа: хотя все утверждали, что конечная цель у них одна, представления о будущем существенно отличались.

Во-первых, здесь присутствовала старая гвардия Африканского национального конгресса, возглавляемая доктором Зумой, – консерваторы, склонные к переговорам с белыми чиновниками в рамках существующей системы.

– Вы занимаетесь этим с 1912 года, когда был основан АНК, – сердито посмотрел на доктора Зуму Нельсон Мандела. – Время переходить к сопротивлению и силой навязать бурам нашу волю.

Нельсон Мандела, молодой юрист, практиковал в Витватерсранде вместе с партнером, другим активистом, Оливером Тамбо. Вместе они бросали решительный вызов руководству конгресса.

– Пора переходить к открытым действиям. – Нельсон Мандела подался вперед на стуле и окинул взглядом длинный кухонный стол. Кухня была самым просторным помещением фермы «Холм Пака», и все встречи проходили здесь. – Мы подготовили программу бойкота, забастовок и гражданского неповиновения. – Мандела говорил по-английски. Мозес Гама, сидевший в конце стола, бесстрастно смотрел на него, но его мысль все время опережала говорящего, оценивая и взвешивая. Он не хуже остальных присутствующих чувствовал, что происходило под спудом. Каждый сидевший здесь черный в глубине души мечтал когда-нибудь возглавить остальных, стать верховным вождем всей Южной Африки.

Однако то, что Мандела говорил по-английски, указывало на главную проблему, с которой им пришлось иметь дело: все они разные. Мандела – из племени тембу, Зума – зулус, сам Мозес Гама – овамбо. В комнате было и еще с полдесятка представителей других племен.

«Было бы в сто раз легче, будь черные одним народом», – думал Мозес и с невольной тревогой взглянул на нескольких зулусов, сидевших группой за столом. Зулусы были в большинстве, и не только в этой комнате, но и вообще на материке. А что если они договорятся с белыми? Мысль была тревожная, но Мозес решительно отбросил ее. Зулусы – самое гордое, самое независимое из всех воинских племен. До прихода белых они победили все окружающие племена и держали их в повиновении. Король зулусов Чака называл воинов своими псами. Из-за их многочисленности и воинских традиций почти не вызывало сомнений, что первым черным президентом Южной Африки обязательно станет зулус или кто-то очень тесно связанный с зулусским народом. Брачные связи – Мозес, прищурившись, не впервые задумался о такой возможности. Ему все равно пора жениться. Ему почти сорок пять. Зулусская девушка королевской крови? Он отложил эту мысль на будущее и снова сосредоточился на том, что говорил Нельсон Мандела.

Этот человек харизматичен, обаятелен, у него благородная осанка, он красноречив и убедителен. Соперник – очень опасный соперник. Мозес признал этот факт, как признавал его и раньше. Они все соперники. Но основа силы Нельсона Манделы – Молодежная лига АНК, горячие головы, молодежь, рвущаяся к действиям, и даже сейчас Мандела призывает к осторожности, предлагает разумный подход к необходимости действий.

– Не должно быть бесцельного насилия, – говорил он. – Никакого ущерба частной собственности, никакого вреда человеческой жизни... – и хотя Мозес Гама разумно кивал, он размышлял о том, как воспримут этот призыв рядовые члены Молодежной лиги. Возможно, они предпочтут кровавую и славную победу? Об этом тоже стоит подумать.

– Мы должны показать нашему народу, показать наглядно, что в этом деле мы едины, – продолжал Мандела, и Мозес Гама про себя улыбнулся. В Африканском национальном конгрессе всего семь тысяч тайных членов, тогда как его тайный союз шахтеров в десять раз больше. Неплохо бы напомнить Манделе и всем остальным о том, что наиболее высокооплачиваемые и стратегически удачно размещенные черные рабочие поддерживают в основном его. Мозес чуть повернулся, взглянул на сидевшего рядом человека, и его захлестнуло нечто вроде волны любви. С ним рядом, как и двадцать лет назад, был Хендрик Табака.

Сварт Хендрик, крупный мужчина, ростом не уступал Мозесу, но был шире его в плечах, с более грузным станом, с мощными, мускулистыми руками и ногами. Его голова, круглая и лысая, как пушечное ядро, была вся в шрамах, следах старых битв и схваток. Передние зубы отсутствовали. Мозес вспомнил, как умер белый, который их выбил.

Хендрик приходился Мозесу сводным братом, сын того же отца, вождя овамбо, но от другой матери. Это был единственный человек в мире, которому Мозес безоговорочно доверял; завоевать такое доверие нелегко, но за эти двадцать лет Хендрик его заслужил. Сварт Хендрик, единственный из черных в этой комнате, не был Мозесу соперником, напротив, он одновременно товарищ и верный слуга. Сварт Хендрик без улыбки кивнул брату, и Мозес спохватился, что Нельсон Мандела закончил говорить и все смотрят на него, ждут, что он ответит. Мозес медленно встал, сознавая, какое впечатление производит; он видел на лицах уважение. Даже враги не могли полностью скрыть благоговение и страх, которые он внушал.

– Вдобавок к забастовкам я предложил бы бойкот всех магазинов, которыми владеют белые, на все время проведения кампании неповиновения. Мы разрешим покупать товары только в тех магазинах, которые принадлежат черным и управляются черными.

Пятьюдесятью с лишним большими магазинами в черных пригородах вдоль жилы Витватерсранда владел Хендрик Табака, и его негласным партнером был Мозес Гама. Мозес видел, что сидящим за столом его предложение не понравилось. Мандела возразил.

– Мы создадим ненужные трудности своим людям, – сказал он. – Многие из них живут там, где есть только магазины белых владельцев.

– Значит, им придется ходить туда, где есть магазины черных. И вообще неплохо дать нашим людям понять, что борьба требует жертв, – спокойно ответил Мозес.

– Предлагаемый тобой бойкот невозможно навязать, – настаивал Мандела, и на этот раз на возражение ответил Хендрик Табака.

– Мы используем наших «буйволов», чтобы быть уверенными в повиновении людей, – сказал он, и теперь наиболее консервативные члены совета определенно встревожились.

«Буйволы» были силовой структурой внутри профсоюза. Командовал ими Хендрик Табака. «Буйволы» прославились своими быстрыми и безжалостными действиями и слишком напоминали частную политическую армию. Чтобы большинство присутствующих сохраняло душевное спокойствие, Мозес Гама чуть нахмурился. Упомянув «буйволов», Хендрик дал маху. Мозес скрыл свое раздражение, когда его предложение объявить бойкот белым владельцам магазинов Витватерсранда и поддерживать его силой было отклонено. Это была победа Манделы и его умеренных сторонников. Пока счет оставался равный, но Мозес еще не закончил.

– Есть еще один вопрос, который я хотел бы поднять, прежде чем мы разойдемся. Я хотел бы поговорить о том, что лежит за пределами кампании неповиновения. Какие действия мы предпримем, если кампания будет жестоко подавлена белой полицией, за чем последуют охота на черных вожаков и принятие еще более драконовских законов? – спросил он. – Всегда ли мы будем мягкими и покорными, всегда ли будем снимать шляпу и говорить: «Да, белый баас! Нет, белый баас!»?

Он помолчал, глядя на остальных, читая тревогу на лицах Зумы и консерваторов, но он говорил не для них. На дальнем конце сидели два молодых человека, оба чуть старше двадцати, наблюдатели от руководства Молодежной лиги АНК, и Мозес знал, что эти двое стремятся к решительным действиям. То, что он собирался сказать, было адресовано им: Мозес знал, что они донесут его слова до других молодых воинов. Так можно потихоньку ослабить среди молодежи поддержку Нельсона Манделы и переманить их к лидеру, готовому дать им кровь и огонь, по которым они истосковались.

– Я предлагаю создать военное крыло АНК, – сказал Мозес, – боевой отряд подготовленных людей, готовых умереть в борьбе. Назовем эту армию «Umkhonto we Sizwe», «Копье

народа». Тайно выкуем это копье. Заострим его наконечник, как бритву, и будем держать его в секрете, но всегда готовым к удару. – Он говорил как можно более убедительно, волнуящим голосом и увидел, что два молодых человека в конце стола беспокойно заерзали, их лица просветлели в ожидании. – Изберем самых умных и свирепых молодых людей и создадим из них *импи*, отряды воинов, как делали наши предки. – Он помолчал, и его лицо выразило презрение. – Среди нас есть старики, мудрые старики. Я уважаю их седины и их опыт. Но помните, товарищи, будущее принадлежит молодым. Бывает пора красивых слов, мы слышали их на своих советах – часто, слишком часто. Но бывает и пора для действий, смелых действий, а это и есть мир молодых.

Когда наконец Мозес Гама снова сел, он видел, что сильно задел их за живое, причем каждого по-своему. Старый Зума качал седой головой, и губы его дрожали. Нельсон Мандела и Оливер Тамбо бесстрастно смотрели на Гаму, но в их взглядах Мозес читал ярость. Место битвы назначено, они узнали врага. Но что самое важное – он видел лица двух представителей Молодежной лиги. Так выглядят люди, увидевшие свет путеводной звезды, за которой они готовы идти.

* * *

– С каких это пор ты питаешь такой горячий интерес к археологической антропологии? – спросил Шаса Кортни, пролистывая страницы «Кейп тайм»: он как раз переходил от финансов к спортивным новостям в конце газеты.

– Это один из моих главных курсов, – обоснованно ответила Тара. – Налить еще кофе?

– Спасибо, дорогая. – Он отпил кофе и продолжил: – И сколько времени ты намерена отсутствовать?

– Профессор Дарт четыре вечера подряд читает лекции по истории раскопок, от открытия черепа из Таунга и до настоящего времени. С помощью новых электронно-вычислительных машин ей удалось сопоставить огромный материал.

Шаса за страницами газеты мечтательно улыбнулся: он вспомнил Мэрилин из Массачусетского технологического и ее IBM-701. Он не возражал бы против визита в Йоханнесбург в ближайшее время.

– Это захватывающие открытия, – говорила между тем Тара, – и они соответствуют новым данным из Стеркфонтейна и Макапансгата. Кажется, Южная Африка действительно была колыбелью человечества, а австралопитек – наш прямой предок.

– Значит, тебя не будет четыре дня? – перебил Шаса. – А как же дети?

– Я поговорила с твоей мамой. Она с удовольствием приедет и поживет в Вельтевреде в мое отсутствие.

– Я не смогу поехать с тобой, – заметил Шаса. – Приближается третье чтение новой Поправки к уголовному законодательству. Все должны присутствовать в парламенте. Я мог бы отвезти тебя на «моските», а так тебе придется лететь коммерческим рейсом с Вискаунта.

– Какая жалость, – вздохнула Тара. – Тебе понравилось бы. Профессор Дарт – замечательный лектор.

– Ты, конечно, остановишься в «Карлтоне». Номер все равно пустует.

– Молли договорилась, что я остановлюсь у ее друзей в «Ривонии».

– Наверно, у ее большевиков. – Шаса слегка нахмурился. – Постарайся, чтобы тебя снова не арестовали. – Он все время искал возможности поговорить с ней о ее политической деятельности, но, опустив газету и посмотрев на Тару, понял, что сейчас момент неподходящий, и потому просто кивнул. – Твои сироты и твой вдовец постараются прожить без тебя несколько дней.

– Я не сомневаюсь, что с твоей матерью и шестнадцатью слугами вы проживете, – резко ответила она, на мгновение показав свое раздражение.

В аэропорту ее встретил Маркус Арчер. Он был дружелюбен и забавен. По дороге в «Ривонию» они слушали в машине Моцарта, и Маркус говорил о жизни и произведениях композитора. Он знал о музыке гораздо больше Тары, но, хотя она с интересом и внимательно слушала его, она тем не менее все время ощущала его враждебность. Эта враждебность была старательно замаскирована, но прорывалась то в ядовитом замечании, то в остром взгляде. Маркус ни разу не упомянул Мозеса Гаму, Тара тоже. Молли сказала, что он гомосексуалист, это был первый мужчина, о котором Тара знала такое, и она думала: может, они все враждебно настроены к женщинам.

«Холм Пака» с его неровно крытой тростником крышей и заброшенным участком обрадовал Тару, так он отличался от тщательно поддерживаемого великолепия Вельтевредена.

– Найдете его в дальнем конце передней веранды, – сказал Маркус, останавливая машину под эвкалиптом за домом. Он впервые упомянул Мозеса, но и сейчас не назвал его по имени. И ушел, оставив ее стоять.

Тара не знала, как одеться, но думала, что брюки он не одобрит, поэтому купила в Свазиленде длинную свободную юбку из дешевого яркого набивного ситца, а к ней простую зеленую хлопчатобумажную блузку, на ноги – сандалии. Не знала она и того, как Мозес отнесется к косметике, и ограничилась светло-розовой помадой и легким прикосновением тушью к ресницам. Когда она разглядывала свое отражение в женском туалете аэропорта, расчесывая густые каштановые волосы, ей показалось, что она неплохо выглядит, но сейчас она вдруг решила, что он сочтет ее светлую кожу пресно-непривлекательной.

Оставшись одна на солнце, Тара почувствовала, что ее вновь одолевают сомнения: она ему не пара. Будь здесь Маркус, она попросила бы отвезти ее обратно в аэропорт, но Маркус исчез, поэтому Тара собрала все свое мужество и медленно пошла вдоль выбеленных стен дома.

На углу она остановилась и осмотрела длинную веранду. В дальнем ее конце спиной к ней за столом сидел Мозес Гама. Стол был завален книгами и бумагами. Мозес был в обычной белой рубашке с расстегнутым воротником, и рубашка удивительно выделялась на его антрацитовый коже. Опустив голову, он что-то быстро писал на листке из блокнота.

Тара робко ступила на веранду, и хотя шла она бесшумно, он ощутил ее присутствие и резко обернулся, когда она была на полпути. Он не улыбнулся, но, когда он встал и пошел ей навстречу, ей показалось, что у него довольное лицо. Он не пытался обнять ее или поцеловать, и она обрадовалась: это подчеркивало его отличие от прочих. Напротив, он подвел ее ко второму стулу за столом и усадил.

– Ты здорова? – спросил он. – Здоровы ли твои дети? – Врожденная африканская вежливость: вначале вопросы, потом предложение освежиться. – Позволь налить тебе чашку чая.

Он взял чайник с подноса, уже стоявшего на столе, наполнил чашку, и Тара с удовольствием отпила.

– Спасибо, что пришла, – сказал он.

– Я пришла, едва получила от Молли твою весточку, как и обещала.

– Ты всегда будешь выполнять свои обещания?

– Всегда, – просто и искренне ответила она, и он всмотрелся в ее лицо.

– Да, – кивнул Мозес. – Думаю, это правда.

Тара не могла больше выдерживать его взгляд: тот словно проникал ей в душу, выжигая ее. И она посмотрела на стол, на исписанные мелким почерком страницы рукописи.

– Манифест, – сказал Мозес, заметив, куда она смотрит. – Черновик будущего.

Он взял полдесятка листов и протянул ей. Она отставила чашку и взяла из его руки листки, слегка вздрогнув, когда их пальцы соприкоснулись. Кожа у него была прохладная – одно обстоятельство из тех, что она запомнила.

Тара начала читать и читала чем дальше, тем внимательнее, а когда закончила, подняла голову, снова посмотрела ему в лицо и прошептала:

– В твоём выборе слов звучит поэзия, и она делает истину ещё прекрасней.

* * *

Они сидели на прохладной веранде – снаружи под ярким солнцем высокого вельда деревья отбрасывали тени, черные и резкие, словно вырезанные из бумаги, и полдень утопал в жаре – и разговаривали.

В их беседе не было банальностей; все, что говорил Мозес, казалось волнующим и неоспоримым, он словно вдохновлял Тару, потому что ее реплики и наблюдения были умными и точными, и она видела, что возбудила в нем интерес и поддерживает его. У нее больше не стало мелких тщеславных мыслей об одежде и косметике, теперь важны были только слова, которыми они обменивались, тот кокон, который они сплетали из слов. Она с удивлением поняла, что день незаметно пролетел, наступили короткие африканские сумерки. Пришел Маркус и показал отведенную для нее скромно обставленную комнату.

– Через двадцать минут едем в музей, – предупредил он.

В лекционном зале Трансваальского музея они втроем сидели в заднем ряду. В заполненном зале было еще с полдесятка черных слушателей, но Маркус сидел между Тарой и Мозесом. Черный мужчина рядом с белой женщиной привлек бы внимание и вызвал бы враждебность. Таре трудно было сосредоточиться на словах известного профессора, и хотя она всего несколько раз взглянула на Мозеса, он занимал все ее мысли.

Вернувшись в «Холм Пака», они допоздна засиделись на просторной кухне; Маркус возился у печи, изредка присоединяясь к разговору, и угостил их таким ужином, который Тара, даже занятая совсем другим, нашла не менее вкусным, чем лучшие блюда кухни Вельтевредена.

Уже за полночь Маркус неожиданно встал.

– Увидимся утром, – сказал он и бросил на Тару злобный взгляд. Она не понимала, чем задела его, но вскоре это утратило всякое значение, потому что Мозес взял ее за руку.

– Пошли, – негромко сказал он, и Тара испугалась, что ноги под ней подломятся.

Много времени спустя она лежала, прижавшись к нему; тело ее было в испарине, и по нему все еще пробегала произвольная дрожь.

– Никогда, – прошептала она, вновь обретая дар речи, – никогда я не знала такого, как ты. Ты открыл во мне то, о существовании чего я не подозревала. Ты волшебник, Мозес Гама. Откуда ты столько знаешь о женщинах?

Он негромко засмеялся.

– Ты ведь знаешь, нам положено много жен. Если мужчина не может всех их делать счастливыми, его жизнь становится пыткой. Приходится учиться.

– У тебя много жен? – спросила она.

– Пока нет, – ответил он. – Но когда-нибудь...

– Я возненавижу каждую из них.

– Ты меня разочаровываешь, – сказал он. – Сексуальная ревность – европейское чувство. Если я замечу его в тебе, я буду тебя презирать.

– Пожалуйста, – тихо попросила она, – никогда не презирай меня.

– Тогда никогда не давай мне на то причин, женщина, – приказал он, и Тара поняла, что он имеет право ей приказывать.

* * *

Тара осознала, что первый день и первая ночь, проведенные с ним наедине и без помех, были исключением. Она также поняла, что он специально выделил для нее время, с трудом, поскольку остальные – сотни людей – непрерывно требовали его внимания.

Он был подобен древнему африканскому царю, проводящему племенной совет на веранде старого дома. Во дворе под эвкалиптами всегда сидели мужчины и женщины, терпеливо ждущие возможности поговорить с ним. Это были люди самых разных типов и возрастов, от простых необразованных рабочих, только что приехавших из деревни, до искушенных юристов и дельцов в строгих костюмах, приезжавших в «Холм Пака» на собственных машинах.

Их всех объединяло только одно – почтение и глубокое уважение к Мозесу Гаме. Некоторые из них в традиционном приветствии хлопали в ладоши и называли его *бабу* и *нкози* – «отец» и «господин», другие по-европейски пожимали руку, но с каждым Мозес здоровался на его языке. «Он говорит не меньше чем на двадцати языках», – дивилась Тара.

Обычно он позволял Таре молча сидеть за столом и объяснял ее присутствие негромкими словами:

– Она друг, можешь говорить.

Однако дважды он просил ее выйти, когда разговаривал с важными посетителями, а один раз, когда в сверкающем новом «форде-седане» приехал могучий рослый мужчина, лысый, в шрамах и без передних зубов, Мозес познакомил их:

– Это Хендрик Табака, мой брат.

Они ушли с веранды и прогуливались по залитому солнцем саду на таком расстоянии, чтобы Тара не могла их услышать.

То, что она видела в эти дни, произвело на нее глубокое впечатление и укрепило уважение и почтение к Мозесу. Все, что он делал, каждое слово, которое он произносил, свидетельствовало о его особости, а уважение, которым окружали его африканцы, доказывало, что они тоже понимают: он – исполин будущего.

Тару волновало то, что он уделяет ей особое внимание, и одновременно печалило: она понимала, что никогда не будет владеть им или даже его частью одна. Он принадлежал своему народу, и ей следовало быть благодарной за те драгоценные мгновения, которые он ей уделял.

Следующие вечера в отличие от первого тоже были заполнены людьми и событиями. Хозяева и гости далеко за полночь засиживались за кухонным столом, иногда не менее двадцати человек разом, курили, смеялись, ели и разговаривали. Эти разговоры, эти мысли озадряли мрачную комнату и сверкали, как нимбы ангелов, вокруг их голов. Потом в темные, тихие часы они занимались любовью, и Тара чувствовала, что ее тело больше не принадлежит ей, он отнял его и пожирает, как мрачно любимый хищник.

За эти три коротких дня и ночи она увидела, должно быть, сотни новых лиц, и хотя некоторые из них оставались расплывчатыми и оставляли только беглое впечатление, ей казалось, что она стала членом большой, разбросанной новой семьи, что благодаря покровительству Мозеса Гамы ее действительно приняли в эту семью, и черные и белые наделяли ее неограниченным доверием.

В последний вечер перед ее возвращением в нереальный мир Вельтевредена рядом с ней за столом оказалась новая гостья, которая Таре сразу безотчетно понравилась. Это была молодая женщина, лет на десять моложе Тары, чуть за двадцать, но необыкновенно зрелая для столь юного возраста.

– Меня зовут Виктория Динизулу, – представилась она. – Друзья зовут меня Вики. Я знаю, вы миссис Кортни.

– Тара, – быстро поправила ее Тара. После того как она покинула Кейптаун, никто не называл ее по фамилии, и сейчас это прозвучало для нее странно.

Девушка застенчиво улыбнулась. Она отличалась строгой красотой черной мадонны: классическое лунообразное лицо высокородной зулуски, большие миндалевидные глаза и полные губы, кожа цвета темного янтаря, а волосы на голове уложены в сложный рисунок из множества завитков.

– Вы родственница Кортни из Зулуленда? – спросила девушка Тару. – Старого генерала Шона Кортни и сэра Гаррика Кортни из Тенис-крааля под Ледибургом?

– Да. – Тара старалась не показать, какое потрясение она испытала, услышав эти имена. – Сэр Гаррик – дед моего мужа. Мои сыновья названы в их честь Шоном и Гарриком. А почему вы спрашиваете, Вики? Вы хорошо знаете эту семью?

– О да, миссис Кортни... Тара. – Когда она улыбалась, ее зулусское лицо светилось, точно темная луна. – Давным-давно, в прошлом веке, мой дед сражался на стороне Шона Кортни в зулусских войнах против Сетевайо, который отнял у моей семьи королевский престол. Мой дед Мбежане должен был стать королем. А стал слугой генерала Кортни.

– Мбежане! – воскликнула Тара. – О да. Сэр Гаррик Кортни писал о нем в своей «Истории Зулуленда». До самой смерти он был верным помощником Шона Кортни. Я помню, они вдвоем пришли сюда, на золотоносные земли, а позже на территории нынешней Родезии добывали слоновую кость.

– Вы все об этом знаете! – радостно рассмеялась Вики. – Отец рассказывал мне эти истории, когда я была маленькой. Мой отец все еще живет у Тенис-крааля. Когда умер мой дед Мбежане Динизулу, отец занял его место слуги старого генерала. Он даже ездил в 1916 году с генералом во Францию и работал с ним до самого убийства генерала. В своем завещании генерал оставил ему пожизненно часть Тенис-крааля и ежегодную пенсию в тысячу фунтов. Замечательная семья, эти Кортни. Мой старик-отец все еще плачет, вспоминая генерала... – Вики в печали и замешательстве неожиданно прервала рассказ. – В те дни жизнь, должно быть, была проста; мой дед и мой отец – вожди по рождению, и все же они довольствовались жизнью, проведенной в служении белому человеку; как ни странно, они любили этого человека, и он по-своему тоже любил их. Иногда я думаю, может, так было бы лучше...

– Никогда так не думайте, – почти прошипела Тара. – Кортни всегда были бессердечными разбойниками, они грабили и эксплуатировали ваш народ. Ваше дело правое, ваша борьба справедлива. Никогда не сомневайтесь в этом.

– Верно, – решительно согласилась Вики. – Но иногда приятно вспомнить о дружбе генерала с дедом. Может, когда-нибудь мы снова станем друзьями, равными друзьями, и эта дружба укрепит обе стороны.

– С каждым новым случаем угнетения, с каждым новым принятым законом эта перспектива все больше бледнеет, – мрачно сказала Тара, – и я все больше стыжусь своей расы.

– Не хочу сегодня быть печальной и удрученной, Тара. Давайте поговорим о чем-нибудь более веселом. Вы сказали, что у вас два сына, Шон и Гаррик, названные в честь предков. Расскажите о них, пожалуйста.

Но одна мысль о сыновьях и Вельтевреде заставляла Тару чувствовать себя виноватой, ей было неловко, и при первой возможности она сменила тему.

– Расскажите лучше о себе, Вики, – настаивала она. – Что вы делаете в Йоханнесбурге, так далеко от Зулуленда?

– Работаю в больнице Барагванат, – ответила Вики.

Тара знала, что это одна из самых крупных больниц в мире и определенно самая большая в южном полушарии, с 2400 койкоместами и 2000 сестер и врачей, в основном черных,

потому что в больнице лечат исключительно черных пациентов. По закону все больницы, как и школы, транспорт и большинство других общественных систем, делились в соответствии с принципами апартеида.

Вики Динизулу так скромничала, рассказывая о себе, что Таре пришлось вытягивать из нее тот факт, что она дипломированная операционная сестра.

– Но вы так молоды, Вики, – недоверчиво сказала она.

– У нас есть и помоложе, – рассмеялась зулусская девушка. У нее был приятный мелодичный смех.

«Какой милый ребенок, – подумала, улыбаясь, Тара, но потом поправилась: – Нет, не ребенок – умная и деловая молодая женщина».

И Тара рассказала ей о своей клинике в Ньянге, о проблемах голода, невежества и нищеты, с которыми приходится сталкиваться, а Вики говорила о своем опыте и о тех решениях, которые они принимают в своих заботах о физическом здоровье сельского населения, пытающегося приспособиться к городской жизни.

– Как же мне нравится с вами разговаривать! – выпалила наконец Вики. – Даже не знаю, когда я так разговаривала с белой женщиной. Так естественно и свободно, – она поколебалась, – как со старшей сестрой или дорогой подругой.

– С дорогой подругой? Мне это нравится, – согласилась Тара. – И «Холм Пака», наверно, одно из немногих мест в этой стране, где мы можем встретиться и так поговорить.

Обе невольно взглянули в голову длинного кухонного стола. Мозес Гама внимательно смотрел на них, и Тара почувствовала, что сейчас перевернется кверху брюхом, какдохлая рыба. На несколько мгновений ее полностью поглотил разговор с зулусской девушкой, но теперь снова нахлынуло чувство к Мозесу Гаме. И она забыла о Вики, пока та не произнесла негромко у нее над ухом:

– Он великий человек – наша надежда на будущее.

Тара искоса взглянула на нее. Лицо Вики Динизулу светилось преклонением перед героем, она стыдливо смотрела на Мозеса Гаму, и от ревности у Тары внутри все так светло, что на мгновение она испугалась, как бы ее не вырвало.

В эту ночь, оставшись наедине с Мозесом, Тара продолжала терзаться ревностью и страхом перед неизбежной разлукой. Пока он занимался с ней любовью, ее не покидало желание навсегда удержать его в себе: она знала, что это единственные мгновения, когда он принадлежит только ей. Но она слишком быстро почувствовала, как прорвало огромную дамбу, поток хлынул в нее, и она закричала, умоляя, чтобы это никогда не кончилось, но ее крик был нечленораздельным и бессмысленным, и когда он вышел из нее, она почувствовала опустошение.

Думая, что Мозес уснул, она, держа его в объятиях, лежала и слушала его тихое дыхание, но он не спал и неожиданно заговорил, удивив ее.

– Ты разговаривала с Викторией Динизулу, – сказал он, и ей потребовалось сделать усилие, чтобы мысленно вернуться к началу вечера. – Что ты о ней думаешь? – продолжал он.

– Очень милая молодая женщина. Интеллигентная и явно преданная. Она мне очень понравилась.

Тара старалась говорить объективно, но где-то в глубине ощущала болезненную ревность.

– Ее пригласил я, – сказал Мозес. – Мы сегодня впервые познакомились.

Таре хотелось спросить: «Зачем? Зачем ты ее пригласил?» Но она молчала, боясь ответа. Она знала, что чутье не обманывает ее.

– Она зулусского королевского рода, – негромко сказал Мозес.

– Да. Она говорила, – прошептала Тара.

– Ее любят, и мне говорили, что у ее матери много сыновей. Женщины в роду Динизулу рожают много сыновей. Она будет хорошей женой.

– Женой? – выдохнула Тара. Этого она не ожидала.

– Мне нужен союз с зулусами: они самое многочисленное и сильное племя. Я немедленно начну переговоры с ее семьей. Пошлю Хендрика в Ледибург на встречу с ее отцом, чтобы они договорились. Будет трудно: тот человек старых убеждений и категорически против межплеменных браков. Эта свадьба должна поразить все племя, и Хендрик убедит старика в ее разумности.

– Но, но... – Тара обнаружила, что заикается. – Ты совсем не знаешь эту девушку. За вечер ты обменялся с ней едва ли десятком слов.

– А какое это имеет значение?

Искренне удивленный, он отодвинулся от Тары и включил ночник, ослепив ее.

– Посмотри на меня! – приказал он, взял Тару за подбородок и приподнял ее лицо. Несколько мгновений он разглядывал ее, потом убрал пальцы, словно коснулся чего-то противного. – Я ошибся в тебе, – с презрением сказал он. – Я считал тебя исключительным человеком. Подлинной революционеркой, преданным другом черных этой земли, готовой на любую жертву. А нашел слабую ревнивую женщину, полную буржуазных предрассудков белых.

Матрас под ней скрипнул: Мозес встал. Он возвышался над кроватью.

– Я зря тратил время, – сказал он, собирая одежду, и, по-прежнему обнаженный, повернулся к двери.

Тара бросилась через комнату и вцепилась в него, загораживая выход.

– Прости. Я говорила не серьезно. Прости. Пожалуйста, прости, – умоляла она, а он стоял молча, холодный и отчужденный. Она заплакала, слезы приглушили ее голос, и ее слова потеряли смысл.

Она медленно соскользнула на пол, все еще обнимая его, встала на колени.

– Пожалуйста, – всхлипывала она. – Я сделаю все. Только не бросай меня. Я сделаю все, все, что ты скажешь, – только не отсылай меня так.

– Встань, – сказал он наконец, и, когда Тара покаянно стояла перед ним, негромко произнес: – У тебя есть еще один шанс. Один. Поняла?

Она кивнула, все еще глотая слезы, неспособная внятно ответить. Нерешительно протянула руку и, когда Гама не оттолкнул ее, взяла его за руку и отвела к кровати.

Когда он снова лег на нее, он знал, что она наконец созрела, полностью созрела. И делает все, что он прикажет.

* * *

Проснувшись на рассвете, Тара увидела, что Гама смотрит ей в лицо, и мгновенно вспомнила ночной ужас, страх перед его презрением, перед отвержением. Она дрожала, чувствуя страшную слабость, и готова была разрыдаться, но он спокойно взял ее и с мягким сочувствием занялся любовью. Это ее успокоило, помогло снова почувствовать себя цельной и полной жизни. Потом он негромко заговорил с ней.

– Доверюсь тебе, – сказал он, и благодарность Тары была так велика, что она начала задыхаться. – Я принимаю тебя как одну из нас, во внутренний круг.

Она кивнула, но не могла говорить, глядя в его яростные черные глаза.

– Ты знаешь, как мы вели борьбу до сих пор, – сказал он, – мы играли по правилам белых, но эти правила сочинили они и сочинили так, чтобы мы никогда не победили. Прощения и делегации, комиссии, расследования, представители – но в конечном счете всегда появляются новые законы, направленные против нас, определяющие все сферы нашей жизни:

как мы работаем, где живем, как нам позволено перемещаться, или есть, или спать, или любить... – Он презрительно замолчал. – Пришло время переписать правила. Вначале кампания неповиновения, когда мы сознательно нарушим связывающие нас законы, а после... – Его лицо стало свирепым. – После этого борьба продолжится и станет великой битвой.

Она рядом с ним молчала, глядя ему в лицо.

– Я верю, что наступает время, когда человек, столкнувшись с большим злом, берет копье и становится воином. Он должен встать и ударить.

Он смотрел на нее в ожидании ответа.

– Да, – кивнула она. – Ты прав.

– Это слова, мысли, Тара, – сказал он ей. – А что же действия? Ты готова к действиям?

Она кивнула.

– Готова.

– Кровь, Тара, а не слова. Убивать, калечить, поджигать. Сносить с лица земли и разрушать. Ты можешь все это принять, Тара?

Она пришла в ужас, увидев наконец реальность, а не просто громкую риторику. Ей представились охваченная пламенем крыша Вельтевредена и кровь на стенах, влажно блестящая на солнце, а во дворе изуродованные тела детей, ее родных детей, и она уже хотела отказаться из-за этих видений, но Мозес снова заговорил.

– Уничтожить зло, Тара, чтобы построить доброе и справедливое общество. – Голос Гамы звучал низко и убедительно, он возбуждал, как выпрыснутый наркотик, и жестокие картины поблекли. Она посмотрела сквозь них и увидела рай, земной рай, который они создают вместе.

– Я готова, – сказала она недрогнувшим голосом.

За час до того, как Маркус должен был отвезти ее в аэропорт, чтобы она села на обратный рейс в Кейптаун, они сидели за столом на веранде, сидели вдвоем, и Мозес подробно объяснял ей, что она должна делать.

– «Умконто ви сизве», – сказал он. – «Копье народа».

Это название засверкало и зазвенело в ее сознании, как сталь.

– Вначале ты должна отойти от всякой либеральной деятельности. Оставить свою больницу...

– Мою больницу! – воскликнула она. – О Мозес, а как же мои малыши...

Она замолчала, увидев его лицо.

– Ты заботаешься о физических потребностях сотен людей, – сказал он. – А я думаю о благополучии двадцати миллионов. Скажи, что важнее.

– Ты прав, – прошептала она. – Прости.

– Ты используешь кампанию неповиновения, чтобы заявить о том, что разочаровалась в освободительном движении и уходишь из движения «Черный шарф».

– Боже, что скажет Молли?

– Молли знает, – заверил он ее. – Молли знает, почему ты это делаешь. Она во всем будет помогать тебе. Конечно, тайная полиция какое-то время еще станет держать тебя под наблюдением, но, когда в их досье больше ничего не будет поступать, они потеряют к тебе интерес и забудут.

Она кивнула.

– Понимаю.

– Ты должна больше интересоваться политической деятельностью мужа, принимать его парламентских союзников. Твой отец – заместитель руководителя оппозиции и вхож к министрам правительства. Ты должна стать нашими глазами и ушами.

– Да, могу.

– Позже ты получишь и другие задания. Трудные и даже опасные. Ты готова рискнуть жизнью ради борьбы, Тара?

– Ради тебя, Мозес Гама, я готова и на большее. Готова отдать за тебя жизнь, – ответила Тара; увидев, что она говорит убежденно, Мозес довольно кивнул.

– Мы будем видеться, когда появится возможность, – пообещал он. – Когда будет безопасно. – И произнес слова, которым предстояло стать девизом начинающейся кампании: – *Mayinbuye! Africa!*

И она ответила:

– *Mayinbuye! Africa!*

Да пребудет Африка вечно!

* * *

«Я изменила мужу, – целую неделю после возвращения из Йоханнесбурга думала Тара всякий раз, садясь за стол завтракать. – Я изменила мужу». Ей казалось, что это должно быть заметно всему свету, как клеймо на лбу. Но Шаса встретил ее приветливо, извинился, что послал в аэропорт шофера, а не поехал сам, и спросил, насладились ли она своим незаконным свиданием с австралопитеком. «Могла бы выбрать и помоложе. То есть я хочу сказать, что парень, которому миллион лет, немного староват». И их отношения продолжались без перемен.

Дети, за исключением Майкла, как будто совсем по ней не скучали. В ее отсутствие домом правила Сантэн – как обычно, железной рукой в бархатной перчатке; дети приветствовали мать дежурными поцелуями и тут же принялись рассказывать, что сделала и что сказала бабуля, и Тара виновато вспомнила, что не привезла им подарков.

Только Майкл изменился. Первые несколько дней он не выпускал мать из вида, ходил за ней хвостом, даже настоял на том, чтобы провести свою драгоценную свободную субботу в ее клинике, в то время как оба его брата вместе с Шасой отправились на «Ньюленд рэгби граунд» смотреть игру команды Западной провинции с гостями – командой «Все черные» из Новой Зеландии.

Общество Майкла смягчило боль первых шагов к закрытию клиники. Тара попросила трех черных сестер поискать другую работу.

– Конечно, вы будете получать зарплату, пока не найдете место, и я помогу вам, чем смогу...

Но все равно пришлось пережить укоризну в их взглядах.

Сейчас, почти месяц спустя, воскресным утром, она сидела за накрытым к завтраку столом на террасе в тени виноградных лоз на решетках, а вокруг суетились слуги в белых livree. Шаса вслух читал выдержки из «Санди таймс», но его никто не слушал. Шон и Гаррик ожесточенно спорили о том, кто лучший в мире полузащитник, Изабелла шумно требовала внимания отца, Майкл подробно пересказывал Таре содержание книги, которую читал, а она чувствовала себя чужой, актрисой, играющей роль, к которой совсем не готовилась.

Наконец Шаса скомкал газету и уронил на пол возле кресла, сдавшись на требование Изабеллы: «Посади меня на колени, папа!» (как обычно, игнорируя ритуальные протесты Тары) – и сказал:

– Ладно, вы все, призываю вас к порядку. Переходим к обсуждению серьезного вопроса: что будем делать в это воскресенье.

Последовало сопровождавшееся криками Изабеллы: «Пикник! Пикник!» бурное обсуждение, которое Шаса прекратил своим решающим голосом, высказавшись в поддержку дочери.

Тара старалась отказаться, но Майкл чуть не плакал, и она смягчилась. Они поехали все вместе, а слуги и корзины для пикника ехали за ними в двухколесной тележке. Конечно, можно было бы поехать в машине, но это было бы не так весело.

Шаса приказал выложить кирпичом углубление под водопадом, превратив его в плавательный бассейн, и построил на берегу летний домик. Самым главным аттракционом стало долгое скольжение по скалам в красной резиновой трубе и внезапное падение в зеленый бассейн внизу; все это под вопли и радостные крики. Эта забава никогда не надоедала детям и все утро держала их при деле.

Шаса и Тара в купальных костюмах лежали на траве, загорая на горячем, ярком солнце. В первые дни брака они часто приходили сюда, еще до того как выложили кирпичом бассейн и построили летний домик. Тара не сомневалась, что именно на этом травянистом берегу она зачала своих детей. От тех дней сохранилось какое-то теплое чувство. Шаса открыл бутылку «рислинга», и они держались друг с другом более свободно и дружелюбно, чем уже многие годы.

Шаса улучил момент, достал из ведерка со льдом бутылку и снова наполнил бокал Тары, прежде чем начать:

– Дорогая, я должен кое-что сказать тебе. Очень важное для нас обоих, что может основательно изменить нашу жизнь.

«Он нашел другую женщину», – со смесью страха и облегчения подумала она и поэтому не сразу поняла, о чем говорит муж. Потом на нее неожиданно обрушилась вся невероятность происходящего. Он собирался присоединиться к ним, переметнуться к бурам. Связать свою судьбу с самыми жестокими, злыми людьми, каких когда-либо рождала Африка. С этими верховными творцами несчастий, страданий и угнетения.

– Я считаю, что мне предлагают возможность использовать мои способности и мой финансовый дар на благо этой земли и ее жителей, – говорил он, а Тара вертела в пальцах ножку бокала и разглядывала светло-зеленую жидкость, не смея поднять глаза и взглянуть на Шасу, чтобы он не увидел, что она на самом деле думает.

– Я всесторонне обдумал это предложение и обсудил его с мамой. Думаю, у меня есть долг перед страной, перед семьей и перед собой. Я считаю, что должен принять предложение, Тара.

Ужасно было чувствовать, как съеживаются и опадают последние плоды их любви, но почти сразу она почувствовала себя легко и свободно, бремя вины свалилось с плеч, а на нее нахлынул поток противоречивых чувств, такой мощный, что она вначале не могла дать ему определение, но вскоре поняла, что это ненависть.

И удивилась, как могла чувствовать себя виноватой перед Шасой, как могла когда-то его любить. Он продолжал оправдываться, пытался оправдать непростительное, но Тара понимала, что не может смотреть на него, не может позволить ему увидеть ее взгляд. Она испытывала почти непреодолимое желание закричать: «Ты такой же черствый, эгоистичный и злой, как все они!», напасть на него, вцепиться ногтями в его единственный глаз. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы сохранять неподвижность и казаться спокойной. Она вспомнила, что сказал Мозес, и уцепилась за его слова. Они казались единственным разумным во всем этом сумашествии.

Шаса закончил свое тщательно подготовленное объяснение и ждал, что будет. Тара сидела на освещенном солнцем ковре, подобрав под себя ноги, смотрела на бокал в руках, и Шаса, взглянув на нее так, как не смотрел уже много лет, понял, что она по-прежнему прекрасна. Тело у нее было гладкое и чуть загорелое, волосы рубиновыми огоньками искрились на солнце, а пышная грудь, которая всегда так зачаровывала его, как будто снова налилась. Он почувствовал, что его влечет к жене, что она возбуждает его как когда-то давно, и он протянул руку и легко коснулся ее щеки.

– Поговори со мной, – попросил он. – Скажи, что ты об этом думаешь.

Тара вздернула подбородок и посмотрела на мужа, на миг ошеломив его: это был непо-стижимый и безжалостный взгляд львицы. Но затем Тара бледно улыбнулась и пожала пле-чами, и Шаса решил, что ошибся, что он не видел в ее глазах ненависти.

– Ты уже решил, Шаса. Зачем тебе мое одобрение? Я никогда не могла помешать тебе делать то, что ты хочешь. Зачем начинать сейчас?

Шаса был удивлен и одновременно испытал облегчение: он готовился к жестокой схватке.

– Я хотел, чтобы ты знала, почему, – сказал он. – Мне нужно, чтобы ты знала: мы с тобой хотим одного и того же – процветания и достойной жизни для всех людей этой земли. Но мы идем к этому разными путями, и я считаю, что мой надежнее.

– Повторяю: зачем тебе мое одобрение?

– Твое сотрудничество, – поправил он. – Потому что кое в чем эта возможность зависит и от тебя.

– Как это? – спросила Тара и посмотрела туда, где плескались и кувыркались дети. Только Гаррик оставался на берегу. Шон окунул его, и теперь он сидел, дрожа, на краю бас-сейна. Его худое слабое тело посинело от холода. Он с трудом дышал, и, когда кашлял и втягивал воздух, на груди отчетливо выступали ребра.

– Гарри, – резко сказала Тара. – Хватит. Вытрись и оденься.

– Ну мама... – возразил он, и она прикрикнула:

– Немедленно!

Когда он неохотно направился к летнему дому, она повернулась к Шасе.

– Тебе нужно мое сотрудничество? – Теперь она вполне владела собой. Она не покажет, что чувствует к нему и к его чудовищному намерению. – Что же нужно сделать?

– Тебя не удивит, если я скажу, что в BOSS²¹ существует на тебя довольно большое досье?

– Учитывая тот факт, что меня трижды арестовывали, – Тара снова невесело улыбну-лась, – ты прав, я не удивлена.

– Что ж, дорогая, все сводится к тому, что я не могу стать членом кабинета, пока ты бесчинствуешь со своими сестрами в «Черном шарфе».

– Ты хочешь, чтобы я отказалась от политической деятельности? Но как же мое про-шлое? Я хочу сказать, ведь я рецидивистка.

– К счастью, политическая полиция относится к тебе снисходительно и считает тебя скорей забавной. Я видел твое досье. Там такой вывод: ты дилетантка, наивная и впечатли-тельная, и легко поддаешься влиянию более опасных товарищей.

Такое оскорбление трудно было перенести. Тара вскочила, прошла по краю бассейна, схватила Изабеллу за руку и вытащила из воды.

– Довольно, барышня.

Не обращая внимания на вопли Изабеллы, она сняла с нее купальник.

– Больно, – подвывала Изабелла, пока Тара вытирала ей голову и растирала тело жест-ким, сухим полотенцем.

Изабелла побежала к отцу, по-прежнему плача и наступая на полотенце.

– Мама не разрешает мне плавать!

Она забралась к нему на колени.

– Жизнь полна несправедливостей.

Он обнял дочку, она в последний раз всхлипнула и прижалась к его груди мокрой куд-рявой головой.

²¹ Bureau of State Security – тайная полиция Южно-Африканской республики, существовавшая с 1962 по 1980 год.

– Хорошо, я бесполезная дилетантка. – Тара снова тяжело села на ковер. Она справи-
лась с собой, села по-турецки и посмотрела на мужа. – А что если я откажусь? Если и дальше
стану слушаться голоса своей совести?

– Тара, давай не будем ссориться, – негромко сказал он.

– Ты всегда получаешь то, что хочешь, правда, Шаса?

Она провоцировала, но он покачал головой, не принимая вызов.

– Хочу обсудить это вдумчиво и спокойно, – сказал он, но глубоко оскорбленная Тара
не могла прекратить мучить его.

– Я заберу детей – ты должен это знать, твои умные юристы наверняка тебе это уже
объяснили.

– Черт побери, Тара, ты знаешь, что я совсем о другом, – холодно сказал Шаса, но
крепче прижал к себе дочку. Изабелла подняла руку и коснулась его подбородка.

– Ты царапаешься, – радостно сказала она, не чувствуя его напряжения. – Но я все
равно тебя люблю, папочка.

– Да, мой ангел, я тебя тоже люблю, – сказал он и бросил Таре: – Я тебе не угрожал.

– Пока не угрожал, – поправила она, – но это еще впереди, насколько я тебя знаю. А
я тебя знаю.

– Мы не можем поговорить разумно?

– Нет необходимости, – неожиданно капитулировала Тара. – Я уже приняла решение. Я
поняла тщетность наших слабых протестов. Уже некоторое время я чувствую, что напрасно
растрачиваю жизнь. Я знаю, что уделяла детям недостаточно внимания, и во время послед-
ней поездки в Йоханнесбург решила вернуться к учебе, а политику оставить профессиона-
лам. Я решила выйти из «Черного шарфа» и закрыть клинику или передать ее кому-нибудь.

Он удивленно смотрел на нее. Не верил, что так легко одержал победу.

– Чего ты хочешь взамен?

– Вернуться в университет и получить степень доктора археологии, – решительно отве-
тила она. – И получить полную свободу поездок и исследований.

– Договорились, – с готовностью ответил он, не скрывая облегчения. – Держись
подальше от политики – и можешь ехать куда хочешь и когда хочешь.

Его взгляд невольно снова упал на ее груди. Он не ошибся: они красиво налились и
выпирают из шелковых треугольничков бикини. Шаса почувствовал быстрый прилив горя-
чего желания.

Тара заметила выражение его лица. Она хорошо его знала и почувствовала отвращение.
После того, что муж сейчас сказал ей, после стольких оскорблений мимоходом, после того,
как он предал все, что для нее дорого и свято, она никогда не сможет снова принять его. Она
это знала. Подтянула лиф бикини и взяла одежду.

Шасу их договор обрадовал, и хотя он редко выпивал больше одного бокала, сегодня
он прикончил остаток «рислинга», пока с мальчиками жарил на огне мясо.

Шон очень серьезно отнесся к своим обязанностям поваренка. Один или два куска мяса
упали на землю, но Шон объяснил младшим:

– Это ваши порции. Если не будете касаться зубами, то землю и не почувствуете.

В летнем домике Изабелла помогала матери резать салаты, обильно вымазавшись при
этом французской заправкой, а когда сели есть, Шаса веселил детей своими рассказами.
Только Тару не коснулось общее веселье.

Когда детям разрешили выйти из-за стола с наказом не купаться час, пока не перева-
рится пища, Тара негромко спросила:

– Когда ты завтра улетаешь?

– Очень рано, – ответил Шаса. – Я должен быть в Йоханнесбурге до ланча. Из Лондона
прилетает на «Комете» лорд Литтлтон. Хочу его встретить.

– Тебя долго не будет на этот раз?

– После ланча мы с Дэвидом отправимся в поездку.

Он хотел, чтобы Тара присутствовала на приеме по случаю раздачи подписных листов на акции новой шахты «Серебряная река». Она под каким-то предлогом отказалась, но отметила, что сейчас он не повторил приглашение.

– Значит, тебя не будет десять дней?

Каждые три месяца Шаса и Дэвид объезжали все предприятия компании: от нового химического завода в Китовом заливе и бумажных фабрик на востоке Трансвааля до флагмана фирмы – шахты Х’ани в пустыне Калахари.

– Может, чуть дольше, – ответил Шаса. – В Йоханнесбурге я пробуду не меньше четырех дней.

И с удовольствием подумал о Мэрилин из Массачусетского технологического и ее IBM-701.

* * *

Дэвид Абрахамс убедил Шасу поручить рекламную кампанию «Серебряной реки» одному из пиарщиков из числа тех, что в последнее время расплодились во множестве и к которым Шаса относился очень подозрительно. Несмотря на первоначальные опасения, он вынужден был неохотно признать, что мысль не так уж плоха, хотя и обойдется ему в пять с лишним тысяч фунтов.

Они пригласили издателей лондонской «Файнэншл таймс» и «Уоллстрит джорнел» с женами, а потом оплатили все их расходы на пятидневную поездку в Национальный парк Крюгера. Были приглашены все журналисты местных газет и радио, а в качестве неожиданного поощрения приглашение посетить прием приняла нью-йоркская телевизионная группа «Норт американ бродкастинг студияс», снимающая передачи из цикла «Внимание, Африка».

В вестибюле здания «Горно-финансовой компании Кортни» установили двадцатипятифунтовую действующую модель копра, который вырастет над шахтой «Серебряная река», и окружили модель большой выставкой диких протей; выставку подготовила та группа дизайнеров, которая в прошлом году получила золотую медаль на цветочной выставке в Челси в Лондоне. Зная, что журналистов всегда мучит жажда, Дэвид выставил сто ящиков «Моз-Шандон»²², хотя мысль предложить выдержанные вина Шаса отклонил.

– Даже обычное вино для них чересчур хорошо.

Шаса не жаловал газетчиков.

Дэвид также нанял танцовщиц из «Ройял свази спа»²³. Перспектива увидеть обнаженную женскую грудь привлекала не менее, чем шампанское: для южно-африканских цензоров женский сосок был опасен, как «Коммунистический манифест» Карла Маркса.

По приезду каждый гость получал памятный подарок: красочный буклет, сертификат на приобретение акции «Серебряной реки» достоинством в один фунт и миниатюрный брусок подлинного южно-африканского золота в двадцать два карата, с логотипом компании. Дэвид добился у Резервного банка разрешения ставить на эти бруски подлинное южно-африканское клеймо, и те по цене почти тридцать долларов за каждый составили основную часть рекламного бюджета, но вызванное ими оживление и последующее обсуждение в прессе вполне оправдали затраты.

Шаса выступал до того, как «Моз-Шандон» затуманит мозг гостей или их отвлечет женское шоу. Шаса всегда наслаждался публичными выступлениями. Ни фейерверк

²² Одна из известнейших фирм по производству шампанского.

²³ Казино и отель в Свазиленде.

фотовспышек, ни яркий свет дуговых прожекторов, установленных телевизионной группой НАБС, не мешали ему наслаждаться вечером.

На сегодняшний день «Серебряная река» была одним из главных достижений в его послужном списке. Шаса один сообразил, что, возможно, золотоносный слой в Свободной Оранжевой республике дает ответвление от главной жилы Витватерсранда, и лично выбивал разрешение на разведывательные работы. И только когда на глубине почти в полторы мили алмазные буры наткнулись на золотоносный углеродный проводник, справедливость решения Шасы подтвердилась. Жила оказалась богатой сверх всяких ожиданий: тонна руды давала 26 пеннивейтов²⁴ чистого золота.

Сегодня был вечер Шасы. Он обладал особым даром извлекать из всего, что делает, наслаждение, до последней унции, и теперь стоял в ярком свете – высокий, любезный, в безукоризненном смокинге. Черная повязка на глазу придавала ему лихой и опасный вид; Шаса был так спокоен, так хорошо держал в руках себя и управление своей компанией, что без усилия привлекал всеобщее внимание.

Все слушали, аплодируя в нужных местах, слушали зачарованно, как он рассказывает о масштабных вложениях и о том, как эти вложения помогут укрепить связи Южной Африки с Великобританией и со всем Содружеством Наций, как возникнут новые дружеские связи с Соединенными Штатами, откуда он надеялся получить до тридцати процентов инвестиций.

Когда Шаса умолк под гром аплодисментов, для ответного слова поднялся лорд Литтлтон, глава банка, обеспечивающего выпуск акций. Худой, седовласый, в смокинге – простом, чуть старомодного кроя, с широкими отворотами брюк, что должно было подчеркнуть его аристократическое презрение к последней моде. Он рассказал о прочных связях своего банка с «Компанией Кортни» и о том напряженном интересе, который новая компания вызвала в лондонском Сити.

– С самого начала мы, в банке Литтлтона, нисколько не сомневались, что легко заработаем свою долю на распространении акций. Мы знали, что акции разойдутся. И сегодня вечером я с огромным удовольствием стою перед вами и заявляю: я с самого начала так говорил! – Послышался гул комментариев и обсуждений, и лорд поднял руку, призывая к тишине. – Я хочу сказать вам кое-что, чего не знает даже Шаса Кортни и о чем сам я узнал всего час назад.

Он сунул руку в карман, достал листок телекса и помахал им.

– Как вы знаете, подписные листы на акции компании «Шахта «Серебряная река» были открыты сегодня утром в 10 часов по лондонскому времени, то есть в восемь по южно-африканскому. Когда несколько часов назад мой банк закрылся, мне прислали этот телекс. – Он водрузил на нос очки в золотой оправе. – Зачитываю: «Пожалуйста, передайте поздравления мистеру Кортни и «Горно-финансовой компании Кортни» как выпускающей акции шахты «Серебряная река». Точка. К 4 часам дня лондонского времени спрос в четыре раза превысил предложение. Точка. Банк Литтлтона».

Дэвид Абрахамс пожал Шасе руку, первым поздравив его. Под гром аплодисментов они радостно улыбались друг другу. Наконец Шаса отнял руку и спрыгнул с помоста.

Сантэн Кортни-Малкомс, сидевшая в первом ряду, вскочила ему навстречу. Она была в платье из золотой парчи и надела полный комплект бриллиантов, каждый из которых был старательно отобран из добытых за тридцать лет на шахте Х'ани. Стройная, сверкающая, красивая, она пошла сыну навстречу.

– Теперь у нас есть все, мама, – прошептал он, обнимая ее.

– Нет, cheri, всего у нас никогда не будет, – прошептала она в ответ. – Это было бы так ужасно. Всегда есть то, к чему можно стремиться.

²⁴ Британская единица массы, равная 24 грамам, 1/20 унции, примерно 1,5 грамм.

С поздравлениями ждал Блэйн Малкомс, и Шаса повернулся к нему, все еще обнимая Сантэн за талию.

– Грандиозно, Шаса. – Блэйн пожал ему руку. – Ты это заслужил.

– Спасибо, сэр.

– Какая жалость, что Тара не смогла приехать, – продолжал Блэйн.

– Я хотел, чтобы она приехала, – сразу занял оборонительную позицию Шаса. – Но она решила, что не может опять так скоро оставить детей.

Их окружила толпа, все поздравляли их и смеялись, но Шаса увидел поблизости женщину, руководившую его пиар-кампанией, и стал пробиваться к ней.

– Ну, миссис Энсти, ваша работа – предмет нашей гордости.

Он улыбнулся ей, вложив в улыбку все свое очарование. Миссис Энсти была высокой и, пожалуй, костлявой, ее светлые шелковистые волосы густым занавесом падали на обнаженные плечи.

– Я всегда стараюсь полностью удовлетворить клиента. – Джил Энсти опустила глаза и чуть надула губы, придавая своим словам двусмысленность. С самой встречи накануне они непрерывно подшучивали друг над другом. – Но, боюсь, у меня есть для вас еще работа, мистер Кортни. Потерпите меня еще немного?

– Сколько пожелаете, миссис Энсти.

Шаса принял игру. Миссис Энсти взяла его под руку и повела в сторону, прижимаясь чуть сильнее, чем было необходимо.

– Телевизионщики из НАБС хотят взять у вас пятиминутное интервью для своего фильма из цикла «Внимание, Африка». Это прекрасная возможность обратиться непосредственно к пятидесяти миллионам американцев.

Телевизионная группа установила свое оборудование в зале заседаний; прожекторы и камеры были нацелены на дальний конец длинной комнаты, где на деревянной стенной панели висел портрет Сантэн кисти Анниони²⁵. Группа состояла из троих мужчин, молодых и небрежно одетых, но явно профессионалов, и девушки.

– Кто берет интервью? – спросил Шаса, с любопытством оглядываясь.

– Режиссер, – ответила Джил Энсти, – она с вами поговорит.

Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что речь идет о девушке, но тут он заметил, что эта девушка руководит постановкой мизансцены, то словом, то жестом задавая направление камеры или угол освещения.

– Да она ребенок, – протестующе сказал Шаса.

– Ей двадцать пять, и она шустрая, как стая макак, – предупредила Джил Энсти. – Пусть ее внешность маленькой девочки вас не обманывает. Она профессионалка, очень многообещающий режиссер и уже страшно популярна в Штатах. Она взяла невероятное интервью у Джомо Кеньятты, террориста из движения «мау-мау», не говоря уже о знаменитой передаче «Мост разбитых сердец» из Кореи. Говорят, за эту передачу она получит «Эмми».

В Южной Африке телевидения не было, но в Лондоне Шаса видел на Би-би-си передачу «Мост разбитых сердец», очень смелый и увлекательный комментарий к Корейской войне, и теперь с трудом мог поверить, что его сделала эта девочка. Но вот она повернулась, направилась к нему и откровенно протянула руку – наивная, со свежим молодым лицом.

– Здравствуйте, мистер Кортни. Меня зовут Китти Годольфин.

У нее был очаровательный южный акцент и мелкие золотые веснушки на щеках и курносом носике, но Шаса видел, что у нее лицо отличной лепки, очень фотогеничное.

– Мистер Кортни, – продолжала она, – вы так хорошо говорите, что я не могу противиться искушению снять вас для передачи. Надеюсь, я не прошу слишком много.

²⁵ Пьетро Анниони (1910 – 1988) – известный итальянский художник-портретист.

Она улыбнулась милой привлекательной улыбкой, но он видел в ее взгляде жесткий, как у лучших алмазов шахты Х'ани, блеск; этот взгляд выдавал острый, циничный ум и безжалостное честолюбие. Это было неожиданно и интриговало.

«На билет на это шоу денег не жалко», – подумал Шаса, глядя на нее сверху вниз. Грудь у нее маленькая – он любит более пышные формы, но бюстгальтера нет, он видел под блузкой, что она очень изящна.

Китти провела его к кожаному креслу, установленному так, чтобы они сидели лицом друг к другу.

– Если вы сядете сюда, мы немедленно начнем. Вступление я запишу позже. Не хочу задерживать вас дольше, чем необходимо.

– Задерживайте, сколько угодно.

– О, я знаю, что у вас полно очень важных гостей. – Китти оглядела свою команду, и один из молодых людей поднял большой палец. Она снова посмотрела на Шасу. – Американская публика очень мало знает о Южной Африке, – объяснила она. – Я хочу дать срез вашего общества и показать, как оно устроено. Я представлю вас как политика, шахтного магната и финансиста и расскажу зрителям о вашей новой замечательной шахте. Потом мы вставим ваше выступление. Годится?

– Годится! – Он легко улыбнулся. – Действуйте.

Помощник режиссера хлопнул перед его лицом дощечкой, кто-то спросил: «Звук?», кто-то другой ответил: «Идет», и потом: «Мотор!».

– Мистер Шаса Кортни, вы только что объявили своим акционерам, что новая золотая шахта станет, вероятно, одной из пяти богатейших в Южной Африке, а значит, и во всем мире. Можете ли вы сказать нашим зрителям, сколько из этих сказочных богатств вернется к тем людям, у кого они украдены? – спросила она с обескураживающей искренностью. – Я, конечно, имею в виду черные племена, которые когда-то владели этой землей.

Шаса растерялся лишь на мгновение и тут же понял: предстоит схватка. И спокойно ответил:

– Черные племена, владевшие землей, на которой расположена шахта «Серебряная река», все до единого – в том числе женщины и дети – в 20-е годы девятнадцатого столетия были уничтожены отрядами королей Чаки и Мзиликази, этими двумя милосердными зулусскими монархами, которые вдвоем умудрились вполнину сократить население Южной Африки, – сказал он. – Когда белые поселенцы двинулись на север, они нашли безлюдную землю. Эта земля была свободна, они ни у кого ее не отняли. А я приобрел эту землю у тех, кто обладал неоспоримыми правами на нее.

Он увидел тень уважения в ее взгляде, но Китти опомнилась так же быстро, как и он. Проиграв очко, она готова была сражаться дальше.

– Конечно, исторические факты очень интересны, но вернемся к настоящему. Скажите, мистер Кортни, будь вы цветным, скажем, черным или бизнесменом азиатского происхождения, вам позволили бы купить концессию на «Серебряную реку»?

– Вопрос из области предположений, мисс Годольфин.

– Я так не думаю, – отрезала она ему пути к отступлению. – Или я ошибаюсь, полагая, что закон о групповых территориях, принятый недавно парламентом, членом которого, кстати, вы являетесь, запрещает небелым индивидам и компаниям, принадлежащим черным, покупать права на землю или на полезные ископаемые где бы то ни было в их собственной стране?

– Я голосовал против этого закона, – мрачно ответил Шаса. – Но вы правы, закон о групповых территориях не позволил бы цветному купить права на шахту «Серебряная река», – заключил он.

Слишком умная, чтобы удовлетвориться заработанным очком, она стремительно двинулась дальше.

– Сколько черных работает на многочисленных предприятиях «Горно-финансовой компании Кортни»? – спросила она с милой открытой улыбкой.

– В своих восемнадцати дочерних компаниях мы предоставляем работу примерно двум тысячам белых и тридцати тысячам черных.

– Великолепное достижение, мистер Кортни, вы, должно быть, им очень гордитесь. – Она была поразительно женственной. – А сколько черных представлено в советах директоров этих восемнадцати компаний?

Снова он попался! Шаса решил не отвечать на вопрос прямо.

– Мы считаем, что обязаны платить своим рабочим больше, чем получают за такую работу в других компаниях; мы предоставляем им и другие льготы...

Китти энергично кивала, позволяя ему говорить, понимая, что сможет вырезать весь этот ненужный материал, но, как только он закончил, снова перешла в нападение:

– Значит, в советах директоров компаний Кортни нет черных. А можете ли вы сказать, сколько у вас работает черных менеджеров?

Когда-то, давным-давно, когда Шаса охотился на буйволов на берегах реки Замбези, на него напал рой разъяренных полуденной жарой черных африканских пчел. От них не было защиты, и он спасся, только нырнув в населенную крокодилами реку. Сейчас, когда Китти жужжала у него над ухом, искусно избегая попыток сбить ее и болезненно жала, когда хотела, он чувствовал ту же гневную беспомощность.

– На вас работает тридцать тысяч черных, но в совете директоров или среди управляющих нет ни одного черного, – наивно удивлялась она. – Вы можете объяснить, почему?

– Черное сообщество этой страны представлено преимущественно сельским населением. Эти люди приходят в города необученными и неподготовленными...

– Разве у вас нет подготовительных программ?

Шаса увидел возможный выход из положения.

– У группы Кортни разнообразные и насыщенные подготовительные программы. В прошлом году мы потратили два с половиной миллиона фунтов на обучение и подготовку своих наемных работников.

– И сколько времени осуществляются эти программы, мистер Кортни?

– Семь лет – с тех пор, как я стал председателем.

– За семь лет, после того как вы потратили столько денег на обучение, ни один черный не стал менеджером? Потому что ни один черный не оказался на это способен или потому что ваша политика ограничения работы и запретов не позволяет черному, как бы хорош он ни был...

Его неумолимо теснили, и он в ярости перешел к обороне:

– Если вы ищете расовую дискриминацию, почему уехали из Америки? – спросил он, холодно улыбаясь. – Я уверен, ваш Мартин Лютер Кинг смог бы вам помочь лучше, чем я.

– В моей стране существует фанатизм, – кивнула она. – Мы это понимаем и стараемся изменить, просвещаем народ, меняем законы. А вот вы, насколько я могу судить, воспитываете своих детей в рамках политики, которую называете апартеидом, и создаете монументальную законодательную крепость вроде закона о групповых территориях или закона о регистрации населения, которые классифицируют людей исключительно на основании цвета их кожи.

– Мы дифференцируем людей, – признал Шаса, – но это не значит, что мы их дискриминируем.

– Запоминающийся лозунг, но не оригинальный. Я уже слышала его из уст вашего министра по делам банту доктора Хендрика Френса Фервурда. Однако я все равно утвер-

жду, что дискриминация у вас существует. Если человека лишают права голосовать или владеть землей только на основании того, что у него темная кожа, для меня это дискриминация.

И прежде чем он смог ответить, Китти снова сменила тему.

– Много ли черных среди ваших личных друзей? – спросила она, и ее вопрос мгновенно перенес Шасу в прошлое. Он вспомнил, как мальчишкой отрабатывал первые смены на шахте Х’ани, и мужчину, который был его другом. Черный десятник на площадке промывки руды; на эту площадку укладывают только что добытую руду. Там она должна размягчиться и раскрошиться до такой степени, чтобы ее можно было отправить в дробилку.

Он много лет не думал о нем, но сейчас без труда вспомнил его имя – Мозес Гама, и снова мысленно увидел его, высокого, широкоплечего, красивого, как молодой фараон, с кожей, блестящей на солнце, как старый янтарь, когда они работали бок о бок. Он вспомнил их длинные разговоры, вспомнил, как они вместе читали и спорили, привлеченные друг к другу незримой духовной общностью. Шаса дал Мозесу почитать «Историю Англии» Маколея, а когда из-за возникшей между ними дружбы Мозеса Гама по требованию Сантэн Кортни уволили с шахты, Шаса попросил его оставить книгу себе. Сейчас он снова испытал ощущение утраты, как тогда, при их вынужденной разлуке.

– У меня очень мало личных друзей, – сказал он. – Десять тысяч знакомых, а вот друзей почти нет... – Он растопырил пальцы правой руки. – Не больше, и среди них нет черных. Хотя когда-то у меня был черный друг, и я жалею, что наши пути разошлись.

С необыкновенным чутьем, которое и выдвинуло ее на первые роли в профессии, Китти Годольфин поняла, что он дал ей прекрасную точку опоры, которую можно сделать центром интервью.

– Когда-то у меня был черный друг, – негромко повторила она. – И я жалею, что наши пути разошлись. Спасибо, мистер Кортни. – Она повернулась к оператору. – Ладно, Хэнк, вырежь это и сегодня же вечером переправь на студию.

Она быстро встала. Шаса вырос над ней.

– Это было превосходно. У нас теперь очень много материала, – с воодушевлением заговорила она. – Я искренне благодарна вам за сотрудничество.

Вежливо улыбаясь, Шаса наклонился к ней.

– Вы подлая мелкая стерва, – негромко проговорил он. – С лицом ангела и сердцем чертовки. Вам ведь все равно, что снимать. Вам это безразлично. Важно лишь получить хороший сюжет, а правда это или нет, причинит ли это кому-нибудь боль, какая разница?

Шаса отвернулся от нее и вышел из зала заседаний. Шоу с девицами уже началось; он прошел к столику, за которым сидели Сантэн и Блэйн Малкомс, и тоже сел, но вечер для него был испорчен.

Он сидел и смотрел на вертящихся танцовщиц, но не видел их длинных голых ног и сверкающей плоти; вместо этого он с яростью думал о Китти Годольфин. Опасность возбуждала его, поэтому он охотился на львов и буйволов, летал на «Тайгер Моте» и играл в поло. Его всегда привлекали умные деловые женщины с сильным характером, а эта несомненно деловая и сделана из чистого шелка... и стали.

Он думал об этом милом невинном лице и детской улыбке, о жестком блеске глаз, и к ярости добавилось желание унижить ее, душевно и физически, и сознание того, что это будет очень трудно, делало мысль еще более навязчивой. Он обнаружил, что сексуально возбужден, и это лишь усилило его гнев.

Вдруг Шаса поднял голову: через все помещение за ним наблюдала Джил Энсти, его менеджер по связям с общественностью. Цветные блики играли на ее широкоскулом лице и в платиновых волосах. Она скосила глаза и провела кончиком языка по нижней губе.

«Ладно, – подумал он. – Надо отыграться на ком-нибудь. Она подойдет».

Он слегка наклонил голову, и Джил Энсти кивнула и выскользнула за дверь позади своего столика. Шаса извинился перед Сантэн, встал и в полутьме под громкую музыку направился к двери, за которой исчезла Джил.

В отель «Карлтон» он вернулся утром, в половине девятого. Все еще в бабочке и смокинге он не пошел через вестибюль, а поднялся по лестнице из подземного гаража. Сантэн и Блэйн остановились в номере компании, а Шаса отвели поменьше на другом конце коридора. Ему не хотелось встретиться с ними в такой час так одетым, но ему повезло, и он добрался до своего номера незамеченным.

Кто-то сунул ему под дверь конверт. Он без особого интереса поднял его, но тут увидел на конверте герб студии «Килларни филм». В этой студии работала Китти Годольфин, и Шаса улыбнулся, разрывая конверт.

Дорогой мистер Кортни,
материал замечательный – вы смотрите лучше Эррола Флинна. Если
хотите взглянуть, позвоните мне в студию.
Китти Годольфин.

Гнев Шасы остыл, его позабавила ее дерзость, и хотя впереди был занятой день: ланч с лордом Литтлтоном и потом весь день встречи, он позвонил на студию.

– Вы поймали меня на пороге, – сказала ему Китти. – Я уже уходила. Хотите посмотреть материал? Хорошо, сможете приехать сюда к шести вечера?

Спустившись в приемную студии, она улыбалась своей милой, детской улыбкой, но озорные зеленые огоньки в глазах подсмеивались над ним; Китти пожала Шаса руку и повела наверх: в комплексе студии она арендовала отдельное помещение.

– Я знала, что могу рассчитывать на ваше мужское тщеславие, чтобы заманить сюда, – уверенно сказала она.

Ее команда развалилась в первом ряду просмотрового зала, молодые люди курили «Кэмел» и пили кока-колу, но Хэнк, оператор, уже вставил ленту в проектор, и все молча просмотрели материал.

Когда снова зажгли свет, Шаса повернулся к Китти и признался:

– Вы молодец: почти все время заставляете меня выглядеть настоящим напыщенным болваном. И, конечно, вырезали те части, где я одерживаю верх.

– Вам не понравилось? – улыбнулась она, наморщив носик. Веснушки заблестели, как крошечные золотые монеты.

– Вы, как партизан, стреляете из укрытия, а у меня спина не защищена.

– Если вы обвиняете меня в подтасовке и передергивании, – с вызовом сказала она, – может, покажете мне, какое это все на самом деле? Покажите мне шахты и фабрики Кортни и позвольте снять их.

Так вот почему она позвала его. Шаса про себя улыбнулся, но спросил:

– Десять дней у вас найдется?

– Найдется столько, сколько нужно, – заверила она.

– Отлично, начнем с ужина сегодня вечером.

– Здорово! – воскликнула она и повернулась к своей команде. – *Мазлтов*, парни, мистер Кортни приглашает нас всех на ужин.

– Это не совсем то, что я имел в виду, – пробормотал он.

– Правда?

Она бросила на него взгляд невинной маленькой девочки.

Китти Годольфин оказалась прекрасной собеседницей и спутницей. Ее интерес ко всему, что говорил и показывал Шаса, был лестным и искренним. Когда он говорил, она

смотрела ему в глаза и на его губы и часто, слушая, наклонялась, так что он чувствовал ее дыхание, но ни разу его не коснулась.

Для Шасы ее привлекательность обостряла безупречная опрятность. Все дни, проведенные ими вместе, горячие пыльные дни в пустынях дальнего запада, или в бесконечных лесах, когда посещали бумажные фабрики или заводы удобрений, когда смотрели, как бульдозеры в тучах пыли срывают верхнюю породу в открытых угольных карьерах, когда пеклись в огромной котловине шахты Х'ани, – у Китти было неизменно свежее, прохладное лицо. Даже в пыли глаза ее оставались чистыми, а маленькие ровные зубы сверкали. Он не мог понять, где и когда она умудряется приводить в порядок одежду, но та всегда была чистой и свежей, а дыхание, когда Китти прислонялась к нему, приятным и сладким.

Она была профессионалкой. Это тоже производило на Шасу впечатление. Она шла на все, чтобы получить нужный материал, не принимая во внимание ни усталость, ни опасность. Ему пришлось запретить ей спуск на крыше клетки, когда ей вздумалось снять падение в шахту Х'ани, но Китти вернулась, когда он отбыл на встречу с управляющим шахтой, и получила то, что хотела. А когда он узнал, только улыбнулась. Команда относилась к ней противоречиво, и это забавляло Шасу. Молодые люди ее обожали, бросались на защиту, точно старшие братья, и нескрываясь гордились ее достижениями. Но в то же время они побаивались ее безжалостного стремления к совершенству, понимая, что ради достижения цели она пожертвует всеми ими и еще чем угодно, что встанет на ее пути. Она не часто проявляла характер, но если проявляла, становилась жестокой и язвительной, и когда отдавала приказ, как бы сладко она при этом ни улыбалась и как бы спокойно ни выглядела, они повиновались немедленно.

На Шасу подействовала и глубокая симпатия Китти к Африке, ее природе и людям.

– Я считала Америку самой прекрасной страной в мире, – негромко сказала Китти однажды вечером, когда они смотрели, как солнце садится за высокие горы западных пустынь. – Но, глядя на это, я начинаю сомневаться.

Любопытство вело ее в поселки, где жили наемные работники компании Кортни, и она проводила там долгие часы, разговаривая с рабочими и их женами, снимая все это, интервью с черными шахтерами и белыми надсмотрщиками, их дома и пищу, которую они едят, их развлечения и молитвы, и в конце концов Шаса спросил:

– Понравилось, как я их угнетаю?

– Они живут хорошо, – признала Китти.

– И счастливы, – теснил он ее. – Признайте это. Я ничего от вас не спрятал. Они счастливы.

– Они счастливы, как дети, – согласилась Китти. – Пока видят в вас отца родного. Но долго ли, по-вашему, вы сможете их дурачить? Долго ли они будут просто смотреть, как вы садитесь в свой чудесный самолет и летите в парламент, чтобы принять еще несколько законов, которым они обязаны повиноваться? Рано или поздно они скажут: «Эй, приятель, я тоже так хочу».

– На протяжении трехсот лет под руководством белого правительства жители этой земли создавали социальную ткань, которая удерживает всех нас вместе. Это факт, и мне не хотелось бы разрывать эту ткань, не зная, чем ее заменить.

– Как насчет демократии для начала? – предложила Китти. – Неплохая замена, знаете: воля большинства побеждает.

– Вы упустили важную часть, – ответил он. – Интересы меньшинства должны быть защищены²⁶. В Африке это не действует. Африканцы знают и понимают только один прин-

²⁶ То и другое – слова Томаса Джефферсона.

цип: победитель получает все, и горе побежденным. Именно это произойдет с белыми поселенцами в Кении, если англичане капитулируют перед убийцами из «мау-мау».

Так они спорили в долгие часы полетов, преодолевая огромные расстояния африканского континента. Шаса и Китти летели впереди, на «моските», шлем и кислородная маска были ей велики и делали еще более юной и похожей на девочку. Дэвид Абрахамс сидел за штурвалом более медленного и просторного «Де Хэвилленда Дава», принадлежавшего компании; с ним летела остальная группа и все съемочное оборудование, и хотя на земле Шаса большую часть времени отдавал встречам с менеджерами и административным аппаратом компании, он все же мог очень много часов уделять соблазнению Китти Годольфин.

Шаса не привык к длительному сопротивлению женщин, привлекавших его внимание. Возможно было деланное сопротивление, но всегда с зазывными взглядами через плечо; обычно женщины скрывались от него в ближайшей спальне, рассеянно забыв повернуть ключ в замке, и он ожидал того же от Китти Годольфин.

Первой его заботой стало забраться ей в джинсы; убедить, что Африка отличается от Америки и что они делают все, что в их силах, оказалось второй и значительно более трудной задачей. Прошло почти десять дней, а он не преуспел ни в том, ни в другом. И политические убеждения, и целомудрие Китти оставались нетронутыми.

Интерес к нему Китти – как широко ни раскрывала она глаза, как ни демонстрировала увлеченность, – оставался совершенно безличным и профессиональным: точно так же она смотрела на знахаря-овамбо, который демонстрировал излечение рака с помощью мази из помета дикобраза, и на мускулистого татуированного белого надсмотрщика, который объяснял ей, что черных нельзя бить в живот: от малярии у них всегда раздута селезенка, и ее легко разорвать, а вот бить по голове можно, у африканцев такой прочный череп, что нанести серьезный ущерб трудно.

– Святая Мария! – восклицала Китти. – Да одно это оправдывает всю поездку!

И вот на одиннадцатый день своей одиссеи они прилетели из обширной пустыни Калахари от алмазной шахты Х'ани в загадочных, угрюмых холмах в город Виндхук, столицу старой немецкой колонии Юго-Западная Африка, которая по Версальскому договору была передана Южно-Африканскому Союзу. Это причудливый небольшой город, в архитектуре и образе жизни обитателей которого все еще чувствовалось немецкое влияние. Город стоял на высоком нагорье, над прибрежной равниной. Климат здесь был приятный, а отель «Кайзерхоф», где у Шасы тоже был постоянный номер, предлагал множество удобств, которых им так не хватало в предыдущие десять дней.

Шаса и Дэвид большую часть дня провели с руководителями местной конторы компании Кортни; до переезда в Йоханнесбург именно здесь была головная контора компании, но и сейчас тут решались основные вопросы, связанные с шахтой Х'ани. Китти и ее команда, не теряя ни минуты, снимали здания в немецком колониальном стиле, местные памятники и живописных женщин гереро на улицах. В 1904 году немецкой администрации пришлось вести с этим воинственным племенем жесточайшую колониальную войну; в итоге восемьдесят тысяч гереро из племени, насчитывавшего всего сто тысяч человек, погибли в боях и от голода. Мужчины гереро были рослые и величественные, а женщины носили яркие длинные викторианские юбки и высокие тюрбаны таких же цветов. Китти радовалась всему увиденному и вернулась в отель веселая.

Шаса все старательно спланировал и оставил Дэвида в конторе заканчивать дела. Он хотел пригласить Китти и ее группу в пивную отеля, где традиционный оркестр в lederhosen и тирольских шляпах играл попури из немецких застольных песен. Местное пиво «пильзнер» было не хуже оригинального мюнхенского: чистое, золотое, с пышной кремовой шапкой пены. Шаса заказал самые большие кружки, и Китти пила наравне со всеми.

Настроение было праздничное, пока Шаса не отвел Китти в сторону. Под звуки оркестра он негромко проговорил:

– Не знаю, как вам это сказать, Китти, но это наш последний вечер вместе. Мой секретарь заказал вам и вашим парням билеты на коммерческий рейс до Йоханнесбурга на завтрашнее утро.

Китти в ужасе посмотрела на него.

– Не понимаю. Я думала, мы вместе полетим на ваши алмазные концессии в *Сперргебит*. – Она с очаровательным акцентом произносила «Спиер бит»²⁷. – Это наша главная цель.

– *Сперргебит* означает «запретные территории», – печально сказал Шаса. – Очень просто, Китти: запретные. Никто не может попасть туда без разрешения правительственного инспектора шахт.

– Но я думала, вы получили для нас разрешение, – возразила она.

– Я пытался. Отправил в местное отделение телекс, чтобы его получили. Но просьба отклонена. Боюсь, правительство не хочет, чтобы вы там побывали.

– Но почему?

– Возможно, там происходит нечто такое, что вы не должны увидеть или снять, – предположил он; Китти замолчала, но он увидел, как ее невинное личико отразило сильные чувства, а в зеленых глазах сверкнули гнев и решимость. Он уже понял: для того чтобы сделать что-нибудь непреодолимо привлекательным для Китти Годольфин, нужно отказать ей в этом. Он знал, что теперь она солжет, обманет и продаст душу, лишь бы попасть в *Сперргебит*.

– Вы могли бы провезти нас контрабандой, – предположила она.

Он покачал головой.

– Овчинка выделки не стоит. Мы можем уйти от погони, но если нас поймают, это штраф в сто тысяч фунтов или пять лет тюрьмы.

Она положила руку ему на предплечье, впервые намеренно коснувшись его.

– Пожалуйста, Шаса. Я очень хочу это снять.

Он печально покачал головой.

– Простите, Китти, но, боюсь, это невозможно. – Он встал. – Нужно переодеться к ужину. Пока меня не будет, предупредите свою команду. Ваш рейс в Йохбург в десять утра.

За столом ему стало ясно, что она не предупредила группу об изменении планов, потому что, подогреваемые добрым немецким пивом, все были веселы и шумны. На этот раз Китти не принимала участия в веселье, она печально сидела в конце стола, без интереса ковыряла сытную тевтонскую еду и иногда искоса поглядывала на Шасу. Дэвид не стал дожидаться кофе и отправился делать свой обязательный вечерний звонок Мэтти и детям, а Хэнк и команду пригласили в горячее ночное местечко с еще более горячими официантками.

– Десять дней без женского общества, все только босс да босс, – пожаловался Хэнк. – Надо расслабиться.

– Помните, где вы, – предупредил его Шаса. – В этой стране черный бархат – добыча королей.

– Девки, которых я сегодня видел, стоят пяти лет каторжных работ, – усмехнулся Хэнк.

– Знаете, что у нас есть южно-африканская версия русской рулетки? – спросил его Шаса. – Делаете так. Приглашаете цветную девушку в телефонную будку, потом звоните в полицейский взвод быстрого реагирования и смотрите, кто появится первым.

Не рассмеялась только Китти, и Шаса встал.

– Надо просмотреть кое-какие бумаги. Попрощаемся утром за завтраком.

²⁷ Удар копьём.

У себя в номере он быстро побрился, принял душ и облачился в шелковый халат. А когда проверял, есть ли в баре лед, в дверь номера легко постучали.

На пороге с трагическим видом стояла Китти.

– Я вам помешала?

– Нет, конечно нет. – Он открыл перед ней дверь, она вошла и остановилась, глядя в окно.

– Хотите выпить на ночь? – спросил Шаса.

– А что вы пьете?

– «Ржавый гвоздь».

– Хочу – что бы это ни было.

Когда он смешивал драмбуи с солодовым виски, она сказала:

– Я пришла поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали в последние десять дней. Нам будет трудно попрощаться.

Он принес бокалы туда, где она стояла на середине комнаты, но, когда подал ей бокал, Китти взяла оба и поставила на кофейный столик. Потом встала на цыпочки, обняла его обеими руками за шею и подняла лицо для поцелуя.

Губы у нее были мягкие и сладкие, как теплый шоколад. Ее язык медленно проник Шасе в рот. Когда наконец их губы с мягким влажным чмоканием разошлись, он наклонился, просунул руку ей под колени, поднял и прижал к груди. Она вцепилась в него, уткнулась лицом в шею, и Шаса отнес ее в спальню.

У нее оказались стройные бедра, плоский мальчишеский живот и белые, круглые и твердые, как пара страусовых яиц, ягодицы. Как и лицо, тело ее казалось детским и незрелым, за исключением упругих маленьких персиков грудей и поразительно густых темных волос в низу живота, но, когда Шаса коснулся их рукой, то с удивлением обнаружил, что они тонкие, как шелк, и мягкие, как дым.

Китти занималась любовью так искусно, что все ее движения казались естественными и спонтанными. Она не стеснялась говорить ему, чего от него хочет, в самых грубых, непристойных выражениях, и эти непристойности в ее мягких и таких невинных устах оказались потрясающе эротичными. Китти увела его на те высоты, куда он раньше редко поднимался, и он познал абсолютное удовлетворение.

Когда уже светало, она прижалась к нему и прошептала:

– Не знаю, смогу ли расстаться с тобой после этого.

В зеркале на противоположной стене он видел ее лицо, хотя она об этом не подозревала.

– Черт побери, я не могу тебя отпустить, – прошептал он в ответ. – Не важно, во что это мне обойдется, но ты полетишь со мной в *Сперргебит*.

В зеркале он видел ее самодовольную улыбку. Он был прав: Китти Годольфин использует свою сексуальность, как козырь в бридже.

В аэропорту ее команда под присмотром Дэвида Абрахамса укладывала оборудование в «Дав», когда во второй машине компании подъехали Китти и Шаса. Китти выпрыгнула и сразу направилась к Дэвиду.

– Как вы собираетесь это сделать, Дэви? – спросила она, и он удивленно посмотрел на нее.

– Не понимаю вопроса.

– Вам придется подделать летный план? – настаивала Китти. Все еще недоумевая, Дэвид взглянул на Шасу. Шаса пожал плечами, а Китти начала раздражаться.

– Вы хорошо знаете, что я имею в виду. Как вы собираетесь скрыть тот факт, что мы без разрешения летим в *Сперргебит*?

– Без разрешения? – переспросил Дэвид и достал из внутреннего кармана летной куртки пачку бумаг. – Вот разрешения. Выданы неделю назад – кошерные и правильные.

Китти повернулась и молча взглянула на Шасу, но тот не хотел смотреть ей в глаза и сделал вид, что обходит «москит» и осматривает его.

Они не разговаривали, пока Шаса не поднял самолет на двадцать тысяч футов и не положил на курс. Тогда голос Китти в наушниках сказал:

– Сукин сын.

Голос дрожал от ярости.

– Китти, моя дорогая. – Шаса повернулся и улыбнулся ей под кислородной маской, его единственный глаз счастливо блестел. – Мы оба получили что хотели и вдобавок неплохо развлеклись. На что ты сердишься?

Она отвернулась и уставилась вниз, на величественные, цвета львиной шкуры горы Комас Хохланд. Шаса предоставил ей дуться. Несколько минут спустя он услышал в наушниках необычный звук, нахмурился и наклонился, поправляя радио. И тут краем глаза увидел, что Китти согнулась в кресле и неудержимо трясется, а этот необычный звук исходит от нее.

Он тронул ее за плечо, и она повернулась к нему лицом, раздувая щеки, багровея от сдерживаемого смеха, из углов глаз катились слезы. Больше сдерживаться она не могла и захохотала.

– Ах ты хитрая дрянь, – сказала она наконец. – Ах ты коварное чудовище... – и больше членораздельно говорить не могла: ею овладел смех.

Много времени спустя она утерла слезы.

– Мы с тобой отлично поладим, – объявила она. – У нас мысли одинаковые.

– И физически мы друг другу подходим, – заметил он. Китти сдвинула кислородную маску, прислонилась к нему и протянула губы. Язык у нее был мускулистый и гибкий, как угорь.

* * *

Для Шасы время в пустыне пронеслось чересчур быстро: с тех пор как они стали любовниками, он находил бесконечную радость в том, чтобы проводить время с Китти. Ее быстрый, пылкий ум стимулировал Шасу, а ее наблюдательный взгляд заставлял его видеть старое и знакомое по-новому.

Вдвоем они наблюдали и снимали, как гигантские желтые гусеничные бульдозеры разгребают уступчатые террасы там, где когда-то было морское дно. Шаса объяснял Китти, как когда-то, когда земная кора была еще мягкой и магма прорывалась сквозь нее наружу, этот зеленовато-желтый поток уносил алмазы, создающиеся в глубине под огромным давлением при высоких температурах.

В те древние времена великие реки под бесконечными дождями прорезали землю на своем пути к морю, вымывая при этом алмазы, и те накапливались в углублениях и неправильностях морского дна близ устьев рек. Возникающий материк перемещался и шевелился, старое морское дно поднималось над поверхностью. Реки давным-давно высохли или повернули, осадочные отложения покрыли террасы-уступы, скрыв при этом углубления с алмазами. Нужен был гений Твентимен-Джонса, чтобы определить древние русла. Используя аэрофотосъемку и врожденное шестое чувство, он указал расположение древних террас.

Китти и ее команда снимали, как песок и камни, нагроможденные ножами бульдозеров, просматривают и просеивают, потом продувают огромными вентиляторами со множеством лопастей, пока не остаются только драгоценные камни – одна часть на десять миллионов.

Пустынными ночами в домах горняцких поселков, где не было кондиционеров, жара не давала уснуть. Шаса устроил в дюнах, где витал легкий перечный запах пустыни, гнездышко из одеял, и они любили друг друга при свете звезд.

Шаса показал Китти стадо сернобыков. Каждая антилопа была размером с пони, но с изумительной черно-белой маской и тонкими рогами, прямыми и длинными; эти животные послужили прообразом мифических единорогов. Прекрасные животные, настолько приспособившиеся к жизни в пустыне, что не нуждались в поверхностной воде и могли прожить только на росе, покрывающей серебристую, обожженную солнцем траву. Шаса и Китти завороженно смотрели, как антилопы, словно по волшебству, растворились в мерцании перегретого воздуха, превратившись перед исчезновением на горизонте в дергающихся черных головастиков.

– Я здесь родился. Где-то в этой пустыне, – рассказывал Шаса, когда они стояли рука об руку на вершине дюны и смотрели вниз, где в тысяче футов отсюда, у подножия песчаной горы оставили свой джип.

Шаса рассказал, как в этих страшных местах Сантэн выносила его в чреве, одинокая и потерянная, и только двое маленьких бушменов были ее проводниками и спутниками; как бушменка, в память которой названа шахта Х'ани, стала его повитухой и назвала Шасой – «хорошей водой», в честь самого драгоценного в ее мире.

Окружавшие их красота и величие действовали на обоих, в уединении они сблизилась, и к исходу дня Шаса искренне решил, что любит Китти и хочет провести с ней остаток жизни.

Они вместе наблюдали, как солнце клонится к красным дюнам, а небо превращается в щит из горячей бронзы, усеянный отарами белых облаков, как следами ударов молота небесного кузнеца. По мере того как небо остывало, его цвет менялся на красновато-коричневый, оранжевый, насыщенно пурпурный, пока солнце не село за дюны – и в миг, когда оно исчезло, случилось чудо.

Оба изумленно ахнули, когда в неслышном взрыве все небо вспыхнуло пронзительной зеленью. Длилось это ровно столько, сколько они сдерживали дыхание, но в эти мгновения небо было зеленым, как океанские глубины или лед в трещинах высокой горы айсберга. И тотчас этот цвет исчез, сменившись тусклым металлом сумерек. Китти молча, с вопросом во взгляде, повернулась к Шасе.

– Мы видели это вместе, – негромко сказал Шаса. – Бушмены называют это Зеленым Питоном. Можно всю жизнь провести в пустыне и ни разу его не увидеть. Я сам видел это впервые.

– А что это значит? – спросила Китти.

– Бушмены считают Зеленого Питона самым благоприятным из всех многочисленных знамений. – Он взял ее за руку. – Они говорят, что увидеть Зеленого Питона – особое благословение, а мы видели его вместе.

В меркнувшем свете они спустились по склону дюны туда, где Шаса оставил джип, по колено погружаясь в мягкий теплый пушистый песок и со смехом хватаясь друг за друга в поисках поддержки.

Когда они добрались до джипа, Шаса взял Китти за плечи, повернул к себе лицом и сказал:

– Я не хочу, чтобы это закончилось, Китти. Будь со мной. Выходи за меня. Я дам тебе все, что может предложить жизнь.

Она запрокинула голову и рассмеялась ему в лицо.

– Не дури, Шаса Кортни. То, чего я хочу от жизни, ты мне дать не можешь, – сказала она. – Было забавно, но это не настоящее. Мы можем оставаться хорошими друзьями, сколько захочешь, но у нас разные дороги.

На следующий день, когда они прилетели в Виндхук, в номере ее команды ждала адресованная ей телеграмма, приколотая к доске. Китти быстро прочла ее. А когда подняла голову, больше не видела Шасу.

– Наметился новый сюжетик, – сказала она. – Мне пора.

– Когда я снова тебя увижу? – спросил Шаса, и она взглянула на него как на совершенно незнакомого человека.

– Не знаю.

Час спустя она со своей командой улетела коммерческим рейсом в Йоханнесбург.

* * *

Шаса был зол и унижен. Он впервые готов был предложить Таре развод ради другой женщины, впервые вообще думал об этом, – а Китти посмеялась над ним.

Существовали хорошо изведенные способы рассеять гнев. Например охота. Когда охотничья страсть горела в крови, когда буйвол, большой, как гора, и черный, как смоль, с громовым топотом летел на него и кровавая слюна капала с его морды, блестели острые полированные концы рогов, а в маленьких поросячьих глазках горела жажда убийства, мир для Шасы переставал существовать. Но сейчас был сезон дождей, и охотничьи территории на севере стали болотистыми, влажными, малярийными, а трава поднялась выше головы человека. Охотиться при этом невозможно, и Шаса обратился к другой панацее – охоте за богатством.

Деньги обладали для Шасы бесконечным очарованием. Без подобной одержимости он не сумел бы накопить их столько, потому что для этого требовались редкие упорство и терпение. Те, у кого нет подобных качеств, утешают себя старыми банальностями: счастье-де не купишь, а деньги – корень всего зла. Как специалист, Шаса знал, что деньги сами по себе не добро и не зло, нравственные категории на них просто не распространяются. Он знал, что у денег нет совести, но в них заложен огромный потенциал и добра, и зла. Лишь хозяин денег делает выбор между добром и злом, и этот выбор называется властью.

Даже когда он считал, что полностью поглощен Китти Годольфин, его чутье не дремало. Шаса почти подсознательно отметил крошечные белые точки в глубинах атлантического Бенгуэльского течения. Не прошло и часа с тех пор, как Китти Годольфин исчезла из его жизни, а он уже ворвался в контору «Горно-финансовой компании Кортни» на главной улице Виндхука и принялся требовать цифры и документы, звонить по телефону, приглашать юристов и бухгалтеров, обращаться за услугами к тем, кто занимал высокие посты в правительстве, приказывать подчиненным перерыть архивы регистратур и местных газет, собирать орудия своего ремесла: факты, цифры и влияние, и счастливо забываться в них, как курильщик опиума со своей трубкой.

Прошло целых пять дней, прежде чем он смог свести все воедино и проделать окончательный анализ. Он держал при себе Дэвида Абрахамса, потому что в подобной ситуации Дэвид служил отличным резонатором, и Шаса любил бросить ему мысль и поймать рикошет.

– Итак, вот как это выглядит, – начал подведение итогов Шаса. В зале заседаний под великолепными фресками Пернифа, которые Сантэн заказала, когда художник был в расцвете сил, сидело пять человек: Шаса, Дэвид, местный управляющий, секретарь и юрист-немец из Виндхука, которого Шаса постоянно держал в штате компании.

– Мы словно спали на ходу. За последние три года прямо у нас под носом расцвела промышленность, которая за прошлый год принесла двадцать миллионов фунтов дохода – вчетверо больше, чем шахта Х’ани, и мы это допустили.

Он, как одноглазый циклоп, уставился на местного управляющего, требуя объяснений.

– Мы знаем о возобновлении промышленного лова рыбы в Китовом заливе, – начал оправдываться этот несчастный джентльмен. – Объявления о выдаче лицензий на лов сардины публиковались в газетах, но мы полагали, что это не связано с нашей деятельностью.

– При всем моем к вам уважении, Фрэнк, такие решения я оставляю за собой. Ваше дело – передавать мне информацию. Любую информацию.

Это было сказано негромко, но трое местных работников не заблуждались: им делали строжайший выговор. Все уткнулись в свои записи. Десять минут царила тишина: Шаса давал им возможность усвоить урок.

– Хорошо, Фрэнк, – приказал Шаса. – Расскажите нам то, что должны были рассказать три-четыре года назад.

– Что ж, мистер Кортни, ловлей и переработкой сардины в Китовом заливе занялись в начале тридцатых годов, и вначале успешно, но потом промысел пострадал из-за всеобщей депрессии; с примитивными методами ловли рыбы тех дней он не устоял. Фабрики закрылись и стояли заброшенные.

Слушая Фрэнка, Шаса мысленно возвращался в детство. Он вспомнил свой первый приезд в Китовый залив и удивленно моргнул: с тех пор прошло двадцать лет. Они с Сантэн приехали в ее желтом «даймлере» требовать возврата займа, данного рыболовной и консервной компании Лотара Деларея, и закрыть его фабрику. То были тяжелые годы депрессии, и компании Кортни выжили только благодаря мужеству и решимости его матери – и ее безжалостности.

Он помнил, как Лотар Деларей, отец Манфреда, упрашивал его мать продлить заем. Его траулеры, полные рыбы, стояли у причала, но судебный пристав по приказу Сантэн опечатал двери фабрики.

В тот день Шаса впервые встретился с Манфредом Делареем. Манфред был выше и сильнее Шасы, босоногий, коротко стриженный, дочерна загорелый, он был одет в выгоревшую рыбацкую куртку-джерси и защитно-зеленые штаны; все это было вымазано рыбьей слизью, в то время как Шаса был в безупречных серых брюках, белоснежной рубашке с расстегнутым воротом, свитере с гербом школы и начищенных ботинках.

Два мальчика из разных миров, они столкнулись нос к носу на причале, и их вражда вспыхнула мгновенно, «шерсть на загривках» встала дыбом, как у псов, и несколько минут спустя едкие насмешки сменились ударами; они яростно колотили друг друга, а цветные моряки с траулеров радостно окружили их. Шаса прекрасно помнил взгляд светлых яростных глаз Манфреда, когда оба они упали с причала в груз скользких, вонючих дохлых сардин, и снова пережил то страшное унижение, которое испытал, когда Манфред вдавил его голову в трясину дохлой рыбы и он начал тонуть в этой слизи.

Он резко вернулся в настоящее и услышал слова управляющего:

– В настоящее время правительство выдало четыре лицензии на ловлю и переработку сардины в Китовом заливе. Департамент рыбной ловли устанавливает каждому владельцу лицензии годовую квоту добычи. В настоящее время она составляет двести тысяч тонн.

Шаса думал о том, какую прибыль способно принести такое количество рыбы. Согласно опубликованным отчетам каждая из четырех фабрик в прошлом финансовом году принесла по два миллиона фунтов прибыли. Шаса знал, что способен улучшить этот показатель, вероятно, удвоить его, но, кажется, такой возможности у него не будет.

– Обращение в департамент рыбной ловли и к высшим властям... – Шаса лично приглашал на ужин администратора территории, – подтвердило тот факт, что новых лицензий выдавать не будут. Единственная возможность получить место в этой промышленности – перекупить одну из лицензий.

Шаса сардонически улыбнулся: к двум из четырех компаний он уже обратился. Владелец первой в трогательно красноречивых выражениях предложил Шасе совершить с самим собой противоестественный половой акт, а второй назвал сумму, с которой он готов был начать переговоры, – число с таким количеством нулей, что их вереница уходила за горизонт. Несмотря на мрачное выражение, Шаса наслаждался: именно в таких ситуациях, кажу-

щихся безнадежными, но способных принести невероятную прибыль, если удастся преодолеть препятствия, он чувствовал себя как рыба в воде.

– Мне нужен подробный анализ бюджета всех четырех компаний, – приказал он. – Кто-нибудь знаком с директором фабрик?

– Да, но к нему не подступишься, – предупредил Фрэнк, который знал, в каком направлении движется мысль Шасы. – Кулаки у него сжаты, а если попытаться просунуть в них небольшой подарок, он так развоняется, что слышно будет в Верховном Суде в Блумфонтейне.

– К тому же лицензии – вне его юрисдикции, – подхватил секретарь компании. – Лицензии выдает непосредственно министерство в Претории, и их больше не будет. Четыре – это предел. Решение министра.

Шаса еще пять дней оставался в Виндхукке, проверяя все возможные подходы и шансы чрезвычайно тщательно и дотошно, в чем отчасти заключалась его сила, но к исходу этого срока был не ближе к получению лицензии, чем в тот день, когда увидел маленькие белые траулеры на зелени океана. Единственное, чего ему удалось добиться, – он на целых десять дней забыл маленькую злобную ведьму Китти Годольфин.

Однако когда он наконец признал, что, оставаясь в Виндхукке, ничего не добьется, и сел на место пилота в «моските», пустое пассажирское кресло Китти Годольфин насмешливо подмигнуло ему. Повинуясь внезапному порыву, вместо того чтобы лететь прямо в Кейптаун, Шаса повернул на запад и направился к побережью, к Китовому заливу, чтобы бросить последний взгляд на это место, прежде чем окончательно отказаться от своей идеи.

Когда «москит» начал спускаться с континентального высокогорья к побережью, что-то еще, кроме мысли о Китти, не давало Шасе покоя. Какая-то тень сомнения, смутное ощущение, что он в своем расследовании упустил что-то очень важное.

Он увидел впереди океан, окутанный туманом, рожденным холодным течением при столкновении с материком. Высокие дюны цвета спелой пшеницы и меди свивались друг с другом, как выводок гадюк с бритвенно-острыми спинными гребнями. Шаса повернул самолет и полетел вдоль бесконечного берега, на который то и дело снежно-белыми шеренгами обрушивался прибой, и наконец увидел острые рога залива, уходящие в беспокойный океан. Маяк на мысе Пеликан подмигнул ему сквозь облака тумана.

Шаса сбросил скорость и начал спускаться, задевая верхний край клочьев тумана; в разрывах он видел работающий флот траулеров. Суда держались вблизи суши, на краю течения. У некоторых были полные сети, и Шаса видел, как блестит серебряное сокровище, которое моряки медленно поднимают на поверхность. Над траулерами висел мерцающий белый занавес из морских птиц, жадно ожидающих приглашения на пир.

В миле впереди виднелось еще одно судно, выписывающее на воде арабски в погоне за другим косяком.

Шаса потянул закрылок и, резко повернув «москит», пролетел над траулером, чтобы посмотреть, как разворачивается охота. Он увидел косяк, темную тень, словно в зеленые воды пролили тысячу галлонов чернил, и поразился его размерам: сотня акров сплошной рыбы, каждая в отдельности – не длиннее руки, но вместе – гигантский левиафан.

«Миллионы тонн в одном косяке», – прошептал он, а когда перевел это в финансовые понятия, им вновь овладела страсть к приобретательству. Он понаблюдал сверху, как траулер окружает сетью ничтожную часть косяка, потом выровнял машину и на высоте ста футов над клубами тумана направился к входу в залив. У края моря стояли здания четырех фабрик, каждая со своим особым причалом, выступающим в мелкую воду. Из всех труб валил черный дым.

«Какая из них принадлежала старому Деларею?» – гадал он. На каком из этих причалов он дрался с Манфредом и в итоге оказался с носом и ртом, полными рыбьей слизи? Он печально улыбнулся этому воспоминанию.

– Должно быть, дальше к северу. – Он попытался уйти на двадцать лет в прошлое. – Не так близко к излучине залива.

Шаса снова повернул самолет, полетел вдоль берега и через милю увидел торчащие из воды прогнившие черные сваи, а на берегу – здание старой фабрики с провалившейся крышей.

Он еще два раза пролетел над этим местом – так низко, что пропеллеры поднимали пыль на верхушках дюн. На обращенной к морю стене фабрики (железо прогнулось и покрылось рыжей ржавчиной) он прочел:

ЮГО-ЗАПАДНАЯ АФРИКАНСКАЯ РЫБОЛОВНАЯ И
КОНСЕРВНАЯ К° ЛТД

Шаса увеличил скорость и начал полого поднимать «москит», снова ложась на курс к Виндхуку. Кейптаун и обещание Изабелле и сыновьям до уик-энда прилететь домой были забыты. Дэвид Абрахамс улетел в «Даве» в Йоханнесбург сегодня утром на несколько минут раньше Шасы, поэтому в Виндхуке поручить поиски некому. Шаса сам отправился в регистрационную палату и за час до того, как контора закрылась на выходные, нашел то, что искал.

Лицензия на ловлю и обработку сардин была датирована 20 сентября 1929 года и подписана администратором территории. Выдана на имя Лотара Деларея из Виндхука, срока прекращения действия лицензии нет. Она и сегодня действительна.

Шаса погладил пожелтевший, потрескавшийся документ, любовно расправил его на сгибах, восхищаясь алыми штампами налоговой инспекции и выцветшей подписью администратора. Свыше двадцати лет пролежала эта бумага, забытая в темных ящиках... Он попытался прикинуть стоимость этого листка. Пять миллионов фунтов – несомненно, пять миллионов фунтов – возможно. Он торжествующе улыбнулся и попросил клерка снять нотариально заверенную копию.

– Это вам дорого обойдется, сэр, – фыркнул клерк. – Десять фунтов шесть шиллингов за копию и еще два фунта за засвидетельствование.

– Дорого, – согласился Шаса, – но я могу себе это позволить.

* * *

Лотар Деларей, одетый лишь черные купальные трусы, прыгал по влажным черным камням, устойчивый на ногах, как горный козел. Одной рукой он держал легкую удочку, а другой – тонкую леску, с которой свисала маленькая серебряная рыбка.

– Поймал! – восторженно кричал он, и Манфред Деларей встал. Он задумался; даже сейчас, в редкие минуты отдыха, его мозг был сосредоточен на деятельности министерства.

– Отлично, Лотти.

Он встал и поднял лежавшую рядом тяжелую бамбуковую удочку для ловли в прибое. Посмотрел, как сын отцепляет рыбку-приманку и протягивает ему. Взял рыбку. Она была холодной, упругой и скользкой, а когда он вонзил в ее плоть большой крючок, крошечный спинной плавник встал дыбом, и рыбка лихорадочно задергалась.

– Да, ни один старина коб не устоит перед таким. – Манфред показал сыну живую наживку, давая ему возможность восхититься. – Выглядит так аппетитно, что я готов съесть ее сам.

Он поднял тяжелое удилище.

С минуту он наблюдал за прибоем внизу на скалах, потом выбрал момент и побежал вниз, двигаясь легко для такого рослого человека. Пена залила ему ноги. Он приготовился и взмахнул длинной удочкой. Живая наживка быстро описала длинную, высокую дугу на солнце и ударилась о воду в ста ярдах, за первой линией прибоя.

Манфред отбежал: накатывала новая волна. Держа удилище на плече и позволяя леске разматываться с большой катушки «скарборо», он опередил гневную белую волну и уселся на камень на прежнее место.

Ткнул основание удилища в щель и сунул туда же старую потрепанную фетровую шляпу, чтобы оно держалось. Сел на подушку, прислоняясь спиной к камню, и сын сел рядом с ним.

– Хорошая вода для коба, – сказал Манфред. Море было бесцветное и мутное, как домашнее имбирное пиво: самые подходящие условия, чтобы поймать добычу, которая ему нужна.

– Я обещал маме, что принесу рыбу для засолки, – сказал Лотар.

– Никогда не считай коба своим, пока он у тебя не в бочке для засола, – посоветовал Манфред, и мальчик рассмеялся.

Манфред никогда не притрагивался к нему в присутствии других, даже матери и сестер, но помнил, как в его годы радовался, когда отец обнимал его, и временами, когда они оставались вдвоем, как сегодня, позволял себе проявить истинные чувства. Его рука соскользнула с камня и легла мальчику на плечи. Лотар застыл от радости и с минуту не смел даже дышать. Потом медленно прислонился к отцу, и они молча смотрели, как длинный конец удилища раскачивается в одном ритме с дыханием океана.

– Итак, Лотти, ты уже думал, что будешь делать, когда окончишь «Пол Рос»?

«Пол Рос» – ведущая африкандерская школа в Капской провинции, южно-африканский эквивалент Итона и Харроу²⁸ для африкандеров.

– Думал, папа, – серьезно ответил Лотар. – Я не хочу учиться юриспруденции, как ты, и думаю, что медицина мне не по зубам.

Манфред покорно кивнул. Он смирился с тем, что в учебе Лотар не демонстрирует особых достижений, он просто хороший средний ученик. Он проявляет себя в других областях. Уже совершенно очевидны его способности лидера, решительность и мужество; к тому же у него исключительные спортивные данные.

– Я хочу поступить в полицию, – неуверенно сказал мальчик. – Когда окончу «Пол Рос», хочу поступить в полицейскую академию в Претории.

Манфред молчал, пытаясь скрыть удивление. Это, пожалуй, последнее, о чем подумал бы он сам.

Наконец он сказал:

– Я, почему бы и нет? У тебя должно получиться. – Он кивнул. – Это хороший выбор – жизнь, посвященная служению своей стране и Volk'у. – Чем больше он об этом думал, тем лучше понимал, что Лотар сделал самый верный выбор – и, конечно, то, что его отец – министр внутренних дел, нисколько не повредит карьере мальчика. Он надеялся, что мальчик задержится на этом поприще. – Я, – повторил он. – Мне нравится.

– Папа, я хотел спросить... – начал Лотар, но конец удилища дернулся, подскочил и изогнулся; старая шляпа Манфреда выскользнула; со свистом начала разматываться катушка.

Отец и сын вскочили, и Манфред схватил тяжелый бамбуковый стержень и откинулся назад, чтобы крючок впился прочнее.

²⁸ Старейшие привилегированные мужские школы в Великобритании, в которых учатся в основном выходцы из аристократических семей; Итон основан в 1400 году, Харроу – в 1571.

– Ну и чудовище! – крикнул он, чувствуя тяжесть рыбы; катушка продолжала разматываться, и Манфред, даже прижав леску рукой в кожаной рукавице к борту катушки, не мог помешать этому. Через несколько секунд от лески и рукавицы поднялся голубой дымок.

Когда казалось, что еще несколько оборотов – и леска сорвется с катушки, рыба остановилась; в двухстах ярдах от них в дымной серой воде она упрямо дергала крючок из стороны в сторону, и конец удилища бил Манфреда по животу.

Лотар пританцовывал рядом, выкрикивая слова одобрения и советы, а Манфред подтягивал рыбу, проворачивая катушку на несколько оборотов, пока та не оказалась почти смотана вновь. Он уже ожидал увидеть добычу, бьющуюся внизу меж скал, но рыба вдруг опять сильно рванула лесу, и снова пришлось тянуть изо всех сил.

Наконец они увидели ее, глубоко в воде под скалами: ее бока, когда на них падало солнце, блестели, как зеркало. Манфред потащил ее так, что удилище изогнулось, точно лук, и рыба тяжело начала приближаться, дергаясь туда-сюда в волнах прибоя, сверкая великолепными радужными оттенками розового и жемчужного, устало разевая большую пасть.

– Багор! – крикнул Манфред. – Давай, Лотти, быстрее!

Мальчик с багром в руках прыгнул к самому краю воды и вонзил острие в бок рыбы возле головы, сразу под жабрами. Вода окрасилась розовой кровью, и Манфред отбросил удилище и прыгнул вниз, помочь Лотару с багром.

Вдвоем они вытащили из воды рыбу, бьющуюся и норовящую удрать.

– Да в ней не меньше ста фунтов! – возбужденно говорил Лотар. – Маме и девочкам придется до полуночи возиться с ней.

Лотар взял удочки и ящик с рыболовными снастями, а Манфред, продев рыбе в жабры веревку, перекинул добычу через плечо, и отец с сыном пошли обратно по изгибу белого берега. На скалах следующего мыса Манфред, чтобы передохнуть, на несколько минут опустил рыбу. Когда-то он был боксером, олимпийским чемпионом в полусреднем весе, но поправился, живот у него стал мягче и больше, появилась одышка.

«Слишком много времени провожу за письменным столом», – печально подумал он и присел на черный валун. Вытирая лицо, он огляделся.

Это место всегда радовало его. Его печалило, что дела оставляли чересчур мало времени приходить сюда. В давние студенческие дни он со своим другом Рольфом Стандером рыбачил и охотился на этом диком, нетронutom побережье. Эта земля сотни лет принадлежала семье Рольфа, и Рольф не уступил бы ни малейшего ее кусочка никому, кроме Манфреда.

В конце концов он продал Манфреду сто акров за один фунт.

– Не хочу наживаться на старых друзьях, – со смехом отверг он предложенную Манфредом тысячу. – Давай только запишем в договоре, что я имею преимущественное право выкупить ее обратно за ту же цену – в случае твоей смерти или если захочешь продать.

За мысом, где они сидели, стоял построенный Манфредом и Хайди, с оштукатуренными стенами, крытый тростником дом, – единственный признак присутствия человека. Летний домик самого Рольфа был за соседним мысом, но близко, туда легко было дойти пешком, и семьи могли встречаться во время отпуска.

С этим местом было связано много воспоминаний. Манфред посмотрел на море. Именно здесь поднялась на поверхность немецкая подводная лодка, которая привезла его на родину в начале войны. Рольф ждал на берегу и приплыл из темноты на лодке, чтобы перевезти на сушу Манфреда и его снаряжение. Какие это были безумные, полные острых ощущений дни – дни опасности и борьбы; они пытались поднять африкандерский Volk на восстание против прислужника англичан Яна Кристиана Сматса и объявить Южную Африку республикой под протекторатом нацистской Германии – и как же близки они были к успеху!

Вспоминая все это, Манфред улыбнулся, и глаза его блеснули. Вот бы рассказать об этом мальчику! Лотти понял бы. Как он ни молод, он понял бы мечту африканцев о республике и гордился бы отцом. Однако рассказать нельзя будет никогда. Попытка Манфреда убить Яна Сматса и поднять восстание провалилась. Он вынужден был бежать из страны и остальные годы войны провести далеко от родины, а Рольф и другие патриоты были объявлены предателями и заключены в концентрационные лагеря, их унижали и поносили до самого конца войны.

Теперь все изменилось. Они стали хозяевами этой земли, хотя за пределами ближнего круга никто не знал, какую роль играл Манфред Деларей в те опасные годы. Они стали повелителями, и мечта о республике снова загорелась ярко, как пламя на алтаре африканских стремлений.

Мысли его прервал рев летевшего низко, над самыми головами, самолета, и Манфред посмотрел вверх. Стройная серебристо-голубая машина резко отвернула от берега к посадочной полосе за первой грядой холмов. Эту полосу построило Министерство общественных работ, когда Манфред стал министром. Ему необходимо было постоянно поддерживать тесный контакт со своим министерством, а с этой полосы военный самолет мог за несколько часов доставить его туда, где нуждались в его присутствии.

Манфред узнал самолет и понял, кто прилетел, но досадливо нахмурился, вставая и снова поднимая тяжелую рыбу тушу. Он ценил безлюдье этого места и яростно противился любым нежеланным вторжениям. Они с Лотаром двинулись последним долгим отрезком дороги к дому.

Хайди и девочки увидели их, побежали навстречу, к дюнам, окружили Манфреда, смеялись и поздравляли рыбаков. Он шел по мягкому песку, девочки за ним; рыбу повесили на стойку за кухней. Хайди пошла за фотоаппаратом, чтобы ее сфотографировать, а Манфред тем временем снял рубашку, перемазанную рыбьей кровью, встал под бак с дождевой водой и смыл кровь с рук и соль с лица.

Выпрямившись – вода лилась с его волос и текла по голой груди, – он неожиданно понял, что к ним нагрянул чужак.

– Принеси полотенце, Руда! – велел он, и старшая дочь побежала выполнять его приказ.

– Я вас не ждал, – сказал Манфред Шаса Кортни. – Я и моя семья предпочитаем быть здесь одни.

– Прошу прощения. Я знаю, что явился как незваный гость. – Обувь Шасы побелела от пыли. От полосы нужно было идти целую милю. – Но я уверен: после объяснений вы поймете, что мое дело срочное и конфиденциальное.

Манфред, подавляя раздражение, вытер лицо полотенцем и потом, когда появилась Хайди с фотоаппаратом, коротко представил ее.

Спустя несколько минут на лицах Хайди и девочек расцвели улыбки, но Лотар стоял позади отца и лишь неохотно подошел, чтобы пожать гостю руку. Он научился у отца с подозрением относиться ко всем англичанам.

– Какой великолепный коб, – восхитился Шаса при виде рыбы на стойке. – Много лет не видел такого крупного. Сейчас таких уже не встретить. Где вы его поймали?

Шаса настоял на том, чтобы снять всю семью, собравшуюся вокруг рыбы. Манфред по-прежнему был без рубашки, и Шаса заметил на его груди старый синеватый шрам. Похоже на огнестрельное ранение, но ведь была война, и теперь шрамы такого происхождения есть у многих. Думая о войне, он бессознательно поправил повязку на глазу, возвращая фотоаппарат Хайди.

– Останетесь на ланч, минхеер? – скромно спросила она.

– Не хочу мешать.

– Добро пожаловать.

Красивая женщина с большой, высокой грудью и широкими, носившими плод бедрами. Волосы у нее густые, светло-золотистые; она заплела их в толстую косу, которая спускается почти до талии. Но Шаса заметил выражение Манфреда Деларея и быстро переключился на него.

– Моя жена права. Добро пожаловать. – Врожденное представление африкандера о гостеприимстве не оставляло Манфреду выбора. – Пойдемте. Посидим на веранде, пока женщины не позовут к столу.

Манфред достал из ящика со льдом две бутылки пива. Усевшись в кресла друг подле друга, они поверх дюн посмотрели на ветреный пенный и синий океан.

– Помните, как мы впервые встретились? – нарушил молчание Шаса.

– Да, – кивнул Манфред. – Очень хорошо помню.

– Я возвращался туда два дня назад.

– В Китовый залив?

– Да. На консервную фабрику, на причал, где мы дрались, – Шаса запнулся, – где вы поколотили меня и сунули головой вдохлую рыбу.

Манфред довольно улыбнулся этому воспоминанию.

– Да, помню.

Шасе пришлось тщательно контролировать себя. Воспоминание было обидное, самодовольство этого человека вызывало ярость, но эпизод из детства изменил настроение Манфреда, чего и добивался Шаса.

– Странно, что тогда мы были врагами, а сейчас стали союзниками, – настаивал Шаса. Он немного помолчал, давая Манфреду возможность задуматься, потом продолжил: – Я очень тщательно обдумал ваше предложение. Хотя человеку трудно перейти на сторону противника и многие будут неверно толковать мои побуждения, сейчас я понимаю, что долг перед страной велит мне принять ваше предложение и использовать свои способности на благо страны.

– Значит, вы принимаете предложение премьер-министра?

– Да, можете сказать премьер-министру, что я войду в правительство, но в свое время и на своих условиях. Я не стану принимать вашу сторону во время работы парламента, но когда накануне выборов он будет распущен, выйду из состава Объединенной партии и вступлю в Националистическую.

– Хорошо, – кивнул Манфред. – Достойный выход.

Шаса понимал, что достойного выхода нет, и какое-то время молчал, прежде чем продолжить.

– Я благодарен вам за участие, минхеер. Я знаю, именно благодаря вам мне представилась такая возможность. Ввиду того, что произошло между нашими семьями, это исключительный поступок.

– В моем решении нет ничего личного, – покачал головой Манфред. – Просто для этой работы потребовался самый лучший человек. Я не забыл, что сделала ваша семья с моей, – и никогда не забуду.

– Я тоже никогда не забуду, – негромко сказал Шаса. – Я унаследовал вину – справедливо или нет, я никогда не узнаю. Однако я хотел бы чем-то расплатиться с вашим отцом.

– Каким образом, минхеер? – тихо спросил Манфред. – Чем вы можете воздать ему за потерю руки и за годы в тюрьме? Как заплатите за тот ущерб, который причинило заключение душе человека?

– Я никогда не смогу полностью возместить ущерб, – согласился Шаса. – Однако у меня внезапно возникла возможность вернуть вашему отцу большую часть того, что у него отобрали.

– Продолжайте, – сказал Манфред. – Я слушаю.

– В 1929 году ваш отец получил лицензию на лов рыбы. Я проверил архивы. Лицензия по-прежнему действительна.

– Зачем сейчас старику рыбацкая лицензия? Вы не понимаете: физически и морально он развалина.

– Рыбная промышленность в Китовом заливе возродилась и процветает. Количество выданных лицензий строго ограничено. Лицензия вашего отца стоит больших денег.

Он увидел перемену во взгляде Манфреда, быстрые искорки интереса.

– Вы полагаете, отец может ее продать? – тяжело спросил тот. – Кстати, не вы ли заинтересованы в покупке?

Он язвительно улыбнулся.

Шаса кивнул.

– Конечно, я бы хотел ее купить, но для вашего отца это не лучший выход.

Улыбка Манфреда дрогнула: такого он не ожидал.

– Мы можем снова открыть фабрику, на паях, по этой лицензии. Ваш отец вкладывает лицензию, а я – свой капитал и навыки предпринимателя. Через год-два доля вашего отца будет стоить миллион фунтов.

Шаса говорил, а сам внимательно наблюдал за Манфредом. Это было не просто деловое предложение. Это была проверка. Шаса хотел пробить гранитную оболочку этого человека, проникнуть под броню пуританской праведности. Выявить слабые места. Найти лазейки, которые мог бы использовать позже.

– Миллион фунтов, – повторил он. – А то и гораздо больше. – И снова – всего на мгновение – увидел в этих желтых глазах искорки алчности. В конце концов Деларей тоже человек. «Сейчас я смогу иметь с ним дело», – подумал Шаса и, чтобы скрыть облегчение, раскрыл лежавший на коленях дипломат.

– Я разработал проект соглашения, – он достал стопку машинописных листков, – можете показать его отцу и обсудить с ним.

Манфред взял у него листки.

– *Ja*, я увижусь с ним, когда на следующей неделе вернусь домой.

– Есть одна небольшая сложность, – признался Шаса. – Лицензия выдана давно. Министерство захочет прекратить ее действие. Они намерены сохранить всего четыре действующие лицензии.

Манфред поднял голову от контракта.

– Ну, это пустяки, – сказал он, и Шаса поднес к губам бокал с пивом, чтобы скрыть улыбку. У них появилась первая общая тайна. Манфред Деларей использует свое влияние в личных целях. Девственность утрачена, в следующий раз будет гораздо легче.

Шаса с самого начала понимал, что в правительстве африкандерских националистов он будет чужаком. Ему отчаянно требовался надежный союзник, а если этого союзника можно было бы привязать общими финансовыми интересами и несколькими общими тайнами, он был бы верен и безвреден. Только что он добился того, что принесет ему большую прибыль и одновременно укрепит договор. Я сегодня молодец, подумал он, со щелчком закрывая дипломат.

– Хорошо, минхеер. Благодарю, что уделите мне время. А теперь мне пора. Наслаждайтесь остатком отпуска без помех.

Манфред посмотрел на него.

– Минхеер, моя жена готовит для нас обед. Она очень огорчится, если вы так скоро уйдете. – На этот раз его улыбка была искренней. – А вечером ко мне придут добрые друзья на braaivleis – барбекю. У нас достаточно свободных постелей. Оставайтесь на ночь. Улетите завтра рано утром.

– Вы очень добры.

Шаса снова опустился в кресло. Их отношения изменились, но чутье предупреждало его, что существуют скрытые глубины и что отношения по-прежнему нужно укреплять; он улыбнулся, глядя Манфреду Деларей в глаза – глаза, желтые как топаз. И почувствовал неожиданный легкий озноб, холодное дуновение из прошлого. Эти глаза преследовали его. Он пытался вспомнить. Воспоминание ускользало, но почему-то оставалось угрожающим. «Может, о детской драке?» – гадал он. Но, пожалуй, нет. Воспоминание было как будто бы более позднее и гораздо более опасное. Он почти поймал его, но тут Манфред снова взглянул на контракт, словно почувствовал, что ищет Шаса, и тень воспоминания ускользнула.

На веранду вышла Хайди Деларей – по-прежнему в переднике, но старое застиранное платье она сменила, а косу уложила на голове.

– Обед готов. Надеюсь, вы едите рыбу, минхеер Кортни.

За время обеда Шаса сумел очаровать всю семью. С Хайди и девочками было легко. Мальчик, Лотар, вел себя иначе – подозрительно и отчужденно. Однако у Шасы было трое своих сыновей, и он развлекал Лотара рассказами о полетах и охоте на крупную дичь, пока в глазах мальчика против его воли не загорелся восторженный интерес.

Когда встали из-за стола, Манфред неохотно кивнул:

– *Ja*, минхеер, я запомню, что вас нельзя недооценивать.

В тот же вечер с юга через дюны пришли гости – мужчина, женщина и четверо детей. Дети Манфреда побежали им навстречу и привели на веранду.

Во время шумной встречи двух семей Шаса держался в стороне. Очевидно, семьи связывали давние близкие отношения.

Конечно, Шаса узнал главу второй семьи. Рослый человек, еще более крупный и тяжелый, чем Манфред Деларей. Как и Манфред, он входил в команду боксеров, участвовавшую в Олимпийских играх 1936 года в Берлине. До недавнего времени он работал старшим лектором на юридическом факультете Стелленбосского университета, но недавно отказался от этой должности и стал младшим партнером юридической фирмы «Ван Шор, Деларей и Стандер»; несколько лет назад после смерти старого Ван Шора Манфред Деларей стал старшим партнером в этой фирме.

Помимо адвокатской практики Рольф Стандер взял на себя обязанности главного партийного организатора при Манфреде и вел его кампанию 1948 года. Хотя сам он не был членом парламента, но пользовался влиянием в Националистической партии, и Шаса понимал, что Стандер почти наверняка член «Broederbond» – «Братства», этого тайного общества элиты африкандеров.

Когда Манфред Деларей стал их знакомить, Шаса увидел, что Рольф его узнал и при этом смутился.

– Надеюсь, вы не станете снова кидать в меня яйца, минхеер Стандер, – сказал Шаса, и Рольф усмехнулся.

– Только если вы снова произнесете плохую речь, минхеер Кортни.

Во время выборов 1948 года, когда Шаса потерпел поражение от Манфреда Деларея, этот человек организовал группу молодчиков, которые срывали предвыборные встречи Шасы с избирателями. И хотя сейчас Шаса улыбался, его негодование было почти так же сильно, как и тогда. Срыв предвыборных встреч соперников всегда был стандартной тактикой Националистической партии. Манфред Деларей почувствовал его враждебность.

– Скоро мы будем на одной стороне, – примирительно сказал он и взял их за руки. – Давайте я вас обоих угощу пивом. Выпьем за то, чтобы все прошлое былшем поросло.

Они быстро обернулись. Шаса увидел жену Рольфа Стандера. Худую, словно ее морили голодом, а еще в ней чувствовалась какая-то усталость и покорность, и Шаса не сразу понял, что когда-то она была очень красива и до сих пор еще привлекательна. Она тоже смотрела на него, но, встретив взгляд единственного глаза Шасы, сразу потупилась.

От Хайди Деларей не ускользнул этот обмен взглядами. Она взяла женщину за руку и вывела вперед.

– Минхеер Кортни – моя подруга Сара Стандер.

– Aangename kennis, – Шаса слегка поклонился. – Рад познакомиться, мефрау.

– Здравствуйте, командир эскадрильи, – негромко ответила женщина, и Шаса заморгал. После войны он отвык от такого обращения.

– Мы встречались? – спросил он. Женщина быстро мотнула головой и сразу повернулась к Хайди, заговорив о детях. Шаса не мог дальше участвовать в разговоре: Манфред протянул ему пиво, и трое мужчин с бокалами спустились с веранды туда, где Лотар и старший сын Рольфа Якобус уже развели костер. Хотя разговор мужчин был насыщен сведениями и интересен: и Манфред, и Рольф были умными, образованными людьми, – Шаса тем не менее постоянно возвращался мыслями к худой женщине, обратившейся к нему по званию. Ему хотелось бы поговорить с ней наедине, но он понимал, что это маловероятно и опасно. Он очень хорошо знал, как ревнивы африкандеры, как покровительственно они относятся к своим женщинам и как легко стать причиной неприятного и опасного происшествия. Поэтому он держался подальше от Сары Стандер, но весь вечер украдкой наблюдал за ней и постепенно все сильнее чувствовал подводные течения между двумя семьями. Мужчины, казалось, были очень близкими и, очевидно, давними друзьями – у их дружбы определенно была многолетняя история, но с женщинами дело обстояло иначе. Они были излишне добры и заботливы друг с другом, а это несомненный признак глубоко скрытого женского антагонизма. Шаса запомнил это свое наблюдение, потому что человеческие отношения и слабости были одним из главных инструментов его профессии, но позже в тот же вечер сделал еще два важных открытия.

Он перехватил откровенный взгляд, который Сара Стандер бросила на Манфреда Деларея, когда тот смеялся с ее мужем, и сразу узнал ненависть, но того особо разъядающего типа, какую женщина испытывает к мужчине, которого когда-то любила. Эта ненависть объяснила Шасе усталость и покорность, почти уничтожившие красоту Сары Стандер. Она объяснила также вражду женщин. Хайди Деларей должна была понимать, что Сара когда-то любила ее мужа и под завесой ненависти, вероятно, любит до сих пор. Игра чувств и эмоций зачаровала Шасу. За один день он узнал столько ценного и столького достиг, что не расстроился, когда Рольф создал свою семью.

– Уже почти полночь. Идемте. Нам еще долго идти до дома.

Все достали припасенные фонарики. Последовало шумное прощание: девочки и женщины расцеловались, а Рольф Стандер и потом его сын Якобус подошли к Шасе, чтобы пожать ему руку.

– До свидания, – сказал Якобус с природной вежливостью и уважением к старшему, которые с рождения отличают любого маленького африкандера. – Я тоже хотел бы когда-нибудь поохотиться на черногривого льва.

Парень – высокий, привлекательный – был года на два-три старше Лотара; как и Лотара, его пленили охотничьи рассказы Шасы, но в нем было что-то знакомое, что преследовало Шасу весь вечер. Лотар стоял рядом с другом, вежливо улыбаясь, и Шаса вдруг понял. У обоих мальчиков одинаковые глаза – светлые кошачьи глаза Деларея. В первое мгновение он не мог этого объяснить, но тут же все встало на места. Ненависть, которую он чувствовал в Саре Стандер, получила объяснение. Отцом ее сына был Манфред Деларей.

Шаса стоял рядом с Манфредом на веранде, и они смотрели, как семья Стандеров поднимается на дюну. Метались лучи фонариков, голоса детей звенели в ночи, и Шаса гадал, сумеет ли когда-нибудь свести воедино все, что узнал сегодня, и обнаружить истинно уязвимое место Манфреда Деларея. Когда-нибудь – сумеет.

Будет нетрудно тайком просмотреть записи о родах Сары Стандер и выяснить дату рождения ее старшего сына, но как вытянуть у нее истинный смысл этого ее обращения по военному шаблону? Она назвала его «командир эскадрильи». Она его знала, несомненно, но откуда? Шаса улыбнулся. Ему нравились трудные задачи, среди его любимых писателей была Агата Кристи. Он поработает над этим.

* * *

Шаса проснулся, когда сквозь занавеси начал пробиваться серый рассвет и пара сорокопутов в кустах на ближайшей дюне начала свой сложный дуэт. Он снял пижаму, которую дал ему Манфред, надел халат, выбрался из тихого коттеджа и спустился на берег.

Он плыл нагишом в холодной зеленой воде, выбрасывая руки за голову и ныряя под белые волны прибоя, пока не выбрался на спокойную поверхность; здесь, в пятистах ярдах от суши, он поплыл вдоль берега. Вероятность нападения акулы была незначительна, но обостряла удовольствие. Когда пришло время возвращаться, Шаса оседлал большую волну, с ней добрался до берега и медленно вышел из воды, смеясь от удовольствия и радости жизни.

Он тихо поднялся по ступеням, не желая тревожить покой семьи, но уловил движение в дальнем конце веранды. В одном из кресел с книгой в руках сидел Манфред, уже побритый и одетый.

– Доброе утро, минхеер, – поздоровался Шаса. – Пойдете сегодня рыбачить?

– Сегодня воскресенье, – напомнил Манфред. – По воскресеньям я не рыбачу.

– А, да.

Шаса удивился, почему чувствует себя виноватым из-за того, что наслаждался плаванием, потом узнал старинную книгу в кожаном переплете, которую держал Манфред.

– Библия, – заметил он, и Манфред кивнул.

– Я. По утрам я каждый день прочитываю несколько страниц, но по воскресеньям, особенно когда предстоит решить трудную проблему, я прочитываю целую главу.

«Интересно, сколько глав ты прочел, прежде чем переспать с женой лучшего друга», – подумал Шаса, но вслух сказал:

– Да, библия приносит большое утешение, – и, стараясь не чувствовать себя лицемером, отправился одеваться.

Хайди устроила грандиозный завтрак с полным набором яств, от стейка до соленой рыбы, но Шаса съел только яблоко и выпил чашку кофе, прежде чем извиниться и уйти.

– По радио обещали сегодня попозже дождь. Хочу вернуться в Кейптаун до ненастья.

– Я провожу вас до полосы, – Манфред быстро встал.

Они молчали, пока не добрались до вершины гряды, и тут Манфред неожиданно спросил:

– Ваша мать... как она?

– Хорошо. Неизменно в добром здравии и, кажется, неспособна стареть. – Глядя в лицо Манфреду, Шаса продолжал: – Вы всегда спрашиваете о ней. Когда вы видели ее в последний раз?

– Она удивительная женщина, – флегматично сказал Манфред, избегая ответа на вопрос.

– Я пытался хоть как-то восполнить ущерб, который она причинила вашей семье, – не унимался Шаса, но Манфред как будто не слышал. Он остановился на полпути, словно восхищаясь видом, но дышал неровно. Шаса поднимался на холм быстро.

«Он не в форме», – злорадствовал Шаса. Его собственное дыхание оставалось ровным, а тело – стройным и упругим.

– Какая красота, – сказал Манфред, но, только когда он жестом обвел горизонт, Шаса понял, что он говорит о пейзаже. Он увидел землю от океана до синих гор Лангеберг в глубине материка, и эта земля была поистине прекрасна.

– И сказал ему Господь: «Это земля, которую я отдал Аврааму, и Исааку, и Иакову, сказав: «Отдаю ее твоему семени», – негромко процитировал Манфред. – Господь дал нам эту землю, и наш священный долг сохранить ее для наших детей. По сравнению с этим все остальное теряет значение.

Шаса молчал. Он не мог спорить с таким чувством, хотя театральность, с какой оно было выражено, его смутила.

– Нам подарили рай. Мы должны не щадя живота своего отражать попытки осквернить его или изменить, – продолжал Манфред. – А ведь многие пытаются это сделать. Они уже собирают против нас силы. И в будущем нам понадобятся сильные люди.

Шаса опять промолчал, но теперь его согласие было окрашено скептицизмом. Манфред повернулся к нему.

– Вижу, вы улыбаетесь, – серьезно сказал он. – Вы не видите угрозы тому, что мы создали здесь, на окончности Африки?

– Вы сами сказали: эта земля – рай. Кто захочет менять ее? – спросил Шаса.

– Сколько африканцев вы нанимаете, минхеер?

Манфред как будто сменил тему.

– Всего около тридцати тысяч, – удивленно ответил Шаса.

– Тогда скоро вы поймете справедливость моего предупреждения, – сказал Манфред. – Среди туземцев выросло новое поколение смутьянов. Они приносят с собой тьму. Они не уважают устои общества, столь тщательно заложенные нашими предками – и столь надежно служившие до сих пор. Нет, они хотят смести все это с лица земли. Как марксистские чудовища разорвали социальную ткань в России, так и они хотят уничтожить все, что построил в Африке белый человек.

Шаса небрежно ответил:

– Большинство нашего черного населения довольно жизнью и законопослушно. Черные дисциплинированы и привыкли подчиняться власти, их собственные племенные законы не менее строгие и связаны с ограничениями, как и те законы, что устанавливаем мы. Сколько человек агитирует против законов и каково их влияние? По моему мнению, их немного, и влияния у них нет.

– За короткий срок после окончания войны мир изменился сильнее, чем за сотни лет до того. – Манфред отдышался и говорил на своем языке убедительно и красноречиво. – Племенные законы, по которым жили наши черные, перестают действовать, когда люди покидают сельские районы и в поисках легкой жизни устремляются в города. Здесь они знакомятся с пороками белых и созревают для ересей, увлекающих во тьму. Уважение, которое они испытывали к белому человеку и его власти, легко сменяется презрением, особенно если они замечают у нас какую-нибудь слабость. Черные уважают силу и презирают слабость, и новое поколение смутьянов собирается отыскать наши слабости и обнажить их.

– Откуда вы это знаете? – спросил Шаса и сразу рассердился на себя. Он не любил банальных вопросов, но Манфред ответил серьезно:

– У нас разветвленная сеть осведомителей среди черных: только так полиция может работать эффективно. Мы знаем, что они планируют массовую кампанию неповиновения законам, особенно принятым в последние годы: закону о групповых территориях и закону о регистрации населения, а также введению пропусков. А эти законы необходимы для защиты нашего сложно устроенного общества от зла расовой интеграции и смешанных браков.

– Какую форму примет эта кампания?

– Сознательное неповиновение, нарушение законов, бойкот белого предпринимательства и забастовки на шахтах и в промышленности.

Шаса нахмурился, мысленно подсчитывая. Кампания непосредственно угрожала его фирмам.

– Саботаж? – спросил он. – Уничтожение собственности? Они все это планируют?

Манфред отрицательно покачал головой.

– Кажется, нет. Среди подстрекателей нет единства. Среди них есть даже несколько белых, старые члены коммунистической партии. Кое-кто настаивает на насильственных действиях и саботаже, но большинство готово только на мирный протест – пока.

Шаса с облегчением вздохнул, и Манфред покачал головой.

– Не слишком успокаивайтесь, минхеер. Если мы не сможем им помешать, если проявим хоть малейшую слабость, напряжение будет нарастать. Смотрите, что происходит в Кении и Малайе.

– Почему бы вам просто не задержать главарей – до того как начнется?

– У нас нет таких сил, – ответил Манфред.

– Тогда их вам должны дать.

– *Ja*, они нужны нам для успешной работы, и скоро они у нас будут. А тем временем надо позволить змее высунуть голову из норы, чтобы отрубить ее.

– Когда начнутся неприятности? – спросил Шаса. – Я должен подготовиться к забастовкам и сбоям в производстве...

– Это единственное, в чем мы не уверены. Похоже, АНК сам еще не решил...

– АНК? – перебил Шаса. – Но он не может стоять за этим. АНК существует уже сорок лет и всегда выступал за мирные переговоры. Его руководители – приличные люди.

– Были, – поправил его Манфред. – Но старых лидеров сменили новые, молодые и гораздо более опасные – Мандела, Тамбо и другие, еще страшнее. Повторю, времена меняются – и мы должны меняться с ними.

– Я не создавал, что угроза так реальна.

– Мало кто это сознает, – согласился Манфред. – Но заверяю вас, минхеер, что в нашем маленьком раю появилось змеиное гнездо.

Они молча начали спускаться к полосе, где стоял сине-серебряный «москит» Шасы. Пока Шаса залезал в кабину и готовил машину к полету, Манфред стоял у конца крыла и внимательно наблюдал за ним. Закончив все проверки, Шаса снова выбрался к нему.

– Есть верный способ нанести врагу поражение, – сказал он. – Этому новому воинственному АНК.

– Какой, минхеер?

– Опередить их. Лишить черных поводов жаловаться.

Манфред молча смотрел на Шасу непроницаемыми желтыми глазами. Потом спросил, тщательно подбирая слова:

– Вы предлагаете дать черным политические права, минхеер? Мы должны подчиниться крику попугаев «один человек – один голос», так вы считаете, минхеер?

От ответа Шасы зависели все планы Манфреда. Он подумал: неужели я мог так ошибиться в своем выборе? Ни один человек с подобными взглядами не может быть членом Националистической партии, тем более занять ответственный пост в правительстве. И он испытал огромное облегчение, когда Шаса презрительно отверг это предположение.

– Боже, конечно нет! Это покончило бы и с нами, и с белой цивилизацией на этой земле. Черным не нужен голос, им нужен кусок пирога. Мы должны поддержать создание среднего класса в среде черных, он станет нашим буфером против революционеров. Никогда не видел, чтобы сытый человек с полным кошельком хотел перемен.

Манфред усмехнулся.

– Хорошо, мне нравится. Вы правы, минхеер. Нужны огромные средства, чтобы платить за нашу концепцию апартеида. Она дорого обходится, мы признаем это. Потому мы и выбрали вас. Мы ждем, что вы найдете деньги для нашего будущего.

Шаса протянул руку, и Манфред пожал ее.

– Лично я, минхеер, рад был узнать, что ваша супруга прислушалась к вашему совету. Отчеты тайной полиции свидетельствуют, что она больше не принимает участия в политических протестах.

– Я убедил ее в том, что эти протесты тщетны, – улыбнулся Шаса. – Она решила стать из большевички археологом.

Они рассмеялись, и Шаса вернулся в кабину. Взревели двигатели, из выхлопного отверстия показалось облако синего дыма, но быстро развеялось. Шаса приветственно поднял руку и закрыл капот.

Манфред смотрел, как самолет проезжает до конца полосы, поворачивает, с громом проносится мимо и взлетает в небо. Заслонив глаза, он следил, как «москит» повернул на юг, и снова, когда Шаса помахал на прощание рукой, ощутил странную, загадочную связь своей крови и судьбы с человеком под прозрачным фонарем кабины. Хотя они сражались друг с другом, ненавидели друг друга, такими же нитями связаны их народы – и в то же время разделены религией, языком и политическими взглядами.

«Мы с тобой братья, – подумал он. – А за ненавистью лежит потребность выживать. Если ты присоединишься к нам, за тобой могут последовать другие англичане. Нам не выжить порознь. Африкандеры и англичане, мы так тесно связаны, что, если падет один, мы оба утонем в черном океане».

* * *

– Гаррику нужны очки, – сказала Тара, наливая кофе в чашку Шасы.

– Очки? – Он оторвался от газеты. – Какие очки?

– Обыкновенные. Я водила его к окулисту, когда тебя не было. У него близорукость.

– Но в нашей семье никто никогда не носил очки.

Шаса взглянул на стол, за которым завтракала семья, и Гаррик виновато опустил голову. До этой минуты он не сознавал, что позорит всю семью, считая, что очки унижают только его одного.

– Очки. – Шаса не скрывал презрения. – Покупая ему очки, купи заодно пробку, чтобы он заткнул себе конец: пора перестать мочиться в постель.

Шон захохотал и локтем ударил брата в ребра, а Гаррик решил защититься.

– Папа, я не мочился в постель с прошлой Пасхи, – яростно сказал он, покраснев от замешательства и чуть не плача от унижения.

Шон сделал кольца из указательных и больших пальцев и через них посмотрел на брата.

– Мы будем называть тебя Сова Мокрые Простыни, – предложил он, и, как обычно, на защиту брата встал Майкл.

– Совы очень умны, – рассудительно сказал он. – Поэтому в этой четверти Гаррик на первом месте в своем классе. А ты на каком, Шон?

Шон молча смотрел на него: замечания Майкла всегда были спокойными, но действенными.

– Ладно, джентльмены, – вернулся к газете Шаса. – Никакого кровопролития за столом, пожалуйста.

Изабелла достаточно долго находилась не в центре внимания. Папа слишком много внимания уделил братьям, и она еще не получила свое. Накануне отец приехал поздно, когда

она уже давно лежала в постели, и традиционная церемония возвращения домой не была проведена. Конечно, отец поцеловал ее, и обнял, и сказал, какая она красивая, но одно очень важное звено было опущено, и хотя Изабелла знала, что спрашивать неприлично, но больше не могла сдерживаться.

– Ты купил мне подавок? – пискнула она, и Шаса снова опустил газету.

– Подавок? А что это такое?

– Не будь глупеньким, папа, ты знаешь, что это.

– Белла, ты не должна выпрашивать подарки, – строго сказала Тара.

– Если я ему не скажу, папа может забыть, – разумно возразила Изабелла и, глядя на Шасу, сделала специально для него особенно ангельское лицо.

– Боже! – Шаса щелкнул пальцами. – Чуть не забыл!

Изабелла возбужденно заерзала, елозя по высокому стульчику обтянутым шелком задиком.

– Да! У тебя есть подавок!

– Сначала съешь овсянку, – строго приказала Тара, и ложка Изабеллы энергично зазвенела о фарфор: девочка доела овсянку и выскребла тарелку.

Все направились в кабинет Шасы.

– Я самая счастливая. Поэтому получу свой подавок певвой, – установила Изабелла по дороге жизненное правило.

Лицо ее, когда она принялась срывать обертку с подарка, превратилось в воплощение сосредоточенности.

– Кукла! – пропищала она и осыпала поцелуями фарфоровое личико. – Ее зовут Оландава, и я уже люблю ее.

У Изабеллы была, вероятно, самая большая в мире коллекция кукол, но все пополнения принимались с восторгом.

Когда Шону и Гарри передали длинные свертки, мальчики благоговейно застыли. Они знали, что в них: оба долго и красноречиво добивались этого, и теперь, когда момент настал, не решались притронуться к своим подаркам, чтобы те не испарились. Майкл мужественно скрыл разочарование: он надеялся на книгу и потому втайне сочувствовал матери, воскликнувшей:

– Шаса, неужели ты подарил им ружья?

Ружья были одинаковые – магазинные «винчестеры» 22-го калибра, достаточно легкие, чтобы мальчики могли с ними справиться.

– Это лучший подарок, какой я получал.

Шон достал ружье из картонной коробки и любовно погладил каштановое ложе.

– Я тоже.

Гаррик все еще не решился притронуться к ружью. Он склонился к раскрытой коробке на полу посередине кабинета, восхищенно глядя на ее содержимое.

– Отпад, папа! – сказал Майкл, неловко прижимая ружье и неубедительно улыбаясь.

– Не смей произносить это слово, Микки! – выпалила Тара. – Оно такое американское и вульгарное.

Но сердилась она не на Майкла, а на Шасу.

– Смотрите. – Гаррик впервые дотронулся до ружья. – Мое имя – на нем мое имя.

Он кончиками пальцев провел по гравировке на стволе и с близоруким восторгом посмотрел на отца.

– Я бы хотела, чтобы ты дарил им все что угодно, кроме ружей, – сердито сказала Тара. – Я просила тебя не делать этого, Шаса. Я их ненавижу!

– Ну, дорогая, у них должны быть ружья, если они поедут со мной на сафари.

– Сафари! – радостно подхватил Шон. – Когда?

– Вам пора знакомиться с бушем и зверями. – Шаса обнял Шона за плечи. – Нельзя жить в Африке, не зная разницы между чешуйчатым муравьедом и южно-африканским бабуином.

Гаррик схватил свое новое ружье и встал как можно ближе к отцу, чтобы Шаса мог положить ему на плечо вторую руку – если захочет. Но Шаса разговаривал с Шоном.

– В июньские каникулы двинем на юго-запад, возьмем на шахте Х’ани несколько грузовиков и поедем через пустыню к болотам Окаванго.

– Шаса, как ты можешь учить своих детей убивать прекрасных животных! Не понимаю, – с горечью сказала Тара.

– Охота – мужское занятие, – согласился Шаса. – Тебе не нужно его понимать. Можешь даже не смотреть.

– А мне можно поехать, папа? – почтительно спросил Гаррик, и Шаса взглянул на него.

– Тебе придется все время протирать очки, чтобы видеть, в кого стреляешь. – Потом он смягчился. – Конечно, ты поедешь, Гарри. – Он посмотрел на Майкла, стоящего рядом с матерью. – А как ты, Майки? Хочешь?

Майкл виновато взглянул на мать, прежде чем тихо ответить:

– Спасибо, папа. Будет интересно.

– Какой трогательный энтузиазм, – хмыкнул Шаса и добавил: – Хорошо, джентльмены, все ружья должны быть заперты в оружейной. Никто не трогает их без моего разрешения и без моего присмотра. Первый урок стрельбы – когда я вечером вернусь домой.

Шаса нарочно вернулся в Вельтевреден, когда еще оставалось два часа светлого времени, и отвел мальчиков в тир, который построил специально для пристрелки своих охотничьих ружей. Тир располагался за виноградником, далеко от конюшен, чтобы не тревожить лошадей и других животных.

Шон с его координацией прирожденного спортсмена оказался отличным стрелком. Легкое ружье сразу стало как бы продолжением его тела, и за несколько минут он научился сдерживать дыхание и без усилий нажимать на курок. Майкл стрелял почти так же хорошо, но стрельба не очень его интересовала, и он быстро утратил сосредоточенность.

Гарри так старался, что весь дрожал, его лицо сморщилось от усилий. Очки в роговой оправе, которые утром Тара привезла от окулиста, все время сползали на нос и мешали целиться; из десяти выстрелов только один попал в цель.

– Не надо так сильно давить на курок, – говорил ему Шаса. – Уверю тебя, от этого пуля не полетит быстрее или дальше.

Было уже почти темно, когда они вчетвером вернулись домой. Шаса отвел их в оружейную и показал, как чистить оружие, прежде чем закрыть его.

– Шон и Майки готовы пострелять в голубей, – объявил Шаса, когда они поднялись наверх ужинать. – Гарри, тебе нужно еще немного попрактиковаться: голубь умрет скорее от старости, чем от твоей пули.

Шон захохотал и закричал:

– Бери их измором, Гарри!

Майкл не поддержал брата. Он представил себе, как один из прекрасных сине-розовых горных голубей, гнездившихся на карнизе за окном его спальни, умирает, окропив землю рубиновыми каплями крови и рассеивая перья. Его чуть не стошнило, но он знал, чего ждет от него отец.

Вечером, как обычно, когда Шаса завязывал бабочку, дети пришли сказать ему «спокойной ночи». Первой была Изабелла.

– Я ни на секунду не усну, папа, пока ты не ввнешься домой, – предупредила она. – Буду пвосто лежать одна в темноте.

Следующим подошел Шон.

– Ты лучший папа в мире, – сказал он, и они пожали друг другу руки. Поцелуй – для неженки.

– Выпишешь справку? – серьезно спросил Шаса.

Как всегда, труднее всего было ответить Майклу.

– Папа, когда стреляешь в зверей и птиц, им очень больно?

– Нет, если умеешь стрелять точно, – заверил Шаса. – Но, Майки, у тебя слишком живое воображение. Невозможно всю жизнь беспокоиться о животных и других людях.

– Почему, папа? – тихо спросил Майкл, и Шаса взглянул на часы, чтобы скрыть раздражение.

– В восемь мы должны быть в «Келвин-гроув»²⁹. Не возражаешь, если мы поговорим в другой раз?

Последним пришел Гарри. Он застенчиво стоял в дверях гардеробной Шасы, но его голос звучал решительно, когда он объявил:

– Я научусь стрелять так же хорошо, как Шон. Когда-нибудь ты будешь мной гордиться, папа. Обещаю.

Гарри ушел из крыла родителей и направился к детским. У дверей Изабеллы его остановила няня.

– Она уже спит, мастер Гарри.

В комнате Майкла поговорили о предстоящем сафари, но Майкл все время посматривал на книгу, которую держал в руках, и через несколько минут Гарри ушел от него.

Он осторожно заглянул в комнату Шона, готовый обратиться в бегство, если старший брат настроен резвиться. Одно из любимых проявлений братского чувства Шон называл «каштан», а заключалось оно в сильных тычках по выпирающей грудной клетке Гарри. Но сегодня Шон стоял у стены, прижавшись к ней пятками и головой почти касаясь пола. Над головой на расстоянии вытянутой руки он держал комикс с суперменом.

– Спокойной ночи, Шон, – сказал Гарри.

– Шазам!³⁰ – ответил Шон, не опуская комикс.

Довольный Гарри пошел к себе и запер дверь. Потом подошел к зеркалу и принялся разглядывать свое отражение в новых очках в роговой оправе.

– Ненавижу, – с горечью прошептал он и снял очки. Они оставили красные ямки на переносице. Он опустился на колени, снял плинтус под стенным шкафом и просунул руку в образовавшееся углубление. Никто, даже Шон, не знал об этом тайнике.

Гарри осторожно извлек драгоценный пакет. На него были потрачены карманные деньги за восемь недель, но он стоил каждого пенни. Пакет принесли завернутым в простую бумагу, с личным письмом самого мистера Чарльза Атласа³¹. «Дорогой Гарри», – так начиналось письмо, и Гарри потрясла снисходительность великого человека.

Он положил учебник на постель и сбросил пижаму, одновременно просматривая уроки.

– Динамическое напряжение, – прошептал он вслух и, глядя в зеркало, принял позу. Прodelывая последовательность упражнений, он напевал: «Расту, расту во всех отношениях, с каждым днем я становлюсь все лучше и лучше».

Закончив, Гарри был весь в поту, но поднял руку и внимательно посмотрел на бицепс.

– Он вырос, – он старался отбросить сомнения, нащупывая мелкий бугорок мышцы, – он правда вырос!

²⁹ Комплекс развлекательных заведений, спортивных клубов и ресторанов в центре Кейптауна.

³⁰ Колдун, один из персонажей серии комиксов «Капитан Марвел» – «Капитан Чудо».

³¹ Чарльз Атлас, настоящее имя Анджело Сцилиано (1892 – 1972) – создатель метода бодибилдинга и разнообразных программ, с ним связанных.

Гаррик спрятал книгу в тайник и поставил плинтус на место. Потом взял из шкафа плащ-дождевик и расстелил на полу.

Гаррик с восторгом читал, как закалялся Фредерик Селус³², знаменитый африканский охотник: он зимой спал на голом полу. Гаррик выключил свет и лег на плащ. Ночь будет долгой и трудной, он знал это по опыту; доски пола уже сейчас казались железными, но когда утром Шон придет проверять, плащ не оставит следов жидкости, а Гаррик был уверен, что с тех пор как он не спит на мягком матрасе и не укрывается теплым одеялом, его астма заметно отступила.

– С каждым днем я становлюсь лучше и лучше, – прошептал он, закрывая глаза и заставляя себя забыть про холод и про жесткий пол. – И однажды папа будет гордиться мной... как Шоном.

* * *

– Думаю, твоя речь сегодня вечером была очень хороша, даже для тебя, – сказала Тара, и Шаса удивленно посмотрел на нее. Жена уже очень давно не делала ему комплиментов.

– Спасибо, дорогая.

– Иногда я забываю, как ты талантлив, – продолжала она. – Просто в твоём случае все кажется легким и естественным.

Он был так тронут, что ему захотелось протянуть руку и приласкать ее, но Тара отодвинулась от него, а сиденье «роллс-ройса» было слишком широким.

– Могу сказать, что ты сегодня вечером выглядела потрясающе, – пошел он на компромисс, тоже с комплиментом, но, как он и ожидал, Тара в ответ состроила гримасу.

– Ты действительно собираешься взять мальчиков на сафари?

– Дорогая, нужно дать им возможность понять, чего они хотят от жизни. Шону понравится, а вот насчет Майки я не так уверен, – заметил Шаса, и Тара обратила внимание на то, что он даже не упомянул Гаррика.

– Ну, раз ты так решил, я намерена воспользоваться их отсутствием. Меня пригласили принять участие в археологических раскопках в пещерах Сунди.

– Но ведь ты новичок, – удивился он. – Это очень значительные раскопки. Зачем ты им?

– Затем, что я обещала уплатить две тысячи фунтов из стоимости раскопок, вот зачем.

– Вижу, это самый обычный шантаж, – сардонически улыбнулся он, поняв причину ее лести. – Хорошо, договорились. Завтра утром выпишу тебе чек. Сколько времени ты будешь отсутствовать?

– Не знаю.

Но сама подумала: «Столько, сколько смогу быть рядом с Мозесом Гамой».

Раскопки в пещерах Сунди – всего в часе езды от «Ривонии». Тара просунула руку под шубку и коснулась живота. Скоро станет заметно – надо найти предлог не показываться на глаза семье. Ее отец и Шаса ничего не заметят, в этом она уверена, но Сантэн де Тири Кортни-Малкомс зоркая, как ястреб.

– Полагаю, мама согласилась присматривать за Изабеллой, пока тебя не будет, – сказал Шаса, и она кивнула, чувствуя, как поет сердце.

«Мозес, я возвращаюсь к тебе, мы оба возвращаемся к тебе, дорогой».

³² Фредерик Кортни Селус (англ. Frederick Courteney Selous; 31 декабря 1851 г. – 4 января 1917 г.) – британский путешественник, военный, охотник. Его приключения вдохновили Генри Райдера Хаггарда на создание образа Аллана Квотермейна.

* * *

Когда Мозес Гама приезжал на «Ферму Дрейка», это походило на возвращение короля в свою страну из успешного похода. Через несколько минут после его возвращения известие об этом телепатически распространялось по всему обширному пригороду, и над ним нависало ожидание, осязаемое, как дым десяти тысяч кухонных костров.

Обычно Мозес вместе с братом Хендриком Табакой приезжал в доставочном фургоне мясной лавки. Хендрик владел целой сетью из дюжины с лишним таких лавок во всех черных пригородах по всему Витватерсранду, так что надпись на фургоне была подлинной. Небесно-голубые и алые буквы сообщали:

**МЯСНАЯ ТОРГОВЛЯ «ФАЗА МУЛЕ»
ЛУЧШЕЕ МЯСО ПО ЛУЧШИМ ЦЕНАМ**

«Фаза муле» с жаргона, на котором разговаривали в поселках, переводилось как «приятного аппетита», и фургон представлял прекрасное прикрытие для любых перемещений Хендрика Табаки. Действительно ли Хендрик доставлял туши в свои мясные лавки или товары в другие магазины, занимался ли иными, не столь законными делами: развозил незаконно производимую выпивку, знаменитый skokiaan, он же «динамит пригородов», доставлял ли поближе к поселкам, где размещались тысячи черных рабочих золотых шахт, девушек, чтобы разнообразить их монашеское существование, или занимался делами Профсоюза африканских шахтеров, этого сплоченного и мощного братства, чье существование белое правительство предпочитало не замечать, – сине-красный фургон оказывался самым подходящим средством передвижения. Садясь за руль, Хендрик надевал шоферское кепи и костюм защитного цвета с дешевыми медными пуговицами. Он никогда не превышал скорость, старательно соблюдал все правила дорожного движения, и за двадцать лет полиция его не останавливала ни разу.

Когда фургон въезжал на «Ферму Дрейка» и Мозес Гама сидел рядом с Хендриком на пассажирском сиденье, они оказывались в своей крепости. Именно здесь они впервые обосновались, когда двадцать лет назад приехали из пустыни Калахари. Хотя у них был один отец, они во всех отношениях различались. Мозес тогда был молод, высок и поразительно красив, Хендрик – на много лет старше, могучий человек-бык с лысой головой в шрамах и выбитыми и поломанными зубами.

Мозес умен и сообразителен, благодаря самообразованию он стал очень образованным человеком, он харизматичен и лидер от природы, а Хендрик его верный помощник, он признает власть младшего брата и исполняет его приказания быстро и безжалостно. Хотя идея создания бизнес-империи принадлежит Мозесу Гаме, эту мечту превратил в реальность Хендрик. Когда ему показывали, что делать, Хендрик напоминал бульдога не только внешне, но и цепкостью.

Для Хендрика то, что они создали вдвоем: предприятия, законные и незаконные, профсоюз, частная армия боевиков, которую знали и которой боялись во всех поселках черных рабочих, – так называемые «буйволы», – все это имело значение само по себе. Совсем иначе относился к этому Мозес Гама. То, чего они достигли, для него было лишь первым шагом на пути к чему-то гораздо более грандиозному, и хотя он много раз объяснял это старшему брату, Хендрик не мог понять истинную суть замыслов Мозеса Гамы.

За двадцать лет, прошедших с их появления здесь, «Ферма Дрейка» разительно изменилась. Тогда, в самом начале, это был небольшой сквоттерский поселок, присосавшийся, как клещ-паразит, к огромному комплексу золотых шахт центрального Витватерсранда. Это было скопление убогих лачуг, лачуг, построенных из досок, стволов ивы и старых металли-

ческих листов, из расплюснутых ящиков из-под парафина и просмоленной бумаги в мрачном открытом вельде, где не было канализации, водопровода, электричества, школ и больниц, не было даже полиции; белые отцы города из ратуши Йоханнесбурга отказывались признавать существование этого поселка.

Только после войны Трансваальский провинциальный совет решился признать существующее положение дел и конфисковать землю у отсутствующих владельцев. Все три тысячи акров в соответствии с законом о разделе территорий были объявлены официальным поселением черных. Прежнее название – «Ферма Дрейка» – сохранили за его красочные связи с прошлым Йоханнесбурга, чем оно выгодно отличалось от более современного названия Соуэто, представлявшего собой всего лишь сокращение выражения «Юго-Западный пригород» (South Western Township). В Соуэто жило уже свыше полумиллиона черных, в то время как «Ферма Дрейка» дала приют примерно половине этого числа.

Городские власти обнесли новый пригород забором и застроили его однообразными рядами маленьких трехкомнатных коттеджей, совершенно одинаковых, если не считать номера на бетонно-кирпичной передней стене. Дома стояли почти вплотную друг к другу и разделялись узкими улицами, пыльными, немошенными; плоские крыши из оцинкованной рифленой жести на ярком солнце высокого вельда сверкали, как десять тысяч зеркал.

В центре пригорода размещались административные здания, где под надзором нескольких белых муниципальных надсмотрщиков черные клерки взимали налоги и регулировали поступление воды и уборку мусора. За рамками этой оруэлловской картины размещалась исходная часть «Фермы Дрейка», ее лачуги, пивные и бордели. Именно здесь все еще жил Хендрик Табака.

Он медленно вел свой фургон по новому району пригорода, и люди выходили из коттеджей и смотрели, как он проезжает. Это были преимущественно женщины и дети, потому что мужчины рано утром уезжали на работу в город и возвращались поздно вечером. Узнавая Мозеса, женщины хлопали в ладоши и издавали резкие гортанные крики – приветствие племенному вождю, а дети бежали рядом с фургоном, пританцовывая и смеясь, возбужденные тем, что оказались рядом с великим человеком.

Они медленно проехали мимо кладбища, где неаккуратные земляные могилы напоминали кротовины. На одних стояли грубые кресты, на других развевались на ветру обрывки флагов, лежали приношения – еда, черепки кухонной утвари и примитивные резные тотемы, которые должны были умиротворить духов; христианские символы соседствовали с символами тех, кто поклонялся духам и предкам-животным. Въехали в старый поселок, где на криках улочках рядом с лавками знахарей другие лавки предлагали еду, подержанную одежду и краденые радиоприемники. В грязи, в дорожных колеях рылись куры и свиньи, между домами испражнялись голые дети, едва научившиеся ходить и одетые в одну только полоску бус, молодые шлюхи предлагали свои прелести, и вонь и шум стояли чудовищные.

Сюда никогда не заходили белые, а черная муниципальная полиция являлась только по вызову и никогда не задерживалась. Это был мир Хендрика Табаки, здесь его жены содержали в самом центре старого поселка девять домов. Дома были прочные, из обожженного кирпича, но их фасады, намеренно оставленные необработанными и обшарпанными, сливались с окружением. Хендрик давно понял, что нельзя привлекать внимание к себе и своему достатку. У каждой жены был свой дом: все они располагались кольцом вокруг дома самого Хендрика, чуть более внушительного. Хендрик не ограничивался женщинами собственного племени овамбо. Его жены были из племен пондо, и коса, и финго, и басуто, не было только зулусок. Хендрик ни за что не доверился бы в постели зулуске.

Хендрик поставил фургон под навес за домом, и все жены пришли приветствовать его и его знаменитого брата. Поклонами и мягкими уважительными хлопками они проводили мужчин в гостиную Хендрика, в дальнем конце которой, как троны, стояли два плюшевых

кресла, крытые шкурами леопардов. Когда братья сели, две самые молодые жены принесли из парафинового холодильника кувшины с пивом из проса, свежесваренным, густым, как каша, острым, пузырящимся и холодным, а когда мужчины освежились, пришли сыновья Хендрика – поздороваться с отцом и выразить уважение дяде.

Сыновей было много: Хендрик здоровый мужчина, и его жены каждый год беременеют. Однако сегодня присутствовали не все его старшие сыновья. Те, кого Хендрик считал недостойными, отправлялись назад в деревню пасти коров и коз – богатство Хендрика. Более перспективные сыновья работали в мясных лавках, универмагах и пивных, а двое самых способных поступили на юридический факультет Форт-Хара, черного университета в городке Элис в восточном Кейпе.

Сейчас перед Хендриком уважительно выстроились только младшие сыновья, и среди них двое, на кого Мозес Гама смотрел с особым удовольствием. Это были близнецы, сыновья женщины из племени коса, обладавшей особыми достоинствами. Она была послушной женой, рожала Хендрику сыновей, прекрасно танцевала и пела, умела интересно рассказывать, отличалась здравомыслием и умом, к тому же была известной *songoma* – знахаркой и заклинательницей, умевшей предсказывать будущее и обладавшей даром предвидения. Сыновья унаследовали от нее большую часть ее способностей наряду с могучей фигурой отца и красотой дяди Мозеса.

Когда они родились, Хендрик попросил Мозеса дать им имена, и Мозес выбрал их по своему драгоценному экземпляру «Истории Англии» Маколея. Из всех племянников эти мальчики стали его любимцами, и он улыбнулся, когда они склонились перед ним. Мозес вспомнил, что им уже по тринадцать лет.

– Я вижу тебя, Веллингтон Табака, – поздоровался он с одним, потом со вторым: – Я вижу тебя, Рейли Табака³³.

Близнецы не походили один на другого. Веллингтон был высоким, со светлой кожей цвета ириски, а у Рейли черная кожа отливала багровым. У Веллингтона были нилотские черты, как у самого Мозеса, а Рейли лицо досталось более негроидное, с плоским носом и толстыми губами, и более тяжелое и коренастое тело.

– Какие книги вы прочли с нашей последней встречи? – Мозес перешел на английский, заставляя их отвечать на том же языке. – «Слова – это копья, которыми мы защищаемся и разим врагов. У английских слов острейшие наконечники, без них вы будете безоружны», – объяснял он им и сейчас внимательно слушал их неуверенные ответы по-английски.

Тем не менее он заметил, что они лучше владеют языком, и похвалил их за это.

– Пока плоховато, но в Уотерфорде вы научитесь говорить лучше.

Мальчики смущенно переглянулись. Мозес организовал для них сдачу вступительных экзаменов в элитную межрасовую школу за границей, в независимом черном королевстве Свазиленд; близнецы, выдержав экзамен, были зачислены, и теперь недалек был день, когда их выдернут из знакомого, привычного мира и бросят в неизвестность. В Южной Африке все образование было строго раздельным, к тому же министр по делам банту доктор Хендрик Фервурд проводил такую политику: не обучать черных детей до того уровня, который позволит им ощутить недовольство. Он откровенно говорил в парламенте, что обучение черных не должно противоречить правительственной политике апартеида; оно должно вестись так, чтобы не порождать у черных ожиданий, которые никогда не осуществляются. Ежегодные траты на обучение белого ученика составляли 60 фунтов, черного – всего 9 фунтов. Те черные родители, которые могли себе это позволить, – вожди и дельцы, – отправляли детей получать образование за границей, и в этом смысле Уотерфорд был любимым выбором.

³³ Артур Уэсли герцог Веллингтон (1769 – 1852) – английский полководец, победитель битвы при Ватерлоо. Уолтер Рейли (или Рэли) (1552 или 1554 – 1618) – английский государственный деятель, пират и поэт.

Близнецы с облегчением покинули устрашающее общество отца и дяди, но во дворе у сине-красного фургона их ждала мать и резким наклоном головы позвала их в свою гостиную.

Эта комната представляла собой логово колдуньи и знахарки, и обычно близнецам заходить сюда не разрешалось. Поэтому они вошли с еще большим страхом, чем в дом отца. У дальней стены стояли боги и богини их матери, вырезанные из ценных пород дерева, одетые в перья, шкуры и бусы, с глазами из слоновой кости и перламутра, с оскаленными зубами собак и бабуинов. Это было устрашающее сборище, и близнецы старались не смотреть на них.

Перед семейными идолами были разложены приношения: еда, мелкие монеты; на другой стене были развешаны пугающие принадлежности ремесла матери: тыквенные бутылки и глиняные горшочки с мазями и настоями, пучки сухой травы, шкуры змей и засушенные игуаны, кости и черепа бабуинов, стеклянные флаконы с жиром гиппопотама и льва, крокодилий мускус и другие безымянные вещества, которые гнили, бродили и пахли так отвратительно, что ныли зубы.

– Где амулеты, которые я вам дала? – спросила Кузава, их мать. Среди этих грязных, мерзких причиндалов и снадобий она казалась неуместно красивой: полное лицо, гладкая кожа, очень белые зубы и влажные глаза газели. Руки и ноги у нее были длинные и блестели от тайных волшебных мазей, а груди под ожерельями из слоновой кости и амулетами – большие и упругие, как дикие калахарские арбузы.

В ответ близнецы энергично кивнули, чересчур стесняясь, чтобы говорить, и расстегнули рубашки. Амулеты на тонких кожаных ремешках висели у них на шеях. Это были рога маленького серого дукера с залепленными каучуком открытыми концами; Кузаве потребовалось двенадцать лет, чтобы собрать волшебный состав, помещенный в рога. В него входили образцы всех телесных выделений Хендрика Табаки, отца близнецов, – его испражнения и моча, слюна и слизь из носа, пот и семя, ушная сера, кровь, слезы и рвота. Ко всему этому Кузава примешала сухую кожу с подошв его ног, обрезки ногтей, волоски из бороды, с головы и лобка, ресницы, выдернутые, когда он спал, засохшие струпья со шрамов и гной из его ран. Потом она добавила самые сильные травы и жиры, произнесла над ними слова силы и наконец, чтобы амулеты давали полную неуязвимость, заплатила огромные деньги могильщику, который специализировался на таких делах. И он принес печень младенца, сразу после родов утопленного родной матерью.

Все эти ингредиенты женщина поместила в рога дукера. Близнецам не разрешалось приближаться к отцу без амулетов. Сейчас Кузава отобрала амулеты у сыновей. Они были слишком ценны, чтобы оставлять их в распоряжении детей. Улыбаясь, она взвесила эти амулеты в своих изящных ладонях. Создание этих оберегов стоило всех расходов, терпения и тщательного применения магического искусства.

– Отец улыбнулся, увидев вас? – спросила она.

– Улыбнулся, как восходящее солнце, – ответил Рейли, и Кузава довольно кивнула.

– Были ли его слова добры, ласково ли он расспрашивал вас? – продолжала она.

– Когда он говорил с нами, он словно мурлыкал, как лев над мясом, – прошептал Веллингтон, по-прежнему уstraшенный окружением. – Он спросил нас, каковы наши успехи в школе, и похвалил, когда мы рассказали.

– Это амулеты обеспечили его расположение, – сказала довольная Кузава. – Пока вы их носите, отец будет предпочитать вас всем остальным своим детям.

Она взяла два маленьких рога и склонилась перед центральной резной фигурой в ряду идолов – страшным изображением с львиной гривой, в котором жил дух покойной бабушки Кузавы.

– Хорошо охраняй их, почтенный предок, – прошептала она и повесила амулеты на шею фигуре. – Сохрани их силу до тех пор, пока они снова не понадобятся.

Здесь амулеты были в большей безопасности, чем в самых глубоких сейфах банков белых. Ни один человек не посмеет отобрать у духа бабушки амулеты, а из черных сил на это могут отважиться только самые могущественные, потому что фигура – могучий хранитель.

Кузава взяла сыновей за руки и увела из своей коморки на кухню; закрывая за собой дверь, она сбросила мантию колдуньи и вновь стала любящей матерью.

Она накормила близнецов, поставив перед ними полные чашки воздушной, рыхлой белой маисовой каши с масляными бобами и мясом, плавающим в чудесном жире, – так пристало питаться сыновьям богатого и влиятельного человека. Пока мальчики ели, она с любовью ухаживала за ними, расспрашивая, подшучивая, заставляя съесть больше; ее темные глаза гордо блестели. Наконец очень неохотно она разрешила им уйти.

Мальчики в радостном возбуждении убежали в зловонные улочки старого квартала. Здесь они были в своем мире. Мужчины и женщины улыбались им и здоровались, хвалили их и смеялись их остроумным ответам; они были всеобщими любимцами, а их отцом – Хендрик Табака.

Старая Мама Нгинга, толстая и седовласая, сидела перед дверью пивной, которой управляла от имени Хендрика; увидев мальчиков, она крикнула:

– Куда идете, малыши?

– По тайному делу, о котором нельзя говорить, – крикнул в ответ Веллингтон, а Рейли добавил:

– Но в следующем году у нас будет тайное дело с тобой, старая мама. Мы будем пить твой skokiaan и трахать твоих девушек.

Мама Нгинга заколыхалась от удовольствия, а девушки в окнах засмеялись.

– Детеныш льва, этот малыш, – говорили они друг другу.

Бега по улицам, братья звали; из лачуг, из старых хижин, из новых кирпичных домов, построенных правительством, к ним выбегали товарищи, и вскоре следом за братьями шло пятьдесят мальчиков примерно одного возраста. Некоторые несли длинные предметы, тщательно завернутые и перевязанные ремнями из невыделанной кожи.

На дальнем краю пригорода окружавшую его сплошным кольцом изгородь прорезали. От случайного взгляда этот разрез скрывали кусты. Мальчики пробрались в проход и оказались на плантации эвкалиптов. Здесь под возбужденные разговоры они сбросили потрепанную европейскую одежду. Никто еще не был обрезан; их пенисы, которые уже начали увеличиваться в размерах, еще были увенчаны маленьким, сморщенным кожистым колпачком. Через несколько лет мальчики дорастут до возраста посвящения и должны будут выдержать изоляцию, трудности и боль от ножа. Это связывало их больше, чем племенные обычаи: они на всю жизнь породнятся благодаря ножу обрезания.

Они старательно сложили одежду: за всякую потерю строго спросят рассерженные родители, – голышом собрались вокруг драгоценных свертков и смотрели, как общепризнанные атаманы Веллингтон и Рейли Табака разворачивают их. Каждый получил форму воина племени коса – не настоящую, конечно, с бычьими хвостами, погремушками и головными уборами: настоящую они наденут только на церемонию обрезания – amadoda. Здесь были лишь детские поделки: шкуры бродячих собак и кошек, но мальчики надевали их гордо, как подлинные, перевязывали предплечья, бедра и лбы полосками шерсти и разбирали оружие.

Опять-таки это были не воинские ассегаи с длинными лезвиями, а всего лишь традиционные дубинки для драки. Но даже в руках детей эти длинные дубинки становились грозным оружием. Держа в каждой руке по дубинке, мальчишки мгновенно преобразились в вопящих демонов. Они размахивали дубинками и привычно вращали запястьями, так что дубинки свистели и пели в воздухе; они гремели ими одной о другую, сводили вместе, образуя непро-

ходимый заслон; они прыгали, кувыркались и приплясывали, нацеливая друг в друга удары. Наконец Рейли Табака резко свистнул в свой роговой свисток, и все выстроились плотной дисциплинированной колонной.

Рейли повел их. Особым раскачивающимся быстрым шагом, высоко держа боевые дубинки, распевая воинские песни своего племени, они вышли с плантации и оказались в открытом холмистом вельде. Коричневая трава доходила им до колен, а в просветах виднелась шоколадно-красная почва. Местность полого спускалась к узкому ручью, скалистое русло которого лежало в крутых берегах; потом ручей снова поднимался навстречу светлому сапфиру неба высокого вельда.

Когда мальчики начали спускаться по склону к воде, далекая полоска неба разорвалась, на ней показалась длинная цепь раскачивающихся головных уборов – и появилась еще одна группа мальчиков, как и эти, в набедренных повязках, с голыми руками и ногами. Высоко поднимая дубинки, они остановились на вершине, увидели друг друга и завыли, как собаки, взявшие след.

– Зулусские шакалы! – завопил Рейли Табака, и его ненависть была так сильна, что на лбу проступила тонкая пленка испарины. Насколько уходит в прошлое племенная память, зулусы всегда были врагами; ненависть кипела у него в крови, глубокая и древняя. История не знает, сколько раз повторялась эта сцена, сколько тысяч раз на протяжении столетий вооруженные отряды зулусов и коса – *импи* – так смотрели друг на друга; запоминались только жар битвы, и кровь, и ненависть.

Рейли Табака высоко, едва не до плеч брата, подпрыгнул и дико завопил, и его мальчишеский голос в конце предательски перешел в девчачий писк.

– Я хочу пить! Дайте мне напиться зулусской крови!

Его воины запрыгали и закричали:

– Дайте нам зулусской крови!

Противоположные берега оглашали угрозы, оскорбления и вызовы, их доносил ветер. Затем оба *импи* одновременно двинулись вниз; распевая и прыгая, они спускались с крутых берегов в узкую долину, пока между ними не оказался только узкий ручей, и их командиры выступили вперед, чтобы обменяться новыми оскорблениями.

Зулусский *индуна* был одних лет с близнецами. В поселке он ходил в тот же класс правительственной средней школы, что и они. Зовут его Джозеф Динизулу, он высок, как Рейли, и широкоплеч, как Веллингтон. Его имя и осанка напоминают всему миру, что он королевского зулусского рода.

– Эй вы, пожиратели гиенного дерьма! – крикнул он. – Мы учуяли вас за тысячу шагов против ветра. От вони коса тошнит даже стервятников.

Рейли высоко подпрыгнул, крутанувшись в воздухе и подняв набедренную повязку, чтобы показать ягодицы.

– Я очищаю воздух от зулусской вони ветрами! – крикнул он. – Нюхайте, любовники шакалов!

И он пустил такие громкие и долгие ветры, что зулусы, стоящие перед ним, засвистели, выражая ненависть, и заколотили дубинками.

– Ваши отцы – бабы, ваши матери – обезьяны, – крикнул Джозеф Динизулу, почесывая подмышки. – Ваши деды – бабуины, – он изобразил обезьянью походку, – а ваши бабки...

Рейли прервал это оскорбительное перечисление предков, резко дунув в роговой свисток, и спрыгнул с берега к воде. Приземлился на ноги, легкий, как кошка, и перемахнул через ручей. Он оказался на противоположном берегу так быстро, что Джозеф Динизулу, не ожидавший столь скорого завершения перепалки, отступил перед этим натиском.

Десяток других мальчиков коса откликнулись на свисток и последовали за командиром, и яростное нападение Рейли отвоевало для его отряда плацдарм на противоположном

берегу. Коса с пением, под свист дубинок собрались за ним и ударили в центр противостоящего *импи*. Рейли Табаку охватил боевой задор. Он был неуязвим, руки его не знали усталости, кисти и запястья работали так быстро и искусно, что дубинки зажили самостоятельной жизнью, находя слабые места в обороне противостоящих зулусов, ударяясь о плоть, стуча по костям, разрывая кожу, так что скоро покрылись свежей кровью. Ее капли блестели в свете солнца.

Казалось, он неуязвим, но вдруг что-то ударило его в ребра прямо под вскинутой рукой, и он ахнул от боли и неожиданного осознания своей человеческой хрупкости. Минуту назад он был богом войны, а теперь стал маленьким мальчиком, почти выбившимся из сил, которому очень больно и который так устал, что даже не может выкрикнуть очередной вызов; перед ним плясал Джозеф Динизулу – за несколько секунд он словно вырос на шесть дюймов. Снова свистнула его дубинка, нацеленная в голову Рейли, и только отчаянным защитным движением Рейли отразил удар. Отступил на шаг и огляделся.

Не следовало так безрассудно нападать на зулусов. Нет более коварного и хитрого противника, их главным приемом всегда было заманить и окружить. Зулус Чака, этот бешеный пес, родоначальник волчьего племени, называл такой маневр «Рога быка». Бычьи рога брали противника в «вилы», и грудью раздавливали его насмерть.

Джозеф Динизулу отступал вовсе не от страха или удивления – так ему велела подсознательная хитрость, и Рейли завел дюжину своих товарищей в зулусскую западню. Они были одни, остальные остались на том берегу ручья. Он видел их на том берегу поверх голов обступивших его зулусов, и во главе их стоял Веллингтон Табака, его брат, стоял молча и неподвижно.

– Веллингтон! – закричал Рейли срывающимся от усталости и страха голосом. – Помоги нам! Мы держим зулусского пса за яйца. Приди и ударь его в грудь!

На большее ему не хватило времени. Джозеф Динизулу снова набросился на него, и каждый его удар казался сильнее предыдущего. Грудь у Рейли болела, и тут новый удар пробил его защиту и пришелся в плечо, парализовав правую руку до кончиков пальцев. Дубинка вылетела из его руки.

– Веллингтон! – снова закричал он. – Помоги!

Вокруг падали его воины: некоторых сбивали, другие просто бросали дубинки и зарывались в пыль, умоляя пощадить их, а дубинки зулусских мальчишек поднимались и опускались, удары обрушивались на мягкую плоть, и воинственный зулусский клич звучал, как вой собак, преследующих зайцев.

– Веллингтон!

Рейли в последний раз увидел за ручьем брата, и тут удар дубинкой пришелся ему в лоб, сразу над бровью, и он почувствовал, как лопается кожа и теплая кровь заливает глаза. Перед тем как она ослепила его, он увидел лицо Джозефа Динизулу, перекошенное от воинской жажды крови. Ноги мальчика подогнулись, и он ничком упал на землю, а удары продолжали сыпаться на его спину и плечи.

Должно быть, он ненадолго потерял сознание, потому что, когда повернулся на бок и вытер кровь с глаз обратной стороной ладони, увидел, что зулусы всем отрядом перешли ручей, а остатки его импи в панике убегают к зарослям эвкалиптов; люди Динизулу преследовали их.

Рейли попытался встать, но опять начал терять сознание, и его голову объяла темнота. Когда он в следующий раз очнулся, его окружили зулусы, осыпая оскорблениями. На этот раз он сумел сесть, и тут шум стих и сменился напряженным ожиданием. Рейли поднял голову и увидел Джозефа Динизулу, который проталкивался сквозь ряды, насмешливо глядя на него.

– Лай, пес коса, – приказал он. – Мы хотим услышать, как ты лаешь и скулишь, прося пощады.

Рейли, у которого кружилась голова, вызываясь мотнул ею, чувствуя резкую боль под черепом от этого движения.

Джозеф Динизулу поставил ему на грудь босую ногу и сильно толкнул. Рейли был слишком слаб, чтобы сопротивляться, и упал на спину. Джозеф Динизулу, стоя над ним, поднял набедренную повязку. Другой рукой он отвел кожаный мешочек, обнажив розовую головку, и направил струю мочи прямо в лицо Рейли.

– Пей, пес коса, – рассмеялся он.

Горячая моча пахла аммиаком и отчаянно жгла открытые раны на голове, и гнев, унижение и ненависть заполнили душу Рейли.

* * *

– Брат мой, я очень редко пытаюсь отговорить тебя от задуманного. – Хендрик Табака сидел на покрытом леопардовой шкурой стуле, упираясь локтями в колени и наклонившись вперед. – Дело не в самом браке: ты знаешь, я всегда уговаривал тебя взять жену, много жен, чтобы рожали много сыновей; я не одобряю не саму мысль о женитьбе; мысль о зулусах не дает мне спать по ночам. В этой земле десять миллионов других молодых женщин брачного возраста, зачем тебе зулуска? Я предпочел бы увидеть в твоей постели черную мамбу.

Мозес Гама негромко рассмеялся.

– Твоя забота обо мне доказывает твою любовь. – Он снова стал серьезен. – Зулусы – самое многочисленное племя на юге Африки. Сама численность не дает от них отмахнуться. Добавь к этому их агрессивность и воинский дух, и ты поймешь, что в этой земле ничего не изменится без участия зулусов. Если я не смогу заключить союз с этим племенем, все мои мечты пойдут прахом.

Хендрик вздохнул, хмыкнул и покачал головой.

– Давай, Хендрик, ты ведь разговаривал с ними. Разговаривал? – настойчиво спрашивал Мозес, и Хендрик неохотно кивнул.

– Четыре дня я провел в краале Сангане Динизулу, сына Мбежане, который был сыном Губи, который был сыном Дингаана, который был братом самого короля Чаки. Он считает себя зулусским принцем и не раз говорил мне, что его имя означает «Небо»; он роскошествует на земле в холмах под Ледибургом – эту землю подарил ему его старый хозяин генерал Шон Кортни. Здесь у него много жен и триста голов жирного скота.

– Все это я знаю, брат мой, – прервал его Мозес. – Расскажи о девушке.

Хендрик нахмурился. Он любил начинать рассказ с самого начала и не упускать никаких подробностей, пока не дойдет до конца.

– Девушка, – повторил он. – Старый зулусский мошенник стонет, что она луна его ночей и солнце дней, что никто никогда не любил дочь так, как он любит свою, и что он не позволит жениться на ней никому, кроме вождя зулусов. – Хендрик вздохнул. – День за днем слушал я перечисление достоинств этой зулусской самки шакала: как она прекрасна, как талантлива, что она сестра в правительственной больнице, что она происходит от длинной линии жен, приносивших много сыновей... – Хендрик замолчал и с отвращением плюнул. – Прошло три дня, прежде чем он упомянул то, что с самого начала было у него на уме, – lobola, выкуп за невесту. – Хендрик раздраженно развел руками. – Все зулусы воры и пожиратели навоза.

– Сколько? – с улыбкой спросил Мозес. – Какая ему нужна компенсация за брак с человеком из чужого племени?

– Пятьсот голов лучшего скота, все коровы, способные телиться, и все не старше трех лет. – Хендрик сердито сморщился. – Все зулусы воры, а раз он называет себя зулусским принцем, значит, он принц воров.

– Естественно, ты сразу согласился? – спросил Мозес.

– Естественно, я торговался еще два дня.

– И какова окончательная цена?

– Двести голов, – вздохнул Хендрик. – Прости, брат, я старался, но этот старый зулусский пес стоял, как скала. Это самая низкая цена за луну его ночей.

Мозес Гама откинулся на спинку стула и задумался. Цена была невероятно огромна. Хороший скот шел по 50 фунтов за голову, но в отличие от брата Мозес не питал неутолимой страсти к деньгам как таковым.

– Десять тысяч фунтов? – негромко спросил он. – Найдется ли у нас столько?

– Будет больно. Целый год мне будет так больно, словно меня избили хлыстом, – проворчал Хендрик. – Понимаешь ли ты, брат мой, сколько всего человек может купить за десять тысяч фунтов? За эти деньги я мог бы купить десять девушек коса, красивых, как райские птицы, пухлых, как цесарки, и со свидетельством о девственности, подписанным самыми авторитетными повитухами...

– Десять девушек коса не приведут ко мне зулусов, – оборвал его Мозес. – Мне нужна Виктория Динизулу.

– Lobola не единственное, что с нас требуют, – сказал Хендрик. – Есть еще кое-что.

– Что еще?

– Девушка христианка. Если ты возьмешь ее, других жен у тебя не будет. Она останется твоей единственной женой, брат мой. Прислушайся к человеку, который дорого заплатил за свой опыт: три жены – самое меньшее, что необходимо мужчине для довольства. Три жены будут с таким пылом оспаривать внимание мужа, что мужчина может расслабиться. Две жены – лучше, чем одна. А вот одна жена – одна и единственная – сделает пищу в твоём животе кислой и покроет твои волосы серебром. Пусть эта зулусская девка идет к тому, кто больше ее заслуживает, – к какому-нибудь зулусу.

– Передай ее отцу, что мы заплатим цену, которую он просит, и принимаем его условия. Скажи также, что, поскольку он принц, мы ждем от него свадебного пира, достойного принцессы. Нам нужна свадьба, о которой будут говорить по всему Зулуленду: от Дракенсбергских гор до самого океана. Я хочу, чтобы мой брак видели все вожди и старейшины, чтобы присутствовали все советники и индуну, чтобы явился сам король зулусов, и, когда все они соберутся, я буду говорить с ними.

– Можешь с таким же успехом разговаривать со стадом бабуинов. Зулус слишком горд и полон ненависти, чтобы понять твои слова.

– Ты ошибаешься, Хендрик Табака. – Мозес накрыл руку брата своей. – Это мы недостаточно горды и недостаточно сильно ненавидим. Наша гордость, наша слабая ненависть извращены и нацелены не на ту мишень. Мы тратим их друг на друга, на черных. Если бы все черные племена собрали всю свою гордость и всю ненависть и обратили против белых, разве те могли бы сопротивляться? Вот о чем я буду говорить на своем свадебном пиру. Вот для чего мы создаем «Umkhonto we Sizwe» – «Копье народа».

Какое-то время они молчали. Глубина видения брата, его страшная одержимость всегда пугали Хендрика и вызывали у него благоговение.

– Как угодно, – согласился он наконец. – Когда ты хочешь устроить свадьбу?

Мозес не раздумывал ни секунды.

– В полнолуние середины зимы. За неделю до начала нашей кампании неповиновения. Они снова помолчали. Наконец Мозес встряхнулся.

– Значит, решено. Мы должны обсудить перед ужином что-нибудь еще?

– Ничего. – Хендрик встал и собрался приказать женщинам нести еду, как вдруг вспомнил. – А, еще одно. Белая женщина, та, с которой ты был в «Ривонии». Ты ее помнишь?

Мозес кивнул.

– Да, женщина Кортни.

– Та самая. Она прислала сообщение. Хочет снова тебя видеть.

– Где она?

– Близко, в месте, которое называется пещеры Сунди. Она оставила тебе номер телефона. Говорит, дело важное.

Мозес явно был раздражен.

– Я говорил ей, чтобы она не пыталась со мной связаться, – сказал он. – Предупредил, что это опасно... – Он встал и принялся расхаживать по комнате. – Если она не научится слушаться и держать себя в руках, для нашей борьбы она будет бесполезна. Белые женщины все такие – избалованные, непослушные и капризные. Надо проучить ее...

Мозес замолчал и подошел к окну. Его внимание привлекло что-то во дворе, и он резко крикнул:

– Веллингтон! Рейли! Оба сюда!

Несколько секунд спустя мальчики застенчиво вошли в комнату и остановились, виновато понутив головы.

– Рейли, что с вами случилось? – сердито спросил Хендрик.

Близнецы сменили шкуры и набедренные повязки на обычную одежду, но из ссадины на лбу Рейли сквозь грязную повязку проступала кровь. На рубашке багровели пятна, один глаз заплыл.

– *Бабу!* – начал оправдываться Веллингтон. – Мы не виноваты. На нас напали зулусы.

Рейли презрительно посмотрел на него и возразил:

– Мы договорились подраться с ними. Сначала все шло хорошо, пока кое-кто не предал остальных и не сбежал. – Он поднес руку к раненой голове. – Даже среди коса есть трусы, – сказал он и снова поглядел на брата. Веллингтон молчал.

– В следующий раз деритесь более жестоко и будьте хитрее, – отпустил их Хендрик Табака, а когда они выбежали из комнаты, повернулся к Мозесу. – Видишь, брат. Даже в детях нельзя ничего изменить.

– В детях наша надежда, – сказал Мозес. – Их, как обезьян, можно выучить чему угодно. Трудно переделать стариков.

* * *

Тара Кортни остановила свой старый потрепанный «паккард» на обочине горной дороги и несколько секунд стояла, глядя на раскинувшийся под ней Кейптаун. Юго-восточный ветер взбивал в белую пену воды Столового залива.

Она оставила машину и медленно пошла по краю, делая вид, что любит дикими цветами, раскрасившими горный склон над ней. На верху подъема к небу вздымался серый бастион горы, и Тара остановилась, задрала голову и посмотрела вверх. Над вершиной плыли облака, создавая иллюзию, что гора падает.

Она снова украдкой взглянула на дорогу, по которой приехала. По-прежнему пусто. За ней не следили. Должно быть, полиция наконец потеряла к ней интерес. Уже несколько недель она не чувствует слежки.

Ее поведение вдруг изменилось, и она целеустремленно вернулась к «паккарду», достала из багажника небольшую корзину для пикников и быстро пошла обратно к бетонному зданию, в котором располагалась нижняя станция канатной дороги. Тара взбежала по ступеням, заплатила за билет в оба конца, и в это время служитель открыл двери залы ожидания и небольшая группа пассажиров прошла в гондолу и заняла в ней места.

Красная гондола рывком тронулась с места и начала быстро подниматься, висая на серебристой нити троса. Пассажиры восторженно ахали, глядя на открывающуюся пано-

раму океана, скал и города внизу, а Тара тайком разглядывала их. Через несколько минут она убедилась, что среди них нет сотрудников тайной полиции в штатском, успокоилась и обратила внимание на великолепный вид. Гондола поднималась вдоль горного склона круто, почти вертикально. Эрозия выточила в камне почти правильные кубы, которые казались строительными глыбами замка великанов. Миновали группу скалолазов, поднимающихся в одной связке прямо по скале. Тара представила себя среди них, а пропасть – прямо под ногами, и головокружение заставило ее покачнуться. Ей пришлось крепче взяться за поручень, чтобы прийти в себя, и когда гондола остановилась на верхней станции на краю тысячефутового утеса, Тара вышла из нее с облегчением.

В маленькой чайной, построенной так, чтобы напоминать альпийские шале, за столиком ее ждала Молли; увидев подругу, она вскочила.

Тара подбежала к ней и обняла.

– О Молли, дорогая Молли, как я по тебе соскучилась!

Через несколько секунд они разомкнули объятия, немного смущенные своим проявлением чувств и улыбками других посетителей чайной.

– Не хочу сидеть на месте, – сказала Тара. – Меня чуть не разрывает от возбуждения. Пошли погуляем. Я прихватила сэндвичи и термос.

Они вышли из чайной и пошли по тропе, огибающей вершину. Среди недели на горе было мало гуляющих, и, пройдя всего сто ярдов, они оказались одни.

– Расскажи мне о моих старых подругах по «Черному шарфу», – велела Тара. – Я хочу знать обо всем, что вы делали. Как Дерек и дети? Кто сейчас работает в моей клинике? Давно ты там была? Ах, как мне всех вас не хватает!

– Спокойней, – рассмеялась Молли. – По одному вопросу за раз...

И она стала пересказывать Таре новости. На это ушло немало времени; болтая, они отыскивали место для пикника и сели, свесив ноги с утеса, пили горячий кофе и крошками хлеба кормили пушистых маленьких даманов – горных кроликов, живущих в трещинах и расселинах.

Наконец запас новостей и сплетен истощился. Женщины сидели в довольном молчании. Нарушила его Тара.

– Молли, у меня опять будет ребенок.

– Ага! – засмеялась Молли. – Так вот чем ты была занята.

Она посмотрела на живот Тары.

– Ничего не заметно. Ты уверена?

– О, Молли, ради Бога. Я давно не плаксивая девственница. Поверь мне; я родила уже четверых. Конечно, уверена.

– Когда рожаем?

– В январе следующего года.

– Шаса будет доволен. Он любит детей. В сущности, если не считать денег, дети – единственное, к чему он проявляет чувства. Ты сказала ему?

Тара отрицательно покачала головой.

– Нет. Пока я сказала только тебе. Пришла к тебе первой.

– Я польщена. Желаю вам обоим счастья.

Она замолчала, заметив выражение лица Тары, и присмотрелась к ней внимательнее.

– Боюсь, для Шасы в этом будет мало радости, – негромко сказала Тара. – Это не его ребенок.

– Боже, Тара! Вот уж от тебя... – Молли замолчала и немного подумала. – Тара, дорогая, я собираюсь задать глупый вопрос. Но откуда ты знаешь, что это не Шаса постарался?

– Шаса и я... мы с ним... ну, мы с ним не были как муж и жена уже очень давно.

– Понятно. – Несмотря на дружбу, на хорошее отношение к Таре, в глазах Молли вспыхнул интерес. Это было так занимательно! – Но Тара, милая, это еще не конец света. Беги домой и спускай с Шасы штаны. Мужчины ужасные олухи, сроки для них ничего не значат, а если он начнет подсчитывать, подкупи врача: пусть скажет, что роды преждевременные.

– Нет, Молли, выслушай меня. Стоит ему увидеть младенца, и он все поймет.

– Не понимаю.

– Молли, я ношу ребенка Мозеса Гамы.

– Милостивый Христос! – прошептала Молли.

Поведение Молли показало Таре, в каком серьезном положении она очутилась.

Молли была воинствующей либералкой; для нее, как для Тары, люди не делились на белых и цветных, и все же ее ошеломила мысль, что белая женщина беременна от цветного мужчины. В их стране смешанный брак был уголовным преступлением, которое каралось тюремным заключением, но это наказание ничто по сравнению с гневом общества. Тару сразу изгонят из общества, она станет парией.

– Боже! – чуть смягчилась Молли. – Боже, Боже! Бедная Тара, какой ужас. А Мозес знает?

– Еще нет, но я надеюсь скоро увидеть его и сказать.

– Тебе, конечно, придется от него избавиться. У меня есть адрес в Лоренцо-Маркеше. Там врач-португалец. Мы посылаем к нему наших девочек из сиротского приюта. Он дорого стоит, но работает чисто и хорошо, не то что какая-нибудь грязная старуха в задней комнате, с вязальным крючком.

– Молли, как ты можешь так думать обо мне? Как ты можешь верить, что я убью собственного ребенка?

– Ты собираешься его оставить? – удивилась Молли.

– Конечно.

– Но, моя дорогая, он будет...

– Цветной, – закончила за нее Тара. – Да, вероятно, цвета кофе с молоком, курчавенький, с черными кудрями, и я буду любить его всем сердцем. Так же, как люблю его отца.

– Но я не вижу, как...

– Поэтому я и обратилась к тебе.

– Я сделаю все, что хочешь, скажи только, что.

– Найди мне цветную пару. Хороших приличных людей, лучше – у которых есть свои дети. Пусть заботятся о моем ребенке, пока я не смогу взять его к себе. Конечно, они получат столько денег, сколько понадобится, и гораздо больше...

Она замолчала и умоляюще посмотрела на Молли.

Молли с минуту думала.

– Думаю, я знаю подходящую пару. Они школьные учителя, и у них четверо своих детей, все девочки. Они сделают это для меня, но Тара, как ты собираешься скрывать это? Скоро будет заметно: с Изабеллой у тебя был такой большой живот! Шаса может не заметить, он слишком внимательно смотрит в чековую книжку, но твоя свекровь – чистой воды мегера. От нее ничего не скроешь.

– Я уже придумала, как это скрыть. Убедила Шасу, что заинтересовалась археологией, которая заменит мне политическую активность, и хочу поработать на раскопках в пещерах Сунди с американским археологом профессором Марион Херст, ты ее знаешь.

– Да, я читала две ее книги.

– Я сказала Шасе, что буду в отъезде всего два месяца, а когда уеду, буду все время откладывать возвращение. Сантэн присмотрит за детьми. Об этом я уже договорилась: она это любит, и, Господь свидетель, детям так только лучше. Она лучше меня умеет поддержи-

вать дисциплину. К тому времени, когда моя любимая свекровь вернет их мне, они будут шелковые.

– Ты будешь скучать по ним, – сказала Молли, и Тара кивнула.

– Конечно, но ведь это только на полгода.

– Где думаешь рожать? – продолжала расспросы Молли.

– Не знаю. В обычную больницу или родильный дом я обратиться не могу. Можешь представить, что начнется, когда я предъявлю им коричневого младенца в белоснежных, только для белых, простынях в чистой больнице только для белых. Ну, у меня еще много времени, чтобы все устроить. Прежде всего надо уехать в Сунди, подальше от зловещего взгляда Сантэн Кортни-Малкомс.

– А почему Сунди, Тара? Что заставило тебя выбрать Сунди?

– Потому что я буду близко к Мозесу.

– Неужели это так важно? – Молли безжалостно смотрела на нее. – Неужели у тебя такое чувство к нему? Это не был небольшой эксперимент, легкое необычное приключение? Захотелось понять, каково быть с одним из них?

Тара покачала головой.

– Ты уверена, Тара? Я хочу сказать, иногда у меня тоже бывают подобные порывы. Думаю, такое любопытство естественно, но меня ни разу не поймали.

– Молли, я люблю его. Если он попросит, я без сожаления отдам за него жизнь.

– Бедная Тара! – Слезы навернулись на глаза Молли, и она раскрыла Таре объятия. Они в отчаянии обнялись, и Молли прошептала: – Он тебе не по зубам, дорогая. Он никогда, никогда не будет твоим.

– Мне бы хватило хоть небольшой его части, хоть на время. Для меня этого достаточно.

* * *

Мозес Гама остановил свой сине-красный доставочный мясной фургон на стоянке для посетителей и выключил мотор. Перед ним раскинулись газоны, на которых одинокая маленькая дождевальная установка старалась победить заморозки и засухи высокого вельда, но посеянная на газонах трава кикую была выгоревшей и мертвой. За газонами виднелись длинные двухэтажные здания больницы Барагванат.

От главного здания больницы навстречу ему шла небольшая стайка черных сестер. В накрахмаленных белых халатах все они выглядели опрятными и деловитыми, но, поравнявшись с фургоном и увидев за рулем Мозеса, захихикали, прикрывая рты ладонями в невольном жесте подчинения мужчине.

– Девушка, я хочу поговорить с тобой. – Мозес высунулся из окна кабины. – Да, да, с тобой!

Выбранную им медсестру охватило смущение. Подруги поддразнивали ее, когда она приблизилась к Мозесу и робко остановилась в пяти шагах от него.

– Ты знаешь сестру Викторию Динизулу?

– Eh he! – подтвердила девушка.

– Где она?

– Идет за нами. Мы в одной смене. – Сестра оглянулась в поисках спасения и увидела во второй группе в белых халатах, идущей по дорожке, Викторию. – Вон она. Виктория! Иди быстрее! – крикнула девушка и побежала к домам, в которых жили работники больницы.

Виктория узнала Мозеса и, сказав несколько слов подругам, оставила их и пошла по бурому газону прямо к нему. Мозес выбрался из фургона, и она посмотрела на него.

– Прости. Тяжелая авария автобуса. Мы все были заняты в операционных, пока не обработали последнего пациента. Я заставила тебя ждать.

Мозес кивнул.

– Неважно. У нас еще много времени.

– Мне нужно несколько минут, чтобы переодеться, – улыбнулась она. Зубы у нее были прекрасные, идеально ровные и такие белые, что казались почти прозрачными, а кожа светила здоровьем и молодостью. – Я рада снова тебя видеть, но мне нужно прихватить большую кость.

Они общались на английском, и хотя Виктория говорила с акцентом, но уверенно и слова подбирала так же легко, как Мозес.

– Это хорошо, – серьезно улыбнулся он. – Твоя кость станет нашим ужином, и это бережет мои деньги.

Она рассмеялась – красивым грудным смехом.

– Не уходи, я скоро.

Виктория повернулась и пошла к домам медперсонала; Мозес с удовольствием смотрел, как она поднимается по ступеням. Узкая талия подчеркивала округлость ягодиц под белым халатом. Небольшая грудь со временем обещала стать полной, а бедра уже были широкие: такой легко носить детей. Такое тело – образец красоты для нгуни. Мозес вспомнил виденную когда-то фотографию Венеры Милосской. Осанка у Виктории была прямая, шея длинная и тоже прямая, и хотя бедра покачивались, как будто она танцевала под звуки далекой музыки, голова и плечи были неподвижны. Очевидно, девочкой она вместе со всеми носила полные кувшины воды от источника и легко удерживала кувшин на голове, не пролив ни капли. Именно так у зулусских девушек вырабатывается их удивительная царственная осанка.

С круглым лицом мадонны, с огромными темными глазами Виктория была одной из красивейших женщин, каких встречал Гама, и пока он ждал, облокотившись на капот фургона, он думал о том, что у каждой расы свой идеал женской красоты и идеалы эти очень различаются. Это заставило его вспомнить о Таре Кортни с ее большими круглыми грудями и узкими мальчишескими бедрами, с длинными каштановыми волосами и мягкой, безжизненной белой кожей. Мозес поморщился: воспоминание вызвало у него легкое отвращение; но обе женщины были очень важны для его амбиций, и его сексуальная реакция на них – влечение или отвращение – не имела никакого значения. Важна была только их полезность.

Виктория вернулась через десять минут. На ней было алое платье. Яркие цвета ей шли, они подчеркивали бархатистость темной кожи. Она села на пассажирское сиденье фургона рядом с Мозесом и взглянула на дешевые золотые часики на запястье.

– Одиннадцать минут шестнадцать секунд. Ты не можешь жаловаться, – объявила она. Он улыбнулся и включил двигатель.

– Теперь давай возьмемся за твой окорок динозавра, – предложил он.

– Тираннозавра рекса, – уточнила она. – Самого свирепого из динозавров. Но нет, оставим до ужина, как ты предложил.

Ее болтовня развлекала его. Для черной незамужней девушки необычны были такие общительность и уверенность в себе. Потом он вспомнил, что она училась и жила здесь, в одной из самых больших и заполненных пациентами больниц в мире. Это вам не деревенская девчонка, пустоголовая хохотушка... и, словно стремясь это продемонстрировать, Виктория легко принялась обсуждать шансы генерала Дуайта Эйзенхауэра попасть в Белый дом на предстоящих президентских выборах и то, как это отразится на борьбе американцев за права человека – и на их собственной борьбе здесь, в Африке.

Пока они разговаривали, солнце начало садиться за город, красивые здания и парки остались позади и они неожиданно погрузились в атмосферу пригорода Соуэто, где жили полмиллиона черных. Сгустились сумерки, запахло дымом кухонных костров, и этот дым окрасил закат в дьявольский красный цвет крови и апельсинов. Узкие немощенные улицы

были забиты возвращающимися с работы людьми, каждый нес пакет или сумку, и все шли в одном направлении, к своим домам, шли с работы после трудового дня, начавшегося еще затемно с мучительной поездки автобусом или поездом к рабочему месту во внешнем мире и закончившегося в темноте обратной поездкой, когда усталость становилась еще сильнее и непереносимее.

На этих забитых народом улицах фургон замедлил ход, но кое-кто узнал Мозеса и побежал впереди, расчищая дорогу.

– Мозес Гама! Это Мозес Гама, дайте ему проехать.

Они двигались дальше, и прохожие на улицах приветствовали их.

– Я вижу тебя, *нкози!*

– Я вижу тебя, *бабу!*

Они называли его отцом и господином.

Когда добрались до общинного центра, примыкавшего к комплексу административных зданий, на площади перед залом было столько народу, что им пришлось оставить фургон и последние сто ярдов пройти пешком.

Но здесь их уже сопровождали «буйволы». Громилы Хендрика Табаки расчищали дорогу в сплошной массе людей, смягчая это проявление силы улыбками и шутками, так что толпа расступалась без возражений.

– Это Мозес Гама, дайте ему пройти.

Виктория цеплялась за его руку и возбужденно смеялась.

Когда они входили в главные двери, Виктория подняла голову и прочла над ними надпись:

ОБЩИННЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ Х. Ф. ФЕРВУРДА

Обычаем националистического правительства быстро стало присвоение всем административным зданиям, аэропортам, плотинам и другим значительным для общества объектам имен политических светил и посредственностей, но невероятная ирония заключалась в том, что общинный зал самого крупного черного пригорода называли именем белого создателя законов, протестовать против которых здесь собрались. Хендрик Френс Фервурд был министром по делам банту и главным создателем системы апартеида.

Внутри стоял оглушительный шум. Просьбу об использовании зала для политического митинга администрация, конечно, отклонила бы, поэтому официально собрание рекламировалось как рок-концерт знаменитой группы «Мармеладные мамбы».

Группа была на сцене – четверка в облегающих костюмах с блестками, которые сверкали в мерцании разноцветных огней. Множество усилителей оглушали плотную толпу музыкой, словно бомбардировкой с воздуха, а танцующие подхватывали эти звуки и раскачивались и содрогались в ритме музыки, как гигантский чудовищный организм.

«Буйволы» прокладывали дорогу через танцплощадку; танцующие узнавали Мозеса и выкрикивали приветствия, пытались дотронуться до него, когда он проходил. Но вот его узнали и в оркестре, музыка оборвалась на середине ноты, и Мозеса встретили громом фанфар и раскатистой барабанной дробью.

Десятки добровольных помощников подняли Мозеса на сцену, а Виктория осталась внизу, на уровне его колен, завязнув среди людей, двинувшихся вперед, чтобы видеть и слышать Мозеса Гаму. Дирижер попытался представить его, но его голос, даже усиленный множеством громкоговорителей, не смог перекрыть громогласные приветственные крики. Четыре тысячи глоток исторгали свирепый рев, который длился и длился, не ослабевая. Он перекачивался через Мозеса Гаму, как морские волны в шторм, а Мозес стоял, как скала, неподвластная волнам.

Но вот он поднял руки, и сразу стало тихо, над огромной толпой нависла сдержанная болезненная тишина, и в этой тишине Мозес Гама взревел:

– *Amandla!* Власть!

И толпа единодушно отозвалась:

– *Amandla!*

Он снова выкрикнул глубоким волнующим голосом, который отразился от потолочных балок и проник в самую глубину сердец:

– *Mayibuye!*

И они взревели в ответ:

– Африка! Да пребудет она вечно!

Снова все смолкли в ожидании, возбужденные и взвинченные, и Мозес Гама заговорил:

– Давайте поговорим об Африке, – начал он. – Поговорим о ее богатых, плодородных землях и о тех крошечных бесплодных участках, на которых вынуждены жить наши люди.

Поговорим о детях без школ и о матерях без надежды.

Поговорим о налогах и пропусках.

Поговорим о голоде и болезнях.

Поговорим о тех, кто работает под палящим солнцем и в темных недрах земли.

Поговорим о тех, кто живет в рабочих поселках, вдали от своих семей.

Поговорим о голоде, о слезах и о жестоких законах буров.

* * *

Целый час он держал их в руках, а толпа молча слушала, только изредка раздавались стоны и невольные болезненные вздохи, а иногда гневный рев. К концу речи Виктория обнаружила, что плачет. Слезы свободно и бесстыдно бежали по ее запрокинутому прекрасному круглому лицу.

Закончив, Мозес, обессиленный и потрясенный собственной страстью, опустил руки и склонил подбородок на грудь, и зал объяла мертвая тишина. Все были слишком взволнованы, чтобы кричать или аплодировать.

В этой тишине Виктория вдруг поднялась на сцену и повернулась к толпе.

– *Nkosi sikelel' i Africa*, – запела она.

«Боже, спаси Африку». Оркестр мгновенно подхватил припев, и великолепные голоса африканцев слились в потрясающий хор. Мозес Гама подошел к Виктории, взял ее за руку, и их голоса слились.

Им потребовалось почти двадцать минут, чтобы выйти из зала: тысячи человек хотели прикоснуться к ним, услышать их голоса, стать частью их борьбы.

И, конечно, за один вечер прекрасная зулусская девушка в пламенеющем алом платье стала частью почти мистической легенды о Мозесе Гаме. Те, кому посчастливилось побывать на том вечере, рассказывали тем, кто не присутствовал, как царственно она выглядела, когда стояла и пела перед ними, – королева, достойная высокого черного императора рядом с ней.

– Я никогда ничего подобного не испытывала, – сказала Вики, когда они наконец снова остались одни и маленький сине-красный фургон двинулся по главному шоссе обратно к Йоханнесбургу. – Их любовь к тебе так сильна... – Она помолчала. – Невозможно описать.

– Иногда она пугает, – согласился он. – Они возлагают на меня очень тяжелую ответственность.

– Думаю, ты вообще не знаешь, что такое страх, – сказала она.

– Знаю. – Он покачал головой. – Знаю лучше многих. – И тут же сменил тему: – Который час? Надо найти где поесть до комендантского часа.

– Еще только девять, – удивилась Виктория, подставив часики под свет уличного фонаря и посмотрев на циферблат. – Я думала, гораздо позже. Мне кажется, за один короткий вечер я прожила целую жизнь.

Впереди блеснула неоновая надпись «Кукольный домик. Драйв-ин. Вкусная еда»³⁴. Мозес сбросил скорость и свернул на стоянку. Он на несколько минут оставил Вики, чтобы подойти к прилавку ресторана в виде кукольного домика, и вернулся с гамбургерами и кофе в двух бумажных пакетах.

– Как хорошо! – сказала она, набив рот гамбургером. – Я не сознавала, что так проголодалась.

– А что же кость, которой ты мне угрожала? – спросил Мозес на беглом зулусском.

– Ты говоришь по-зулусски! – Она удивилась. – Не знала. Когда ты научился? – спросила она на том же языке.

– Я говорю на многих языках, – ответил Мозес. – Если я хочу обращаться ко всем, другого пути нет. – И он улыбнулся. – Однако, девушка, не увливай. Расскажи про эту кость.

– Так глупо об этом говорить после всего, что с нами было сегодня вечером... – Вики замялась. – Я собиралась спросить, почему ты послал брата говорить с моим отцом, прежде чем что-нибудь сказать мне. Понимаешь, я не деревенская девушка из крааля. Я современная женщина и живу своим умом.

– Виктория, в нашей борьбе за освобождение мы не должны отказываться от своих традиций. Я поступил так из уважения к тебе и к твоему отцу. Прости, если это тебя оскорбило.

– Я немного рассердилась, – призналась она.

– Поможет ли, если я спрошу тебя сейчас? – Он улыбнулся. – Ты все еще можешь отказаться. Прежде чем мы пойдем дальше, подумай как следует. Если ты выйдешь за меня, ты выйдешь за наше дело. Наш брак станет частью борьбы нашего народа, дорога перед нами будет трудна и опасна, и ее конца мы никогда не увидим.

– Мне не нужно думать, – негромко ответила она. – Сегодня, когда я стояла перед нашими людьми, держа тебя за руку, я поняла, что для этого и родилась.

Он взял обе ее руки в свои и привлек Викторию к себе, но их губы не успели соприкоснуться: мощный белый луч света упал на их лица. Они удивленно отшатнулись друг от друга, закрывая глаза руками.

– Эй, что это? – воскликнул Мозес.

– Полиция! – ответил голос из темноты за открытым боковым окном. – Выходите оба!

Они вышли из фургона. Мозес обошел капот и встал рядом с Викторией. Он увидел, что, пока они были заняты друг другом, на стоянку въехал и остановился у ресторана полицейский пикап. Четверо полицейских в синих мундирах, с фонариками, проверяли сидящих во всех машинах на стоянке.

³⁴ Драйв-ин – заведение, в котором обслуживают автомобилистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.